

КАЛИФОРНИЙСКАЯ СЛАВЯНКА

Киноповесть

Часть первая

АЛЯСКА

Побережье у матерой земли американской. Вода, кругом вода. И скалистый берег в туманной дымке раннего утра. А над всем этим тишина. Только слышен плеск волн о кожаный борт байдары, да глухой звук смазанных жиром уключин. В лодке куча свежих котиковых шкур и десятка два алеутов — зверобоев во главе с байдарщиком Сысоем Слободчиковым, сидящим на корме. Он один зорко глядит вперед и по сторонам. Все другие молчат и равнодушно взирают на океанский простор, на волны и скалы. Люди устали. Несколько байдар возвращаются с промысла.

Вдруг Сысой настораживается и машет рукой гребцам.

— Стой! Суши весла! — командует жестами Слободчиков.

Все поворачиваются в ту сторону, куда смотрит Сысой. Там из-за скалы видна корма большого парусного судна, стоящего на якоре.

— Кажись не наш, — говорит один из охотников.

— Знамо не наш, — отвечает Сысой. — Нашим тут делать нечего в сем углу тайном.

Слободчиков расстегивает на груди кафтан и достает из-за пазухи подзорную трубу. Корма незнакомого судна приближается и можно прочесть четкие латинские буквы «Albatros».

— Англичанин... Еще один разбойник в наших водах. Видно, опять что-то затевают, собаки... К берегу! — приказывает Сысой гребцам.

Он подает знак рукой на идущие следом байдары и лодки поворачивают к скалистому берегу.

Ново-Архангельская крепость — резиденция главного правителя русских владений в Америке на острове Ситха.

На высокой скале развевается трехцветный, с двуглавым орлом флаг Российско-Американской компании. Он будто плывет над домами, амбарами и другими постройками крепости. У самого причала среди других стоит иностранное судно, на которое по сходам работными людьми заносятся тюки и рогожные мешки с пушниной. Идет погрузка судна.

За этой работой из окна дома правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова наблюдает капитан Томас Мур, американец. В кабинете за столом сидит и что-то пишет Баранов.

— Я старый морской бродяга, мистер Баранов, но на берегу мне более всего по душе вот эта картина, — говорит, кивая на окно Мур.

Баранов встает из-за рабочего стола и подходит к окну.

— Вы правы, господин Мур... И у меня от сей картины на сердце любо. Всегда чувствую, глядя на это, свое

участие в деле, ради которого мы пришли сюда, на край земли. Но главное — все это на пользу Отечеству.

— Мы, американцы, мистер Баранов, желаем, как можно дольше работать вместе с вами — русскими. Что хорошо для наших компаний, то хорошо и для народов наших.

Да, господин Мур, наша с вами служба — взаимная выгода для наших народов. Но, к сожалению, тут у матерой земли американской подвизаются и другие люди.

— Есть, есть, мистер Баранов. Вот, говорят, что в здешних водах появился известный пират Самуэль Гельбер.

— Англичанин?

— Да. Моряк он превосходный. Но там, где он появляется, всегда смута, всегда кровь. Так что будьте с ним осторожнее. Хитер и коварен этот человек.

— Еще неведомо мне о нем, но если говорят, стало быть так и есть.

— У меня точные сведения, мистер Баранов. Этот разбойник здесь.

— И что ему у нас надо? — произнес Баранов, будто спрашивая самого себя.

— Как что? — воскликнул Мур. — Все очень просто. Гельбер мелок сам по себе, но за ним стоят испанцы и англичане. А им вы — русские и мы тоже — конкуренты у этих берегов и не нужны здесь. Вот и послали они этого самого Гельбера.

— Несколько лет тому назад здесь разбойничал пират Барбер. Много нам крови попортил. Подымал против нас туземцев и они даже захватили нашу крепость. Еле-еле замирились. А сам Генри Барбер служил даже у нас капитаном корабля «Ситха» и погиб у камчатского берега... И вот теперь значит, вместо Барбера прибыл Гельбер. Жизнь, однако, скучать не дает. А что англичане и испанцы творят тут беззаконие? Почему ваши власти их не урезонят? — вдруг спросил Баранов.

— Моя страна еще слишком молода, мистер Баранов, — ответил Мур. — Тридцать с небольшим лет всего прошло как мы стали независимы от Британии. И англичане и испанцы все еще сильны у нас. Ведь наша земля — бывшая колония Англии.

— Англичане и испанцы ведут себя здесь как разбойники с большой дороги. Мы вот ружья туземцам не продаем, а пираты колошам даже пушки за меха дают. Подбивают туземцев против нас.

— Они считают все побережье от Калифорнии до Ситхи своей землей.

— Земля эта ничейная, — убежденно сказал Баранов. — А, вернее, тех племен, кои на ней живут. И многие из них изъявили свою волю войти в российское подданство добровольно. И во многих сих землях на американском берегу нами врыты медные доски, где написано: «Земля российского владения».

— Все так, мистер Баранов, — согласился капитан Мур. — И мне сие давно известно. Но от коварства англичан и испанцев доски не спасут. Им нужны здешние лежбища морских котов. А для этого они и подкупают местных тойонов и поднимают против вас туземцев.

— Сие они умеют, — подтвердил Баранов. — Коварству их учить не надо. Да ведь, зло творя, как они жить собираются? Мне говорили, как они огнем и мечем прошли от моря и до моря по земле Америки, истребляя целые племена туземцев ради собственного блага. Мы же пришли сюда не завоевывать Америку. Вот посмотрите, господин Мур, — Александр Андреевич подвел гостя к большой карте, висевшей на стене и продолжил:

— Мы давно обжили все эти острова... Кадьяк, Афогнак. Наши крепости есть и на земле Кеная, Якутата. Ныне мы здесь вот, на острове Ситха. Мечта наша, господин Мур, построить на американском берегу большой город вроде Петербурга... С широкими проспектами, площадями, православными храмами, высокими домами... И назовем его — Славороссия.

— А кто в них будет жить, мистер Баранов? — удивленно перебил Мур. — В домах вашего славного города.

— Как кто? Туземцы, конечно. Коренные жители сей земли. Истинные американцы: колоши, алеуты, колчане, атапаски... Да тут много разных племен обитает.

— Но они, мистер Баранов, не готовы к такой жизни. Они дикие люди.

— Да, они не такие как мы. Но мы выведем их из дикости, как выводили другие племена и народы. И здесь первую школу для туземцев открыл еще Григорий Иванович Шелихов за счет компании. Ибо компании нашей нужны были матросы, писаря, мастера разных ремесел. Теперь все они служат у нас на благо своей родной земли. А самых одаренных учеников наших мы посылаем обучаться в Иркутск и даже в Петербург.

— Так это же на другой край земли! — опять удивленно воскликнул капитан Мур.

— Овчинка выделки стоит, — довольно сказал Баранов.

— А какова, кстати, судьба того индейского мальчика, что я в прошлый раз вам оставил? — спросил Мур.

— Рыча? О, он оказался смышленным отроком, — улыбнулся Баранов. — Хорошо знал английский и был сперва при мне переводчиком. Потом окончил здесь школу, а ныне я отправил его с кораблем нашим в Крондштат. Обучаться там в мореходной школе. Ожидаю его сюда морским офицером. Так-то, господин Мур. Придет время и обустроим мы сию землю американскую.

После этих слов Баранова капитан Мур долго молчал. Он ходил по кабинету, о чем-то размышляя.

— Странные вы люди — русские, — наконец заговорил он. — Вас очень трудно понять. Идете из Европы через Сибирь и океан в сей дикий край через лишения и смерть к людям-дикарям и все для того, чтобы этих людей научить всему, чем владеете сами, научить их жить так как живем мы? Но это невозможно, да и нужно ли?

— Возможно, нужно и ничего странного, господин Мур, — оживленно продолжал Александр Андреевич. — Мы, русские, живем по законам веры нашей православной. Туземцы такие же люди, как и мы. Только живут в дикости. Вот и надо их вывести к свету. Вот мы их и приобщаем к нашей вере Христовой, крестим, учим грамоте, ремеслам и разным наукам, что сами знаем. Разве это плохо?

— Я не говорю, что это плохо, мистер Баранов. Но я пытаюсь понять: зачем вам это надо?

— Это надо моей компании, а, стало быть, и Отечеству. Мне же лично надо немного: чтобы вспоминали потом добрым словом. Вот, дескать, был в прежние времена в этих местах правитель Русской Америки Баранов... Ну и слова там разные: как одного крестил, другого уму — разуму учил, третьего женил... Добрая память... Она, брат, многого стоит. И ради этого стоит жить...

— Да о вас, мистер Баранов, слух идет по всему побережью и даже на островах Океании о вас знают.

— Говорят... Это верно... и, не скрою, приятно сие слышать.

— На пути сюда заходил я на Гавайские острова пополнить запасы пресной воды и съестного. Так даже тамошний король и многие люди говорили о вас ... А ведь в тех местах погиб славный капитан Кук!

— Король Гавайских островов Тамеамеа Великий — мой давний друг. Только вот встретиться пока не довелось. А с ним у нас торговый договор. Наши промышленные добывают там зверя и привозят разные товары.

— Слышал я еще, что вы собираетесь открыть там на островах свои фактории. В будущем не встанет ли вопрос о присоединении Сандвичевых островов к Российской короне?

— Если гавайцы того захотят, то я возражать не стану. Но наказа на этот счет я пока из Петербурга не имею... Гавайи — земля Российского владения...Неплохо звучит, что и говорить.

В дверь постучали, она тут же отворилась и в кабинет Баранова вошел его помощник по коммерческой части Кусков.

— Бумаги готовы, Александр Андреевич, — произнес он от порога.

— Вот и славно, вот и хорошо, Иван Александрович. Давай их сюда, голубчик.

Баранов взял бумаги, коротко глянул на них и сел к столу.

— Ну вот, господин Мур. Все, о чем договорились мы устно, теперь положено на бумагу... Стало быть так: берете у нас три тысячи бобровых шкур, да медведко-

вых, песцовых, лисьих... Впрочем, тут все прописано по-аглицки. Читайте... — Баранов протянул бумагу Муру и продолжал. — Я желал бы, чтобы наши пушные товары вы променяли в Кантоне на товары тамошние и нужные нам: чай разных сортов, китайку-ткань цветов тоже разных, штук пятьсот шелку, сахару-леденцу и прочего товару. И все это сдали бы на Камчатке нашему комиссионеру Мясникову. А тот часть товаров с вами же прислал бы сюда. Здесь же и расчет будет полный. Так ли, господин Мур?

— Все так, мистер Баранов. Не извольте беспокоиться. Я выполню все пункты нашего условия... А кто будет у меня вашим доверенным лицом?

— Об этом мы спросим моего помощника Ивана Александровича. Вся наша коммерция — его епархия и он тут архиерей. Так кого ты приглядел, Иван Александрович в доверенные?

— Служащего у меня в конторе Петра Иваныча Каллистратова, Александр Андреевич. Он звания купеческого и мореход добрый. Хаживал со мной до Сан-Франциско, да и на Камчатку отсюда ходил, — сказал Кусков.

— Так что он, господин Мур, будет не только за товар отвечать, но и вам в пути помогать. Нахлебником не будет... Ну, а с вами мы давние знакомцы и я вам верю, вручая наш товар в руки ваши, — заключил Баранов.

— Благодарю вас, мистер Баранов.

— Тогда скрепим наше условие — сказал Баранов и первым подписал бумаги.

За ним склонился за столом и Томас Мур, размашисто расписываясь гусиным пером.

— Ну, так что — по рукам! — весело произнес Баранов и протянул Муру свою руку.

— По рукам, мистер Баранов, — так же весело ответил капитан Мур.

И они пожали друг другу руки.

— А теперь, капитан Мур, как и положено у нас, надобно уговор наш обмыть и я приглашаю вас отобедать у меня. Супруга моя Анна Григорьевна, должно быть, уже ждет нас. Как вы к этому относитесь?

— О! О! Я знаю как вы скрепляете договоры, чтобы они не рассыхались, — рассмеялся Мур. — И я готов к этому.

Баранов, тоже улыбаясь, отворил двери, пропуская вперед гостя.

Скалистый берег. На камнях лежат несколько промышленных людей с лодок. Они наблюдают за иностранным кораблем. Остальные сидят в байдарках. Зрительная труба в руках одного из зверобоев. Взгляд его скользит по скалам, волнам, потом упирается в название корабля, в его мачты и трапы — сходни, по которым спускают матросы и местные индейцы.

— Кажись, разгружают судно-то, — говорит зверобой со зрительной трубой. — А матросам колоши местные помогают. Видно много товару на обмен привезли... Ой, Сысой, да это же Котлеан... Точно он, вождь здешний. Я его узнал: усы ниточкой и борода узкая, как у козла.

— Дай-ка мне, Гурия, — заинтересованно протянул к зрительной трубе руку Сысой. — Чего ты там выглядел?

— Да узнал я его, — довольно говорит Гурий.

Слободчиков тоже направляет трубу на людей возле корабля, стоящего в тихой, почти без волн, бухточке. К ногам этих людей складывается весь товар: тюки, мешки, бочонки, ящики. Индеец, о котором говорил Гурий, был в плаще-накидке из белого козьего меха.

— Да, это он — Котлеан, — подтвердил Сысой. — А рядом с ним, стало быть, сам капитан судна.

— А как же. Он и есть. Товар меняют на бобровые шкуры.

— Все так, да только это не торговец.

— Почему?

— Ну, — говорит Сысой, размышляя. — Потому, что спешат. Место для стоянки неудобное, да и делается все как-то по-воровски.

— Стало быть, этот англичанин — пират?

— Стало быть, так, Гурия.

— Что делать будем?

— Немного погодим. Посмотрим. Может еще, что хорошего увидим, — отвечает Сысой, все еще всматриваясь в зрительную трубу. Во! Так и есть. Кажись, дождались.

— Чего увидел? — вглядывается вдаль и Гурий.

— Англичанин из ящика ружье достал... Так...заряжает. Котлеану подает... Тот доволен, зело доволен. Хвалит, видно. Целится. Сейчас выстрелит... Слушай.

Со стороны судна раздается звук выстрела. Сысой опять всматривается в подзорную трубу.

— Ладно, пошли в лодку, Сысой Иваныч. Все и так ясно.

— Все да не все.

— А чего еще-то?

— Спешить нам некуда... Подождем, что еще будет. Вот туземцы пойдут, тогда и мы поплывем. Но они что-то пока не собираются.

У шаткого трапа английского корабля выросла целая куча всевозможных тюков и ящиков. Радостно о чем-то говорят туземцы между собой. У их вождя самая яркая накидка из козьего меха с орнаментом. У других туземцев накидки из простых одеял. Рядом с вождем — капитан Гельбер.

— О чем они говорят? — спросил капитан одного из своих людей.

— Радуются удачному обмену. Особенно рады ружьям.

— Еще бы... Ведь русские им ружья не продают и не дарят.

— Не слишком ли мы щедры, капитан? — подал голос один из пиратов. — Сколько товара нашего, а шкур бобровых совсем немного.

— Не слишком. Если индейцы выгонят отсюда русских, то все это окупится во много раз. Ведь тогда все меха и другие богатства этой земли будут нашими... Вот тогда мы цену и сбавим. А пока... пока приглашайте этих обезьян на судно. Надо закрепить сделку.

И Гельбер первым с улыбкой предложил Котлеану пройти на корабль.

В кают-компании вокруг стола стоят люди Гельбера и несколько индейцев с Котлеаном. У всех в руках стаканы с ромом.

— Я приветствую вождя Котлеана, — говорит Гельбер, — и его людей... В знак нашей дружбы я пью за его здоровье. Котлеан что-то говорит в ответ, а переводчик вслед за ним повторяет.

— Вождь Котлеан говорит, что очень рад встрече с давним своим другом капитаном Гельбером и за те товары, что получили они за свои бобровые шкуры и особенно ружья.

— Передай, — обращается к переводчику Гельбер, глядя на Котлеана, — что мы всегда будем платить щедро. Больше, чем русские. Кстати, как вождь сейчас живет с ними.

— Он говорит, что русские за шкуры платят тоже хорошо.

— Скажи ему, что русские все равно их обманут. Ведь живут же они на их земле и бьют бобров в их водах. А вождь и его люди все это терпят.

— Вождь Котлеан на всем побережье известен как противник русских. Все форты их на побережьях он сжег. Сейчас русские живут только на островах. Вождь Котлеан и воины его племени однажды взяли с боем главную крепость русских на острове Ситха.

— Я знаю об этом бое, — сказал Гельбер. — В тот раз Котлеану помогал наш капитан Барбер и его люди.

— Да, да, — закивал Котлеан.

— Но после всего этого русских стало еще больше, а бобров и зверей лесных у племени не прибавилось. Не так ли?

— Это так, — согласился Котлеан.

— Мне известно, что русские собираются заселить побережье и промышлять там зверей. Что же останется вождю Котлеану и людям его племени? Другим племенам?

— Но что делать, если они так сильны и не все вожди побережья выступают против них? — сказал Котлеан.

— Я призываю вождя Котлеана взять приступом снова крепость на Ситхе. Прогоните русских из своих владений и сами будете добывать зверя, а шкуры и меха продавать нам. И жить станете богаче, чем сейчас.

— На побережье мы русских не пустим, — ответил Котлеан, — но крепость на Ситхе, где живет главный правитель русских, нам не взять. Он хорошо укрепился. У него много людей, ружья и пушки.

— Людей можно найти у соседних племен, ружья, порох, пули я дам. Еще и пушки тоже.

— Пушки? — удивился Котлеан.

— Да, пушки... Согласен ли вождь Котлеан с моим предложением?

— Если будут пушки, то согласен повторить нападение, — сказал Котлеан.

— Отлично! И еще одна просьба к вождю...

— Он тебя слушает.

— С пушками я пошлю своих людей. И пусть они проживут у вас до начала дела. Да пусть их оденут в одежды племени, чтобы никто ничего не мог заподозрить.

— Вождь Котлеан согласен. Ваши люди будут жить в его селении и ни в чем не испытают нужды.

Гельбер наливает в стаканы вина.

— Тогда я предлагаю выпить еще раз за нашу дружбу, за удачи в делах и здоровье вождя Котлеана! Я верю, что от нашей дружбы выгода будет взаимной.

— Так, — сказал Котлеан.

Сысой Слободчиков видит в подзорную трубу, как по трапу с пиратского корабля спускаются индейцы во главе с вождем Котлеаном. За ним следует Гельбер со своими людьми. Потом матросы скатывают три небольших пушки.

— Э-э, да они и пушки Котлеану дали! Раз, два... три. Вот теперь все ясно, Гуря. Не зря ждали.

— Чего ясно-то?

— А то, что англичанин подговорил Котлеана против нас. Одарил хорошо и даже пушки дал, а, стало быть и пушкаррей. На, погляди...

— Точно! — воскликнул Гурий, взяв трубу. — Туземцы на матросов свои плащи из одеял надевают. Под своих рядят.

— Это не просто обмен товаром... Сие означает, что скоро надо ждать гостей незваных в крепость нашу... Так что, Гурия, нам поспешить надо домой и правителю Баранову об увиденном сказать... Только пойдем вон тем проливом.

Сысой и Гурий спустились со скалы в байдару, и Слободчиков взмахом руки дал команду кормщикам других байдар повернуть и идти следом за ним.

У причала, немного в стороне, возле огромного валуна на выброшенном волнами дереве сидит белокурая девушка. Ее волосы и лоб перехвачены лентой, но океанский ветер треплет пряди волос и подол широкого пестрядинного сарафана. Девушка сидит почти неподвижно и внимательно всматривается в океанскую даль. Она явно кого-то ждет, но там в океанском просторе до самого горизонта одни лишь волны и редкие пустынные острова.

Так ничего и не дождавшись, девушка встает и идет прочь от причала по улице крепости, по сторонам которой стоят невзрачные домишки, амбары, сараи, бани. Во двор одного из домов и заходит девушка. Это дом Сысой Слободчикова, а девушка, его дочь Алена.

В избе Алёну встречает Марфа, ее матушка.

— Ну, и что выходила? Опять ничего? — спросила мать Алену.

— Ничего... — устало садится на лавку Алёна, — целый месяц прошел, как Иван на тот берег уплыл.

— Ну и что, — успокаивает дочку Марфа, — дело такое долгое у него. Рудознатцы скоро не ходят... А батька наш и вовсе по полгода дома не бывает... А я все жду, все жду и верю, что придет он домой, возвратится. Вот и сейчас с промысла жду. Явится и твой Иван... Молись Господу только.

— Я молюсь, мама... С утра и до вечера молюсь. Жду, надеюсь, а на душе все равно тяжко. За нашего тятю как-то спокойнее.

— Все образуется, дочка. Не майся. Еще не раз встречать и провожать доведется... Всю жизнь... Давай обедать.

— А где Егорка с Дашкой?

— Да в школе еще, скоро придут. Садись, — поставила Марфа на стол широкую мису с каким-то варевом.

Обе, помолвившись на образа в углу избы, стали обедать. Ели молча. Алена то и дело поглядывала в маленькое оконце.

— Не опять ли пойдешь? — спросила дочку Марфа.

— Пойду, мама. Там на берегу легче ждать.

— Ты бы лучше к отцу Никодиму ходила. Поговорила бы, да свечку о здравии своего суженного поставила.

Марфа подошла к божнице и из-за иконы Николая Чудотворца достала свечу красного воска.

— На-ко вот, возьми.

— Ладно... Пойду...

...Алёна выходит из дома на улицу и идёт вдоль барачков и прочих строений к одной из низкорослых хижин, на крыше которой стоит деревянный православный о восьми концах крест. Двери хижины открыты. И хотя с улицы видно, что строение временное и церковью его назвать нельзя, внутри было всё так, как и в настоящем храме: двухрядный иконостас, царские врата со святым образом тайной вечери над ними, иконы на боковых дверях алтаря и на стенах. А перед ними горящие лампы.

Вечерняя служба ещё не началась и молящихся в церкви не было. Услышав звук, из боковой двери алтаря вышел священник в чёрном облачении.

Увидев его, Алёна подошла под благословение. Отец Никодим благословил её и спросил, внимательно поглядев на неё:

— Что так рано, Алёна? Или о чём душа болит?

— Болит, батюшка.

— Сказывай, — участливо произнёс отец Никодим.

— Вани моего, батюшка, больно долго нет с того берега.

— Куда ушёл Иван? На промысел?

— Сперва, говорил, пойдут на Озерский редут, а оттуда дальше руды искать. И про матёрую землю поминал.

— Стало быть ему надо хорошо потрудиться. А тебе, Алёна, печалиться и тревожиться не надо. Такое дело, как у Ивана с его товарищами не скоро делается. Жди, .. жди и молись. Погоди-ка...

Отец Никодим опять ушёл через боковую дверь в алтарь и тут же вернулся с толстой книгой в руках. Книга была в толстом кожаном переплёте.

— Вот, — сказал отец Никодим, — читай акафист и молитву святителю Николаю. Он помогает всем путешествующим.

Отец Никодим заложил страницу тряпицей и подал книгу Алёне.

— Спаси, Господи, — поклонилась батюшке Алёна.

— Вставай вот сюда и молись, — показал отец Никодим на стоявшую в киоте на подставе икону Николая Чудотворца и сам, перекрестившись, поклонился и поцеловал образ святителя.

Алёна подошла к иконе и, открыв книгу, перекрестившись, начала читать молитву. Сначала она читала стоя, потом встала на колени, продолжая произносить молитву. Она осеняла себя крестным знамением и клала поклоны.

Она даже не заметила, как в церковь стали заходить первые прихожане. В основном это были женщины — алетки, мужья которых промышляли морского зверя вдали от дома.

Алена уже закончила свои молитвы и поклоны когда отец Никодим, выйдя из царских ворот, возгласил:

— Слава Богу, всегда! И ныне, и присно, и во веки веков! Аминь! — и этим начал вечернюю службу.

Алена поднялась с колен и продолжила моление со всеми прихожанами...

После службы Алена вышла из церкви и опять направилась к причалу, села на свое привычное место и опять стала смотреть в океанскую даль, да на ближние острова у побережья.

Продираясь через густые заросли, звериной тропой идут по лесу трое русских рудознатцев. Видно, что они устали и истощены. За плечами путников кожаные сумы и ружья — штуцеры. Наконец двое, идущих впереди, выходят к небольшой реке, скорее к ручью, на песчаную отмель, всю истоптанную звериными ногами, как и на всяком водопое.

Один из рудознатцев поотстал, увидев куст малины, усыпанный ягодами, стал их собирать и есть, а потом и бросать в шапку.

Первые двое с радостными возгласами сняли с плеч ружья, скинули сумы и стали раздеваться.

— Иван, где ты! Иди! Река!

Иван ничего не отвечал друзьям, но тоже был рад. Он лишь говорит крестясь:

— Слава Богу... Скоро дома будем.

А два первых рудознатца раздеваются, желая, видимо, помыться в реке.

— Вот отдохнем, умоемся и по ручью на побережье выйдем, — говорит с довольством и радостью один из них. — А там, у колошей байдару возьмем и — мы дома!

— А дадут ли колоши байдару? Жди... Эти туземцы жуликоватый и злой народец, — отвечает ему второй.

— Да они коварны, что и говорить. Но мы им за это заплатим же. Они, брат, за деньги и родную мать продадут.

В эти же самые минуты из прибрежных кустов за рудознатцами наблюдают два охотника-колоша, вооруженные луками. Неожиданно и одновременно они пускают в людей на берегу стрелы. Рудознатцы падают. Из кустов выскакивают индейцы, быстро и бесшумно забирают ружья и так же тихо скрываются в зарослях.

Иван насторожился, когда почувствовал, что разговор и возгласы его товарищей прекратились. Стало тихо и от этого тревожно. Он осторожными шагами двинулся вперед и, раздвинув руками кусты, увидел на берегу лежащих на песке товарищей, с торчащими в их телах стрелами.

— Колоши, — тихо произнес Иван.

Он вытряхнул из шапки ягоды, зорко взгляделся в кусты и снял с плеча ружье. Иван не пошел на открытое место, опасаясь засады, а двинулся в глубь леса. Никого не встретив, он лишь увидел вдалеке между деревьями две мелькающие фигуры убегающих индейцев. Иван выстрелил из штуцера не целясь, просто так для острастки, затем повернулся и пошел на песчаный берег, где лежали его товарищи.

Он достал из своей сумы небольшую лопатку с короткой ручкой и, найдя высокое место у деревьев, стал рыть землю.

Похоронив товарищей, Иван переложил в свою суму образцы камней и разных проб, засунул за пазуху кожаный мешочек с записной книжицей, закинул за плечо ружье и, тяжело ступая, двинулся по лесу вдоль берега реки.

Правитель Баранов, капитан Мур и Кусков выходят из дома торговой конторы и идут по улице Ново-Архангельска.

Желая, видно, показать гостю свои владения, Баранов ведет Мура мимо магазинов, складов, казарм. Сперва подошли к небольшой верфи рядом с пристанью.

Там всюю шла работа: двое мастеровых орудовали огромной пилой. Один стоял на высоких козлах, где лежало и бревно, другой стоял на земле и резкими рывками тащил пилу вниз.

Плотники работали новую байдару и недавно заложенное небольшое судно, очертания которого хорошо угадывалось в поставленном форштевне и боковых ребрах-шпангоутах.

— Вот, господин Мур, пытаемся мы и сами шхуны и бриги строить.

— Дело это, господин Баранов, похвалы достойно. В редких местах по побережью суда строят. Мастеров мало.

— У нас мастера отменные, да лесу строевого рядом стало мало. Приходится издалека сплавливать по воде, а рубить лес в нескольких милях отсюда. Дорогое дело сие. Так что выгоднее скоро будет покупать готовые корабли у вас, американцев.

— Ну что ж. У нас делают добротные суда из дуба.

— Да, господин Мур, они прочные, сделаны из выдержанного дуба с медным креплением. Потому и служат долго.

Увидев главного правителя и Кускова, к ним подошел корабельный мастер. Он снял картуз с лакированным козырьком и поклонился Баранову, приветствуя его.

— Ну, Егор Евсеич, — обратился Баранов к мастеру, пожимая его руку. — Как у тебя тут дела идут с судном?

— Да что ему будет, ваше превосходительство, Александр Андреевич, коли робим от зари до зари.

— К сроку-то успеете?

— Успеем, ежели кузнецы не подведут, да медники, да прядильщики. А мои мужики всё к сроку сделают по уговору. Даже, может, и раньше.

— Ты уж постарайся, Егор Евсеич. Ведь я два брига в негодные к употреблению перевел. А новые партии на промысел отправлять надо.

— Да мы стараемся, Александр Андреич. Говорю же: от зари до зари робим.

— Ну, спасибо, брат... Отблагодарю достойно. За мной не останется... А сегодня после работы тебе и твоим ребятам по чарке рому, чтобы не сомневались. Поди и скажи в кормовой лавке приказчику, что я приказал. Пусть запишет на мой счет. Это вперед вам награда.

— Благодарствуем, Александр Андреич, — кланяется мастер и идет к своим работникам.

Баранов с Кусковым и Муром продолжают свой путь по крепости.

Они заглянули в кузню, где мастеровые в кожаных фартуках работали в три горна. Зашли в слесарню, к медникам, к прядильщикам.

Затем по лестнице-трапу все поднялись в верхнюю часть крепости, где вокруг плаца — парадной площади стояли жилые дома и в их числе дом самого правителя Баранова. В стороне у обрыва — батарея из восьми пушек, развернутая к морю, а другая к лесной поляне перед главными воротами.

Кроме того, отсюда, с верхней крепости вид на океан, на близлежащие острова, на леса и горы открывался необыкновенный.

— Красота сего места, господин Мур, достойна восхищения. Неправда ли? — сказал Баранов.

— Да, да... — согласился Мур. — Здесь очень красиво и красота сих мест иная, чем в южных пределах. Только как же вы всё это хотите благоустроить?

И Мур показал рукой на леса и горы, острова, на просторы матерого берега, лежащего вдали.

— Не вдруг, господин Мур, не вдруг. Сразу все не благоустроишь, но с чего-то надо начинать. Собственно, мы давно уже начали.

— Еще при зачинателе нашего дела Григории Ивановиче Шелихове, — вмешался в разговор Кусков. — А тому делу уже более десятка лет.

— Да... И начали мы с того, что пришли сюда не завоевателями. И та земля, на которой мы стоим и все-все вокруг куплено нами у местных племен по согласию. Теперь, когда это все стало землей российского владения, то всякое её благоустройство должно идти по пути умножения народного. Надо, чтобы селений было больше и людей много.

— Думаю, что этого будет недостаточно.

— Конечно, господин Мур. Поэтому мы должны положить в дело устройства этой земли три начала: — Баранов загибал растопыренные пальцы на руке. — Земледелие, просвещение и умножение народа здешнего.

— Когда вы, господин Баранов, говорите «мы», то имеете в виду себя и вот вашего помощника господина Кускова?

— Ну что вы, господин Мур, — рассмеялся Баранов. — Конечно, нет. Я говорю о России, о государе, о правительстве в первую очередь, а потом уже о всех нас, грешных.

— У нашего Отечества большой опыт освоения земель, — заметил Кусков. — Россия уже многие малые народы спасла от вымирания.

— И вывела к свету, — добавил Баранов. — Пойдемка, Иван Александрович, покажем нашему гостю кое-

чего, — заключил разговор Баранов, когда они подошли к большому в два этажа с мезонином дому.

— А вот и мои хоромы, — сказал Баранов и жестом руки пригласил Мура войти в дом, и они поднялись на крыльцо, оттуда в светлый коридор и Баранов отворил двери одной из комнат.

Там за столами сидели дети. Это явно был школьный класс. Учитель читал своим ученикам книгу. При появлении гостей все дети встали.

— Если это ваш дом, господин Баранов, то это есть ваши дети, — смеясь и несколько удивленно произнес Мур.

— Да, господин Мур, это наши дети и это наша школа... А я живу в верхней половине, — сказал довольный Баранов и повернулся к вставшим со своих скамеек ученикам. — Здорово, ребята!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — хором и дружно ответили мальчишки, большинство из которых были алеуты и креолы.

— Позвольте вам представить нашего учителя... Филипп Артамонович Кашеваров.

Учитель, невысокого роста бородатый мужичек в кафтане, какие носят почти все промышленные люди в крепости, поклонился, жестом посадил учеников и, подойдя к Муру, пожал протянутую ему руку.

— Чему же вы учите своих детей? — спросил Мур учителя Кашеварова.

— В первое лето Закону Божьему, русскому языку по азбуковнику, русскому же письму, чтению, началу счета. А во второе лето арифметике, географии, истории Отечества и всего мира, Священному писанию опять же, английскому языку.

— Кем ты станешь когда вырастешь? — неожиданно спросил Мур одного из учеников, сидевших ближе всех к американскому капитану.

— Мореходом, — сразу ответил тот, будто ждал вопроса и встал со скамьи.

— Очевидно, твой отец мореход. Так?

Мальчик глянул на Баранова.

— Это мой сын Антипатр, господин Мур.

— Так вот в чем дело. Тогда мне понятно желание этого молодого человека. А ты кем желаешь быть? — спросил Мур у другого ученика.

— Приказчиком.

— А ты?

— Толмачем, переводчиком.

— Похвально, похвально, — кивал головой и улыбался капитан Мур.

— Заметьте, господин Мур, что почти все ребята креолы или дети алеутов. Есть даже сыновья местных колошских вождей, — сказал Баранов.

— Я это уже заметил, господин Баранов, и, признаться, раньше мало в это верил... А что же потом? — опять спросил Мур учителя. — Продолжение учебы в России, в Петербурге?

— Только для самых лучших, для немногих.

— Учёные люди нам и здесь нужны, — заговорил Кусков. — Ведь первая школа открыта нами на Кадьяке еще лет двадцать назад. Так что опыт просвещения у нас большой... Впрочем, пройдем с вами в соседнюю комнату.

И Кусков первым вышел из класса.

В соседней комнате оказалась библиотека. На полках вдоль стен стояли сотни книг. Больших и маленьких. По стенам на свободных местах висели картины.

— Здесь книги по всем областям знаний, — начал объяснять Муру Кусков. — Вот Библия, вот «Священная история», «Псалтырь», «Всемирная история», «Всеобщее землеописание», «Морской устав»... Тут книги на английском, французском и немецком языках, а вот и «Жизнь Робинзона Крузо».

— Кроме того, дети наши здесь, у себя дома, учатся разным ремеслам: кузнечному, слесарному, плотницкому и даже медицинскому, — добавил Баранов. — А посему это не просто школа, а уже училище. Правда, девочки учатся отдельно. Вот построим для училища новый дом и будет все там в одном месте... И библиотека, и картины, и все ученики.

— Девочки? — удивился Мур. — И они учатся?

— А как же... — ответил Баранов. — Помните, я вам говорил, что одно из начал благоустройства сей земли — умножение здешнего народа. А какое умножение без крепкой семьи. Из девочек мы готовим добрых хозяек. Учим их домоводству, разным рукоделиям, огородничеству. Чтобы жены будущих служащих нашей компании были бы достойны своих мужей. Вы согласны?

— У меня нет слов, господа, чтобы выразить свое восхищение увиденным! — воскликнул Мур. — Теперь мне совершенно понятно, почему многие наши капитаны идут всегда с наказом все разузнать о вас, господин Баранов. О вашей компании и её силе, благоволит ли к ней правительство России.

— Нам сие ведомо, господин Мур. Ещё в прошлом году ваш коллега капитан Джон Эббетс имел такое намерение и проговорился о том нашему капитану Головнину, что всё это было по наказу купца американского Астора.

— Я знаю того и другого... Джон Астор известный у нас купец-миллионер. Он владеет меховой компанией. Очевидно, ищет пути для контакта. Вот и пытается узнать все о вас и вашей компании. Тут дело чисто коммерческое, кажется мне.

— Может быть, может быть... Добро бы так. Но для друзей мы открыты и нам нечего скрывать. Пусть приходят к нам американские и иные прочие купцы с товаром и открытым сердцем. Всем будем рады. Будем торговать и договариваться полюбовно. Так и передайте всем, кто спросит о нас, русских людях.

— Обязательно передам, мистер Баранов. Верьте, что я ваш старый друг, который, как у вас говорят, лучше новых двух. Так?

— Так, господин Мур, именно так... Ну что же, Иван Александрович, — обратился Баранов к Кускову. — Закармлили мы соловья баснями. Пора и земной пищи отведать... Прошу, господин Мур, наверх к моему шалашу. Наши хозяйки, поди, уже заждались, и не дай Бог, осерчают.

По лесной чаще, пробираясь через бурелом, перелезая через камни бредет человек. Видно, что он устал и дышит тяжело. Одежда на нём изодрана, шапка в клочьях, две кожаные сумы через плечо и короткоствольный штуцер. Это рудознатец Иван Лихачев.

Присев на большой камень-валун, Иван подвязывает, сняв с кафтана сыромятный ремень, разорванные в скитании сапоги. С трудом встает с камня и, опираясь на суковатую палку, идет дальше, но пройдя совсем немного, опускается на землю от усталости, прислонившись к дереву и уронив голову на грудь.

Но внезапно он поднимает голову и принюхивается, чужа какой-то запах. А ещё он слышит далекий собачий лай.

— Дым!.. Люди!.. — хрипло говорит Иван.

Лицо его преображается, глаза загораются надеждой и он пытается встать, но не может подняться от слабости.

Тогда Иван ложится на землю и начинает ползти на запах дыма и собачий лай, волоча за собой две сумы и ружья.

Ползет он долго и мучительно, но его мучение наконец-то вознаграждается: сквозь деревья он видит строения индейского селения на лесной поляне у самого берега какой-то большой воды. Возле одного из шалашей у кромки леса горит и дымит костер.

Увидев все это, Иван пытается встать и крикнуть, но силы совсем покидают его и он падает со стоном на землю, теряя сознание.

Почувяв и услышав человека, громко залаяла собака и побежала к тому месту, где лежал Иван. Из шалаша, заслышав лай собаки, вышли индейцы-мужчины в своих полашах-накидках из одеял и направились за собакой к лежащему на краю леса человеку.

В просторной и светлой зале квартиры правителя Баранова за большим столом, уставленным всевозможными закусками и винами проходит обед в честь капитана Томаса Мура.

Сам Баранов сидит без парика и мундира в бархатной жилетке и белой широкой рубахе. Кроме него за столом: капитан Мур, Иван Кусков с молодой женой-индеанкой Екатериной Прохоровной, жена Баранова и тоже индеанка Анна Григорьевна.

Томас Мур поднимает стопку с ромом.

— В нашей трудной скитальческой жизни, господа, очень редки минуты покоя и отдыха... Сейчас в эти дни я отдыхаю душой и всегда с благодарностью буду вспоминать об этой нынешней встрече с вами, господа.

— Вы так говорите, господин Мур, будто больше никогда здесь не побываете, — сказала Анна Григорьевна.

— Кто знает, кто знает, кроме Господа... Судьба морехода изменчива и полна неожиданностей. Поэтому я никогда не загадываю даже на день или на два вперед. Остается лишь мечтать... Буду мечтать. Я пью с благодарностью сердечной за всех вас, господа, подаривших мне эти минуты благодати. Ну, и за мечту, конечно. За мечту когда-нибудь вновь увидеть вас в добром здравии...

— Благодарствуем, господин Мур, — сказал Баранов. — Спасибо на добром слове. Мы тоже рады видеть вас. Что и говорить — тяжело бывает и нам. Так уж видно по воле Божьей суждено нам страдать, терпеть, но и... любить. Любить дело свое, которому служишь.

— Да, да... Я согласен с вами, — закивал головой Мур.

— Тут одной любви к делу мало, господа, — вмешался в разговор Кусков. — Всех нас поддерживает и спасает любовь к Отечеству, для пользы которого мы и живем здесь. А когда служишь на благо Отечества, то и все невзгоды переносишь легче.

— Вся правда в твоих словах, Иван Александрович, достойная истинного сына Отечества! Так выпьем же, господа, за Россию — мать, которая не оставляет нас в столь далекой стороне своими заботами. Прошу капитана Мура присоединиться...

— С удовольствием, господин Баранов. Особенно сегодня, когда я так много узнал о России.

— Ну и конечно, за наших жён, — продолжал Баранов, — помогающих нам переносить невзгоды. Вы, наверное, заметили, что и Екатерина Прохоровна и моя Анна Григорьевна из местных?

— Да, конечно. Это нельзя не заметить.

— Они обе с островов королевы Шарлотты и дочери тамошних вождей. Так мы, капитан, даем пример того, как надо здесь жить, своими корнями вращать в эту землю и с любовью умножать народ здешний.

— Не могу не удивляться на вас, русских людей. Ведь не у испанцев, не у англичан или у нас такое не принято.

— А у вас, господин Мур, семья большая? — спросила Екатерина Прохоровна.

— Я одинок, к сожалению, а может и к счастью. Пока мотаюсь по морям, семьи не завожу. Но..., я думаю об этом и как только почувствую твердую землю под ногами, то... всё возможно. Я ведь понимаю, что очень хорошо, когда ты знаешь, что тебя кто-то в этом мире ждет, любит, думает и молится о тебе.

— Стало быть у вас, капитан, всё ещё впереди, — заключил Баранов и перешёл на другое. — А нас с Иваном Александровичем ждут новые дела... Меньше здесь по островам стало бобра. Надо искать новые места и промысел расширять.

— А вы сходите в Калифорнию. Говорят, что там есть места, где бобра в изобилии, — посоветовал Мур.

— Я был в тех местах Новой Испании. Заходил в Сан-Франциско, но бобров там мало, — сказал Кусков.

— Спуститесь ещё южнее до Сан-Диего и там на островах найдете то, что вам нужно. Поверьте мне...

— Ивану Александровичу туда в Калифорнию рано или поздно идти придется, — заговорил Баранов. — И не потому, что там много зверя. Я думаю там на Калифорнийском берегу открыть факторию, наш форт. Здесь у нас худо с пропитанием. Особенно зимой. А там, в Калифорнии зимы не бывает, хорошо растет пшеница, ячмень. Там можно иметь целое стадо коров.

— Да, природа там благодатна и, имея свою факторию в Калифорнии, вы можете спокойно зимовать

здесь, — подтвердил Мур. — Лишь бы испанцы не были против.

— В их миссии в Сан-Франциско я уже кое с кем завел знакомство, — сказал Кусков. — Знаю, что несколько тамошних чиновников не будет против нашего соседства.

— Мне кажется, что там ещё есть не занятые, ничейные земли, — добавил Мур.

— Не занятые кем? — спросил Баранов.

— Теми же испанцами, англичанами.

— А местные племена? Разве это не их земля? Или они не живут там?

— Живут конечно. Но с ними испанцы мало считаются. Их там повсюду обманывают, сживают с их земель, порой даже убивают, а землю захватывают.

— Да, мы наслышаны об этом, — согласился Баранов, — от людей побывавших там... Да вот и Иван Александрович ходил не раз. Грустно слышать такое. Свое дело нельзя строить на крови, тем более на крови невинных местных жителей. Нельзя строить счастье своё на несчастье других. Ведь через многие поколения потомкам придется отвечать за это... Ну а мы землю ту под крепость купим у индейцев, как покупаем её здесь у коренных жителей. Сделаем всё по согласию и любви... Любовь! На том стоит и стоять будет русская православная душа! За любовь! Выпьем за любовь!

Когда выпили, Баранов тихо что-то сказал жене и та, встав из-за стола, прошла в соседнюю комнату и тут же возвратилась обратно с ватагой добрых молодцов в праздничных разноцветных рубахах, подпоясанных красными кушаками.

Капитан Мур посматривал с восторженным удивлением то на Баранова, то на разодетых, как на праздник, мужиков и, похоже, мало пока что понимал.

— Это ещё один мой сюрприз, капитан Мур, — улыбаясь сказал Баранов.

— Да, да... У меня сегодня день сюрпризов.

— Хватит о делах, — предложил Баранов. — Лучше послушаем наши русские песни. Вы их слышали?

— Нет, нет. Никогда в жизни.

— Это мой хор, господин Мур. Не знаю, как у вас, а у нас, когда одолевает тоска по родным краям, по России-матушке, то у всех болит душа. И боль эту лечим песней, — сказал Баранов и подал знак рукой.

Хор запел песню о широкой русской степи и волюшке вольной и широких просторах Руси-матушки.

Песня лилась тоже широко и свободно. Баранов с Кусковым слушали её чуть наклонив головы и, шевеля губами, беззвучно подпевали. Казалось, что и капитану Томасу Муру, впервые слышавшему русскую песню, передалось настроение певцов.

— Bravo! — громко выкрикнул он, когда хор закончил песню.

— Это ещё только начало, ещё только распев, — сказал Баранов и снова подал знак рукой. — Сейчас они песню играть будут.

Хор запел игровую песню с притопыванием и приплясыванием и эта песня совсем не была похожа на ту первую ни по ритму, ни по настроению.

— Ну, а теперь, господин Мур, прошу послушать нашу главную. Слова её сочинил ваш покорный слуга, — сказал Баранов. — Это, можно сказать, наш гимн... Давайте, ребята!

И грянула песня могучим напевом:

*Ум Российский промысла затеял,
Людей вольных по морям рассеял,
Места познавати,
Выгоды искати,
Отечеству в пользу, в монаршую честь!
Бог всесильный здесь нам помогает,
Славу россос всюду подкрепляет,
Только обозрели
Вскоре обселили
Полосу важну земли матёрой.*

*Стройтесь зданья в частях Нова Света,
Русь стремится: Нутка её мета!
Дикие народы*

*Варварской природы
Сделались многи друзья нам теперь.*

*Пётр Великий! Если б ты проснулся!
Ты б увидел, что не обманулся:
Вблизи землю чая,
Важны пользы зная
Открыли потомки и заняли ту.*

*Аргонавты блеском злата обольстились,
Кожу златорунной искати пустились.
Служить бы им можно,
Отечеству важно,
Если бы знали про здешний край!*

*Златорунных кож хоть здесь не ведётся,
— Но другое злато за них достаётся,
Как бы не пришельцы,
Други европейцы,
Был бы с избытком наш риск награждён.*

*Честью, славою сюда завлечены,
Дружбой братской здесь соединены,
Станем создавати
Дальше занимати
России полезный Америки край!*

Баранов, сидевший за столом и в начале просто подпевавший хору, вдруг на этих словах не выдержал, вскочил из-за стола и, встав среди певцов, стал петь вместе, жестикуюлируя руками в такт песни.

*Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны,
Отечеству нужны,
Сносными делают скуку и труд.*

*В свете новом, в странах полуночных,
Став мы ныне в славе людей мочных,
Народ примирили*

*Место обселили.
Бодрствуйте, други,
Отечеству в честь!*

*Нам не важны чины и богатства,
Только нужно согласное братство,
Тем, что сработали,
Как здесь хлопотали,
Ум патриотов уважит потом!*

Когда песня закончилась, капитан Мур пришёл в полный восторг, громко хлопая в ладоши и крича: «Браво!». Баранов приказал придвинуть ещё столы и пир был весело и шумно продолжен.

Поселение индейцев-колошей. Четверо мужчин несут на руках Ивана Лихачева от кромки леса к шалашам, что стоят рядом с бревенчатыми домами-бараборами. Видно, что Иван без сознания, глаза его закрыты. Руководит всеми человек в расписном плаще из одеяла. У него широкоскулое лицо с редкой и короткой бородкой. Он идет впереди всех и несёт две кожаные сумы Ивана и его штуцер. Видно, что это хозяин.

Вот он останавливается у большого шалаша, возле которого горит костёр. Ивана опускают на землю.

К хозяину подходит один из мужчин.

— Послушай, Нанкок... Что ты хочешь сделать с этим русским?

— Что захочу, то и сделаю... А сперва его вымоют, потом лечить будут и кормить.

— Зачем? Ведь этот русский с Ситхи. Их наш вождь Котлеан убивать велел. Давай и мы ему сделаем бух-бух.

— Я тебе, Асавахток, самому сделаю бух-бух, если ты его хоть пальцем тронешь, — грозно произнёс Нанкок. — Он мой и всё, что при нем — тоже моё. А я не такой глупый, как ты. Разве надо убивать, если можно вылечить и получить за него на Ситхе одеяла и муку... Лепёшки будем печь. Понял, глупая твоя голова. Иди и зови женщин, воду греть надо.

Асавахток идет в жилище и возвращается с женщинами, несущими большой котел и ушаты с водой.

На крыльцо дома Баранова вываливаются из дверей толпа мужиков, среди которых и сам Баранов с Кусковым. Все весёлые — не более того. И все поют: «Ум российский промысла затеял»...

Лишь капитан Мур еле держится на ногах и его приходится поддерживать двум рослым молодцам. По команде Баранова его кладут на парусину и несут с песней через крепость к трапу корабля, что стоит у пристани. Баранов с довольной улыбкой наблюдает за происходящим, а потом идёт в дом.

...На своём обычном месте чуть в стороне от причала сидит Алёна. Она видит весёлую толпу людей и то, как по трапу заносят на корабль пьяного человека. Но она только коротко глянула на это. Солнце уже клонилось к закату, а Алёна всё сидела и смотрела на морской простор и близлежащие острова, пока красный солнечный круг не опустился там, за небосклоном, в океанские волны.

Ранним утром байдары под предводительством Сыся Слободчикова подходят к бухте Ново-Архангельска, выплывая из-за безымянного острова.

Красивый и даже какой-то величественный вид крепости со стороны моря на фоне высоких гор со снежными вершинами ласкает взор и теплом отзывается в сердце бывалого морехода.

— Ну, вот мы и дома... Слава тебе, Господи, слава тебе! — прошептал про себя Сысой.

Слободчиков, стоя в лодке, широко крестится, а за ним все остальные промысловики осеняют себя крестным знамением. Их лица светятся радостью при виде родных стен крепости.

— Ну, вот мы и дома, Гурия... Слава Богу, ... — опять произнёс Сысой стоявшему рядом своему помощнику.

— Слава тебе, Господи, — крестясь, сказал Гурий.

— Как пристанем, — продолжал Сысой, — то я сразу к правителю Баранову побегу. Скажу, что видели с тобой.

— Надо предупредить, чтобы в расплохе не быть. А я тебя тут дождусь...

— Меня не жди, — не согласился Сысой. — Вы тут без меня разгружайтесь. Да смотри, Гуря, чтобы все по счёту было на каждой байдаре...

— Ты что, Сысой, в первый раз что ли? Знамо дело — по счёту...

Алёна сидит с самого начала света на своём привычном месте у причала и так же, как и вчера смотрит в сторону моря. Внезапно она видит, как из-за одного острова появляются байдары. Алёна вскакивает со своего места и бежит на мостки причала. Байдары всё ближе и ближе. И всё больше народа собирается на причале встречать возвращающихся с промысла охотников.

В кабинете правителя Баранова он сам и его помощник Иван Кусков.

— В полдень капитан Мур отчаливает, Иван Александрович, — говорит Баранов. — Всё ли мы сделали? Не забыли ли чего?

— Вроде всё, Александр Андреевич. Осталось только нашего доверенного Петра Ивановича Калистратова с ним отправить и наше дело сделано.

— А Калистратов человек надёжный?

— Я сам, Александр Андреевич, за него ручаюсь. Хаживал с ним...

— Ну, ну... Я ведь только потому спрашиваю, что мало его знаю. Сие предприятие с Томасом Муром весьма для компании выгодно, но и в то же время рискованно... А, сколько мы знаем людей, кои соблазнились, оказавшись у сундука с казёнными деньгами, хотя и слыли честными людьми.

— Я Петру Ивановичу верю, — твёрдо сказал Кусков.

— Ну, а я верю тебе, Иван Александрович... Стало быть, и ему.

Баранов встал с кресла и подошёл к окну кабинета, из которого открывался вид на всю лежащую внизу крепость и на широкий океанский простор.

— А вот чего я не люблю, так это провожать, — продолжил разговор Баранов. — Всегда после этого у меня на душе неуютно, грустно... И сердце ноет. Даже ночами плохо сплю. Всё Россию-матушку вспоминаю, Каргополь, городок наш, Матрёну — супружницу и дочку Афоню... Эх, да... А ты, Иван Александрович, о Тотъме своей скупаешь?

— Были бы крылья — улетел бы. Хоть одним глазком бы глянуть... Но, видно, время пока не пришло, а придёт ли — один Господь знает.

— Всё так. Только я больше ждать не буду. Послал я в Петербург прошение об отставке. И как только другого правителя пришлют, то сразу же с тем кораблём — домой! В Россию!

— Тебе ещё служить и служить, Александр Андреевич. Никого здесь в замену не вижу.

— Всему свой срок, Иван Александрович... А замену пришлют из Петербурга. Свято место пусто не бывает, а продолжать дело легче, чем его начинать. А мне уже ничего не надо. Ни званий, ни наград.

— Что-то ты больно мрачен, Александр Андреевич. Да и как же без наград... Ты столько тут свершил во славу Отечества, что иным не на одну жизнь хватит. Да будь моя воля...

— Назовут нас с тобой, — перебил помощника Баранов, — и всех, кто теперь тут с нами, потомки наши первопроходцами, будут знать и помнить труды наши — вот и награда.

— Уедешь ты, тогда и я долго тут не задержусь, Александр Андреевич.

— Ты ещё молод, Иван Александрович. Тебе ещё можно послужить... Впрочем, чего это мы... Всё в руках Божиих... Вон, гляди, кто-то с промысла возвращается... Жизнь идёт...

Там далеко внизу, несколько байдар приближались к причалу Ново-архангельска.

Сысой вглядывается в толпу народа на пристани и замечает стоящую там дочку Алёну.

— Алёна! — кричит Сысой и машет рукой.

— Тятя! — в ответ ему кричит Алёна.

Первая байдара причаливает к мосткам и Сысой, спрыгнув на землю, попадает в объятия дочери. Вокруг них радостно кричат и обнимаются со своими родными остальные промысловики.

— Ну, здравствуй, дочка! Где мать? Все ли здоровы? Что ты одна?

— Все здоровы и живы, слава Богу, тятя. Матушка дома с ребятами. А я вот тут...

— Будто знала, что я приду сейчас. Ведь не знала же?

— Не знала и не ведала... Я каждый день тут. Всё Ваню жду и смотрю, тятя.

— А — а, вот в чём дело. Всё ещё нет Ивана твоего?

— Нет, тятя. Не знаю, на что и думать.

— А ты верь, дочка. Верь, жди и молись... Ну, ладно, потом поговорим. Мне идти надо.

— А ты разве не домой?

— Нет Алёна. Я поспешаю к правителю Баранову. Надо поговорить с ним немедля. А ты беги домой. Матери скажи, что я жив и здоров возвратился. Скоро приду, беги.

Алёна быстро зашагала от пристани к дому, а Сысой в другую сторону к трапам — лестницам, что вели в верхнюю крепость, где стоял, возвышаясь над другими постройками, дом главного правителя.

Сысой легко вбежал на крыльцо, а затем по лестнице на второй этаж дома. Отворив двери кабинета Баранова, он сразу увидел его самого вместе с Кусковым. Сысой перешагнув порог, остановился, не зная видно, что сразу и сказать. Его будто ждали.

— Так это, значит, ты с промысла пришёл, Сысой Иваныч!.. Проходи, проходи, да здравствуй, — первым приветствовал Слободчикова Баранов, идя навстречу гостю.

— Пришел я, пришел, — сказал Сысой, здороваясь с правителем и его помощником.

— Всё ли ладно?.. Да ты садись, отдышись. Эко, будто гнались за тобой.

— Садись, да хвастай, как сходил, — поддержал Баранова Кусков.

— На промысле всё ладно было. Все живы-здоровы и с хорошей добычей пришли... Да только не о том речь. Не с тем я сюда прибежал.

— С чем же?

— Когда обратно шли, то видели мы вчера иностранца. Судно «Альбатрос».

— Это Гельбер, англичанин, пират.

— Откуда вам сие ведомо? — удивился Слабодчиков.

— Сорока на хвосте принесла, — засмеялся Баранов. — Наш друг американец Томас Мур сказывал, что в наших водах появился сей разбойник морской. Так выходит, ты его уже встретил?

— Нет, мы успели за остров уйти, затаится и он нас не видел.

— Ну и пусть ходит. Теперь хоть будем знать, где обитает пират. Лишь бы пакость какую большую не затеял.

— О том и речь... Уже затеял.

Баранов и Кусков подсели ближе к Сысою.

— Говори-ка, — попросил Баранов. — Всё сказывай.

— Ну, увидали мы ихнее судно, корму, вернее, и к острову пристали. Забрались мы с Гурием по камням наверх и я через трубу увидел, как англичане разгружали свой корабль... Товар с корабля сносили.

— Куда разгружали? Кому?

— Туземцам, знамо дело. Их там целая толпа стояла во главе со своим тойоном Котлеаном.

— С Котлеаном? Опять!?

— Да, я его узнал и Гурий тоже.

— Стало быть опять эта вражина что-то замышляет?

— Именно так. Англичане выгружали ящики с ружьями и Котлеан сам опробовал одно. Мы слышали выстрел.

— Да, опять неймётся Котлеану. Не оставляет он своей мечты выжить нас отсюда, — сказал Кусков.

— Но это ещё не всё, — глянул на Баранова Сысой.
— Чего уж более? — удивился Баранов.
— А то, что этот Гель...
— Гельбер.
— Так вот этот Гельбер дал Котлеану три малых пушки.

— Пушки!? — воскликнул Баранов.
— Да... И своих пушкарей, коих тут же во всё туземное и одели.

Несколько мгновений Баранов сидел, будто окаменев. Потом решительно вскочил с кресла и подбежал к висевшей на стене карте залива Ситхи и побережья.

— Где сие было? — спросил он Сысою.
— Вот тут на острове Песчаном мы сперва промышляли, потом ушли сюда и пошли домой вот отсюда из Малой губы. Видели их тут, — ткнул пальцем в карту Сысой.

— Ясно... Это будет в милях пятнадцати отсюда... Долго ли, скоро ли, но ясно, что надо ждать нападения.

— Завтра они, конечно, не явятся. Для нападения подготовиться надо, — сказал Кусков. — На это недели две уйдёт.

— Две, не две — кто знает. Может и всего дня два. Но хорошо, что врасплох теперь нас не застанут. Вот за это спаси тебя Бог, Сысой Иванович... Ну, а драться нам не привыкать... Думаю, что выдюжим, ежели сами готовы будем. Давайте думать, что для сего предпримем.

— В первую очередь надо усилить караулы как в крепости самой, так и снаружи. За северными и полуденными воротами, — сказал Кусков.

— На судах в заливе тоже, — добавил Сысой.

— Так... — согласился Баранов и что-то записал на бумаге. — Караулы, Иван Александрович, возьми на себя. Да назначь бдительных обходных, чтобы ночью обходили караулы от зари до зари. И наставь их должным образом.

— Всё сделаю, Александр Андреевич.

— На будки у ворот, — продолжал Баранов, — караульных по два человека. Стоять повахтенно, как им укажешь.

— Слушаюсь, Александр Андреич.

— Пушки зарядить картечью.

— Они заряжены всегда.

— Проверь сам. Да порох не сырой ли. А ты Сысой Иванныч, пушки же проверь на судах. Да и ружья тоже. У кого ружьё заряжено неделю назад — перезарядить заново.

— Так, Александр Андреич, — кивнул Сысой. — Сегодня же и начну проверять.

— Не живут ли туземцы возле крепости? — спросил Баранов.

— Нет, Александр Андреич, после твоего приказа им запрещено селиться не только у крепости, но и на ближних островах.

— Их тут много бывает лишь по весне, когда селёдка нерестится, а теперь ежели кто для меня товара придёт из колошей. Но таких немного, — добавил Слободчиков.

— Всё равно и им не позволять оставаться в крепости и рядом на ночь... Для чего обходным проверять вокруг крепости все кусты и лес... Далее... — задумался немного Баранов. — Зорю бить вечером в девять, а утром в четыре часа.

— Надо договорится, Александр Андреевич, как тревогу подавать при нападении, — сказал Кусков.

— Ежели днём, то бить в колокола и барабаны. Да на мачте тут в верхней крепости красный флаг поднять, дабы всякому видно было и понятно... Ну, а ежели нападут ночью, то бить в колокола и барабаны и в трещётки трещать. А всем жонкам и детям бежать в верхнюю крепость. О том объявить всем.

— Будет исполнено, Александр Андреич.

— На промысел партии пока не посылать. Всем оставаться в крепости... Пароль для воротных стражей я сам на каждую ночь давать буду. Собери сегодня, Иван Александрович, обходных караульщиков... О всех делах и случаях мне сюда докладывать немедля.

— Слушаюсь, Александр Андреевич.

Баранов поднялся с кресла и вновь подошёл к окну.

— Ну, что же, мы готовы, Котлеан, неблагодарная твоя душа, — произнёс Баранов. — Мы готовы...

— Александр Андреич, скоро полдень, — напомнил Баранову Кусков.

— Да, да... Пошли.

Тотемный колошский столб с резной фигурой птицы ворона на нём.

В шалаше, покрытом от дождя огромными кусками древесной коры на мягких шкурах лежит Иван Лихачёв. Глаза его закрыты, а сам он тоже закрыт одеялом до подбородка.

Но вот Иван медленно открывает глаза, осматривается и пытается понять, где он находится и что с ним происходит.

— Где я? — слабым голосом произнёс Иван.

Из тёмного угла огромного шалаша появилась женщина в широкой и длинной накидке. Она наклонилась над лежащим Иваном.

— Где я? — снова сказал Иван.

Ничего не ответив, женщина бесшумно вышла из шалаша и через некоторое время вернулась с невысоким мужчиной. Иван лежал на самой земле и мужчина присел на корточки рядом. Круглое скуластое лицо его склонилось над Иваном.

— Проснулся? Хорошо, — довольным и каким-то даже радостным голосом проговорил мужчина-колош и спросил: — Ты русский?

— Русский, — кивнул Иван.

— Из крепости на Ситхе?

— Да.

— На охоту сюда ходил?

— Нет. Мы рудознатцы. Искали глину для кирпичей, руду медную, что попадёт.

— Как звать тебя?

— Иваном.

— А я Нанкок, — ткнул пальцем себя в грудь туземец. — Ты Иван, я — Нанкок. Понимал?

— Понял, понял, — улыбнулся Иван.

— Ты не бойся. Тебя здесь никто не тронет. Ты мой гость. А ещё зови меня Николай. Я крещёный. Ваш

отец Никодим здесь у нас многих крестил и меня так назвал — Николай.

— Стало быть ты Никола.

— Да, да... Никола, — кивал головой туземец.

— Как я у тебя очутился, Никола?

— Тебя моя собака нашла. Ты на землю упал и лежал.

Собака почуяла. Ты не помнишь?

— Ничего не помню. И давно я тут лежу?

— Вчера весь день и ещё ночь.

— А ныне что?

— Теперь день.

— Ты в крепости нашей бываешь?

— Бываю, как не бываю. Торговать ездим к вам. Ты мне, я тебе. Хорошо... Только днём туда можно. На ночь там оставаться нам нельзя. Ваш правитель строгий... Шибко строгий...

— А меня туда отвезёшь, Никола? Мне домой надо... Я в долгу не останусь.

— Отвезу, как не отвезу. Только тебе туда ещё рано. Лежать надо.

— Меня дома ждут, Никола... А, может, и ждать перестали... У меня дома мука есть и табак, а ещё и одеяло.

На лице Нанкока появилось оживление, но он сдержал себя.

— Лежать надо, говорю. Ты слаб, сил мало, дорога трудна. Как тебя везти. Нет, пока нет. Подождать надо.

Нанкок встал во весь рост, откинув завесь входа и что-то крикнул на улицу. Тут же в шалаше вновь появилась женщина, сидевшая недавно у изголовья Ивана. Нанкок что-то сказал ей и сиделка, взяв в руки деревянную чашу с каким-то питьём, подседа к болящему.

— Пей, пей Иван, это отвар наших трав. Он даст тебе силы. Пей... Потом она тебя накормит, а я вечером опять приду. Пей...

Иван недоверчиво посмотрел сперва на женщину, потом на поднесённую к его губам чашу. Сиделка, поддерживая и приподнимая голову Ивана, чуть наклонила чашу с отваром. Иван глотнул, сморщился и отвернулся, но женщина не отстала и молча заставила его пить ещё и ещё.

У пристани недалеко от верфи оживлённо толчётся народ. Капитан Мур с борта готового к отплытию своего корабля смотрит на берег, где появляются Баранов, Кусков и их доверенный Калистратов. По трапу они входят на судно, где их встречает Мур.

— Вот и пришло время прощаться, господин Мур, — с грустью сказал Баранов.

— Я сожалею, что моё пребывание здесь было столь кратким, но поверьте очень радостным и... как это у вас говорят, душеполезным. Прощаться мне жаль, но такова жизнь.

— Как ваше здоровье, капитан? — спросил Баранов.

— О!.. — засмеялся Мур. — Всё в порядке, господин Баранов, если вы спрашиваете о моём самочувствии после вчерашнего дня... Ром был действительно крепок... Зато так же крепок и наш договор.

— Ну, слава Богу, что всё в порядке.

— Да... я ведь здесь у себя дома. Одно ощущение палубы под ногами и этот простор делают меня абсолютно здоровым человеком.

— Тогда позвольте представить вам моего доверенного человека Петра Ивановича Калистратова. Он знаток нашего дела, да и морского тоже. Так что прошу любить и жаловать.

Мур подаёт руку Калистратову.

— Очень рад, — говорит он. — Думаю, что у нас всё будет о, кей!

— Я тоже, господин Мур, — подтвердил Калистратов.

— А Гельбер, о котором вы нам говорили, капитан, действительно объявился здесь. И совсем недалеко, — сказал Баранов.

— Я знал, что он к вам явится... Вы его уже видели?

— Нет... Наши промышленные люди видели его там, далеко. Но он уже общается с местными вождями, одачивает ружьями и даже пушками. Так что мы вскоре ожидаем гостей в нашей крепости.

— Может быть мне остаться, господин Баранов? Я со своими парнями буду вам в помощь!

— Нет, господин Мур. Пусть всё идёт своим чередом. Да и мы не сидим сложа руки, готовимся. Ещё я жду на днях наше судно из Охотска. Так что не будем вас задерживать. Желаем вам попутного ветра и ждём вас к нам всегда.

— Благодарю вас, господин Баранов и вас, господин Кусков за столь великолепный приём моей скромной особы. Такие встречи остаются в памяти на всю жизнь. Спасибо, — попрощался капитан Томас Мур.

— Ежели случится зайти вам на Гавайские острова, то поклон передайте моему другу — тамошнему королю Тамеамаеа Первому и мой ему подарок. — Баранов открыл принесённый футляр, где лежал пистолет.

— Мы зайдём на Гавайи за солью и водой. Непременно передам, господин Баранов, — пообещал Мур и добавил. — А вам я всё же советую из вашего леса доски и брусья пилить и торговать ими в Калифорнии. Это будет выгодно. Уверяю вас.

— Спасибо господин Мур, — уже входя на трап, согласно кивнул Баранов. — Мы вашим советом непременно воспользуемся.

Баранов с Кусковым сходят на берег. Трап убирают. Капитан Мур отдаёт команды и его судно отходит от причала Ново-Архангельска. Стоя на капитанском мостике, Мур с благодарной грустью в глазах смотрит на всё дальше и дальше отдаляющийся берег с людьми на нём и машет рукой Баранову и Кускову. Машет снятым с головы картузом Пётр Калистратов.

Баранов и Кусков тоже прощальными взмахами провозжают своего американского друга и партнёра.

С верхней крепости палят пушки, салютуя капитану Томасу Муру.

В маленькой бухточке, ограждённой от океанских волн плавучими сплочёнными бонами, несколько промышленных мужиков в рваных одеждах, орудуя баграми, доставали из воды сырые брёвна и по наклонным следам, на верёвках, поднимали их на берег. Видно, что работа эта не из лёгких. Потому то и делали её

посельщики — самый бедный и бесправный люд среди промышленных.

— Раз-два, взяли! — громко командует один из посельщиков и бревно рывком поднимается вверх по слегам на один шаг. — Раз-два, ещё разок! Раз-два, взяли!

Когда очередное бревно ложится на берегу рядом с другими, старший артели снимает войлочный колпак и бросает его на брёвна.

— Всё, хватит! Больше немоготу... Шабашьте...

— Эй, Тимоха! — кричит один мужик вниз, где у самой воды посельщики орудуют баграми. — Шабаш!

— Сегодня, Василий, мужики ещё один плот должны пригнать, — говорит старшому один из посельщиков.

— А вот, пусть сам, правитель Баранов вместе с Кусковым его на берег и волокут. А я боле не буду. Пока не заплатят всё, что нам задолжали ещё за зиму.

— Верно, Василий, — поддержал старшого один из товарищей. — Я тоже боле не буду... Надо сказать нашим.

Василий оглядел всех, сидящих перед ним работников.

— Давайте сегодня, как зорю вечернюю пробьют, то соберёмся у нас в казарме и там всё обсудим... Как дальше жить и что делать. А ты, Прохор, другим скажи, да тут мужикам передай, которые сегодня с плотом придут... Понял?

— Как не понять, — согласно кивнул Прохор. — Всем наказ будет.

Василий встал с бревна, на котором сидел и пошёл в крепость. За ним потянулись и остальные.

Тотемный столб с вырезанной на нём фигуркой птицы — ворона — как бы охраняет поселение колошей от злых сил. Возле хижин лежат на траве и сидят мужчины и о чём-то разговаривают. Мимо них снуют женщины, таская воду, дрова, хлопочут у костров. Среди мужчин заметен Нанкок.

Он больше всех о чём-то говорит и размахивает руками. Потом встаёт с травы и идёт к шалашу.

...Иван Лихачёв всё так же лежит в шалаше и, кажется, что спит. Нанкок входит в шалаш почти неслышно, но Иван открывает глаза и поворачивает голову к вошедшему Нанкоку.

— Ну, что, Иван, проснулся? — садится Нанкок рядом.

— Да я всё сплю и сплю. Со мной такого никогда не бывало.

— Тебя отваром не зря поят. Вот и спишь. Хорошо это. Во сне к тебе силы возвращаются. Скоро совсем здоровым будешь.

— Когда в крепость поедем, Никола? Домой дюже охота. Мочи нет...

— Потерпи ещё немного, Иван. Завтра солнце взойдёт — мы и поедем в твою крепость.

— Завтра!?, — обрадовался Иван. — Эх, целую ночь ждать.

— Лежи, — сказал Нанкок. — Ты ещё не до конца здоров... А ночь, что ночь, скучать не будешь.

Нанкок встал и, высунув голову из шалаша, что-то крикнул. Тотчас же в шалаше появилась женщина в накидке из одеяла. Она была лицом намного моложе той, которая поила и кормила Ивана все эти дни.

— Вот, Иван. Дарю тебе на всю ночь эту женщину. Она лечить тебя будет, не давать скучать будет. Тебе хорошо будет. Совсем выздоровеешь.

— Дак... — не зная, что сказать, Иван глядел то на женщину, то на Нанкока. — У меня дома... Мне не надо, Никола.

— Э-э-э, я знаю, Иван. У вас в крепости на баб голод... Бери, бери. Это моя жена... Ты не думай, у меня ещё есть. Зовут её Панниояк... Она твоя на всю ночь.

Нанкок выходит из шалаша, а Паниояк, постояв немного, снимает с себя накидушку и, оставшись в чём мать родила, медленно идёт к лежащему на зверинных шкурах Ивану и забирается к нему под одеяло.

Казарма посельческих людей в крепости Ново-Архангельск. В ней полутемно. На досчатом столе стоит плошка

с горящим фитилём, освещая полумрак помещения. За столом на лавках и топчанах сидят поселыщики во главе со своим старшим Василием Панковым.

— Я не знаю, как вы, братцы, а я уже дошёл до края. Жить стало невмочь, — сказал Панков и оглядел сидящих.

— Сил боле нету, — подтвердил один из них. — Доколе будут измываться над нами... Самая тяжёлая работа — наша, живём в казармах и землянках, а начальники в хоромах тёплых.

— Денег не дают. В кормовой лавке уже такой долг, что и подумать страшно, — заговорил ещё один. — А дают нам что: залежалую рыбу, сивучье мясо. Хлеба мало, а соли давно уже нет.

— Зато промышленным дают по пуду муки в месяц, солонину, крупу, соль и даже ром.

— Кому шиш, а нам, поселыщикам, всегда два.

— Даже алеуты живут лучше нас.

— Они зверя добывают, — подал голос кто-то.

— А мы лес рубим, да сплавляем, камни долбим, дома и амбары строим!

— А сами в сырости живём и в лохмотьях ходим.

— И в долгах как в шелках.

— Долги, говорят, у нас старые. Ещё сюда не приехали, а уже компании должны были. Выходит, что за всю жизнь нам с компанией ни за что не рассчитаться. В тяжкой кабале мы, братцы!

— Так дальше жить нельзя!

— Что же делать будем? — спросил Василий Панков, когда все выговорились.

— Да порешить их всех к едрене фене! — крикнул кто-то.

— Верно, Прошка!

— Кого? Кого порешить? — переспросил Панков Прошку.

— А всех, кто нас притесняет и жить не даёт... Правителя Баранова, помощника его Кускова... Да всех начальников здешних.

— А потом?

— А что потом... Не здесь же оставаться. Захватим судно и поплывём отсюда.

— Куда поплывём?

— Океан большой. Поплывём на полдень. Есть там жаркие острова. Да ведь ты, Василий, был там?

— Был, — согласно кивнул Василий.

— Ну вот. Сказывают, что зимы там не бывает, земля изобильна. Урожай два-три раза в году снимают. Народу мало, да и живут там одни чёрные арапы... А нам-то что. Главнее для нас воля вольная. Больше нам нет места нигде. Не в Сибирь же ворочаться.

— Все ли за это? — спросил Василий.

— Все.

— Все, — раздались голоса с разных сторон.

— Тогда надобно сие дело обговорить и обрядить с толком, не торопясь... Давайте-ка все к столу. А ты, Захарка, погляди там, на воле, нет ли кого, да к Мартыну-лавочнику, за ромом сбегай, спроворь нам бутылочку.

— Так ведь поздно уже, — встал молодой парень Захарка, — лавка-то закрыта.

— Знамо дело, закрыта. А ты к Мартыну домой. Скажи — пусть бутылку рому даст.

— А если не даст?

— Тогда сам приду... Даст, не впервой.

Захарка убежал за дверь, а посельщики стали усаживаться вокруг стола со стоящим посередине светильником.

Лавочник Мартын ужинал со своим семейством, когда в дверь постучали и на пороге появился Захарка.

— Хлеб да соль, — проговорил он, снимая с головы колпак.

— Милости просим, — сказала хозяйка.

— Дак я... Это... С тобой, Мартын, поговорить надо. Старшой послал, Василий.

— Знаю я, о чём разговор будет, — проговорил недовольно Мартын, вылезая из-за стола и подходя к Захарке. — Ну и чего надобно?

— А надо, Мартын, бутылку рому. Упластались так на сплаве сегодня, что невмоготу. Запиши на старшего Василия. Он так наказал.

— А ежели у меня тут нету, а лавку я отпирать не буду.

— Тогда Василий сюда сам явится. Да ты не жми, Мартын. Он заплатит.

Мартын подошёл к большому ларю, стоящему у стены и покрытому пестрядиной, приподнял крышку ларя и достал из него большую, тёмного стекла, бутылку, протянув её Захарке.

— На, — сказал Мартын, — да передай Василию — в последний раз в долг даю. Пусть придёт и рассчитается.

— Да ты не бойся, Мартын. Мы скоро рассчитаемся... За всё рассчитаемся. Как только срок придёт...

Мартын хотел было что-то сказать, но только рот раскрыл, а Захарка уже дверью хлопнул. Видно было, что слова посельщицкого сына Захарки ему не понравились и насторожили.

— Петька, — позвал он подростка — сына, — беги за ним ... Они там у себя, в казарме, видно, толковище развели. Послушай, что говорят... да поосторожнее.

Петька кивнул и выбежал из избы вслед за Захаркой.

В полуземлянке-казарме мужики всё ещё сидели за столом, разговаривая о задуманном и обернулись только тогда, когда скрипнула дверь и в казарму быстро вошёл Захарка.

— Спроворил? — спросил Василий.

— Есть! — весело ответил Захарка и поставил бутылку с ромом на стол.

— А ты никого за собой не привёл?

— Не, никого.

— Посмотри, всё же. Мало ли что.

Захарка возвращается к двери и вглядывается в темноту. Потом захлопывает двери, за которыми пристроился Петька.

— Говорю, что никого, — молвит Захарка, подходя к столу. — Да и кому быть-то? Все уже по домам сидят,

а у нас тут что: мёдом намазано? Скажите лучше, чего урядили, пока я ходил?

— А то и урядили, — сказал Василий. — Всех господ под нож, а сами на судно — и поминай, как звали. Доберёмся до тёплых островов и тогда там рядить будем.

— А тут завтра дело начнём? — спросил Захарка.

— Экой ты быстрый какой, — усмехнулся Василий. — Такие дела скоро не делаются, готовиться будем. У тебя вот среди туземцев знакомые есть?

— Как нет!?! Есть. Из тех, кто торговать приплывают. Недавно один был. Мне бабу привозил за осьмушку табаку. А чо?

— Ходит слух, что туземцы собираются опять на нашу крепость напасть. Вот и договориться бы с ними...

Больше Петька слушать не стал и, тихо отойдя от казармы, бросился бегом к своему дому, а прибежав к отцу, от волнения и страха еле начал говорить.

— Тятя, поселщики бунт замышляют!

— Бунт?! Что говорят? Сказывай!

— Говорят, что всех господ надо убить!

— Кого?

— Правителя Баранова, Кускова и всех, видно, начальников, кто попадётся.

— А дальше что?

— А дальше, говорят, захватим судно у пристани и поплывём к тёплым островам, а здесь, дескать, жизни нам нет никакой. Там же воля вольная.

Теперь засуетился Мартын.

— Я побегу к Баранову. А ты за Кусковым. Там рядом.

Он быстро накинул на плечи кожан и выскочил из дома.

В большой зале дома правителя собралась вечером вся семья Баранова. У книжного шкафа за маленьким столиком, освещаемом большой свечой, сидел Антипатр и громко читал книгу о приключениях Робинзона Крузо.

— «...Из дневника... 30 сентября 1659 года, — читал Антипатр. — Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев

кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого злополучного острова, который я назвал островом Отчаяния. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и я сам был полумертв. Весь остаток дня я провел в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу. У меня не было ни пищи, ни крова, ни оружия... Мне казалось, что меня или растерзают хищные звери, или убьют дикари, или я умру с голоду, не найдя никакой еды. С приближением ночи я взобрался на дерево и отлично выспался, несмотря на то, что всю ночь шел дождь. Проснувшись поутру, я увидел к великому моему изумлению...»

На лестнице дома вдруг послышались какие-то голоса, топот ног и Антипатр прекратил чтение. Тут же на пороге показался и сам нарушитель тишины. Это был приказчик кормовой лавки Мартын Кабачков.

— Александр Андреевич, батюшка, — с порога испуганно произнёс лавочник, — беда...

— Что? Туземцы!? — вскочил с кресла Баранов.

— Нет... Наши поселышники против тебя сговариваются. Убить хотят!

— Где они? Сюда идут?

— Нет, Александр Андреевич. Они в землянке у Васьки Панкова сидят. Ихний Захарка Лебедев за ромом ко мне прибежал и, вроде, как с намёком, сказывал мне, что скоро, де, за всё рассчитаемся. Ну, я, Петьку, своего и послал вслед. Он и подслушал их разговор.

— Что слышал?

— Порешим, дескать, всех господ и на судне уплывём в тёплые края.

— Так, так... Стало быть и впрямь заговор готовят. Беги за Кусковым, Мартын.

— А я уже Петьку своего к нему послал. Сейчас тут будут.

— Ну, тогда пошли.

Баранов сбегал в свой кабинет и вернулся с двумя пистолетами в руках, затем решительно толкнул ногой дверь.

В коридоре он столкнулся с испуганной женой.

- Побереги себя, Саша?
- Иди к детям, мать. Скоро приду и всё расскажу. Всё хорошо будет. Иди...

С Кусковым и Петькой встретились у крыльца дома правителя и быстрым шагом пошли по улице к полужемлянке поселщиков. Баранов шагал впереди, держа в руках пистолеты. У Кускова тоже был пистолет.

— Я за караульными послал, Александр Андреевич, — находу бросил Кусков.

— Зачем? — резко сказал Баранов. — Потом... Сейчас я сам хочу их видеть и слышать...

В полужемлянке Панкова продолжалось веселье, когда резко откинулась от удара сапога Баранова входная дверь, и через порог шагнул он сам в распахнутом камзоле и пистолетами в руках.

Посельщики, сидевшие за столом, от неожиданности будто онемели и мигом замолчали. И в этой тишине Баранов подошёл к столу.

— Так это кто из вас меня убить хочет? — громко спросил Баранов и, взяв пистолеты за дуло, протянул одному из сидевших поселщиков.

— Ты!? Ты!?! А может, ты!? Нате, стреляйте!

Все молча внимали происходящему, и, казалось, все протрезвели.

— Тогда говорите, кто задумал этот бунт? Кто зачинщик!?

— А какой бунт, Ваше высокоблагородие, — первым начал говорить Василий Панков. — Никакого бунта нет. Собрались, выпили по чарке рому, разговоры ведём.

— О том, как всех начальников перебить и в бега податься? — крикнул Баранов.

— О том, что жизнь тут для нас, поселщиков, невыносима боле, — спокойно сказал Панков, а за ним заговорили и остальные.

— Хуже, чем на каторге!

— Живём впроголодь! И жонки и дети наши. А работаем на лесоповале и сплаве.

— У нас даже хлеба нет. Местные люди, туземцы, вместо него сырую рыбу едят, а мы не туземцы, чтобы сырую рыбу жрать!

— Вон третьего дня Митька Веригин ракушек на берегу наелся, а вчерась помер!

— Одежонки и той нет, а купить не на что. В лохмотьях ходим.

— Все в долгах, как в шелках!

— В Сибири и то лучше!

— Сибирь — Россия, родная сторона!

— Все вы привезены сюда на поселение, указом государевым! — прервал Баранов выкрики посельщиков. — Здешняя американская земля — продолжение земли российской и порядки тут, как и везде в России. Я не позволю бунтовать! А тяжело так и всем тяжело. Разве я живу в роскоши? Разве я не обитал в землянке, не питался как все, разве прятался за спины других в стычках с туземцами, разве не был ранен, разве я не рубил лес вместе с вами?

— То было, — согласно сказал Василий Панков, — а мы и по сей день в нищете и в голоде.

— От раздора, что вы затеяли, пользы не прибудет. Ни вам, ни нам, ни Отечеству... Надо всем быть вместе. Раскол же вредит делу, которому служим... Легко переломить один прутик, а ты попробуй переломить веник... И царства, и грады, и общества, расколовшись на части, обречены на гибель. Вы пошли на раскол и достойны наказания... Взять всех! — приказал Баранов, пришедшим к тому времени караульным с ружьями.

— Погоди, господин Баранов, — попытался остановить правителя Панков, — я старшой у этих людей и мне отвечать за всё. А они ни в чём не виноваты. Бери под арест и суди меня, ежели вина моя будет...

— Властью, данной мне государем, я беру под арест всех. А потом разберёмся о мере вины каждого. В железа всех! На гауптвахту! — ещё раз приказал Баранов и, резко повернувшись, вышел за порог.

В кажиме, самой большой хижине поселения колошей, собрались все мужчины. Они сидели на земляном

полу, устланном плетёными травяными подстилками. На небольшом возвышении, перед собравшимися в мужском доме, сидел на звериных шкурах сам тойон местного племени Котлеан. Подняв вверх руку и, дождавшись, когда в хижине стало совсем тихо, Котлеан заговорил.

— Братя! Говорю вам: наступает день, когда мы, люди Ворона, вновь пойдём брать крепость пришельцев, как делали это не раз и не два с другими крепостями русских. Не позволим им больше бить наших зверей. Будем охотиться больше сами, а шкуры продавать... Если же не возьмём крепость русских, то они заселят всю нашу землю. У нас же другой земли нет, как вот эта земля предков. Так ли думают воины?

— Так! — прозвучало в ответ.

— В бою за крепость поможет нам белый англичанин капитан Гельбер. Он уже дал нам ружья и пушки. Его корабль стоит недалеко отсюда и он ждёт нашего сигнала. Его люди и пушки помогут нам... Нанкок, — обратился Котлеан к сидевшему рядом соплеменнику, — готов ли ты к поездке в крепость? Здоров ли твой русский, чтобы отправиться с тобой домой?

— Он уже здоров, вождь Котлеан, — откликнулся Нанкок, — и я готов с ним плыть в крепость.

— Поручаю тебе разведать караулы в крепости. Я знаю, что наших людей, туда не пускают, но ты пойдёшь со спасённым тобой русским и тебя пустят за ворота. Так будь же зорок как птица и хитёр как лисица. Так?

— Так, вождь Котлеан.

— А тебе, брат Сайгинах, поручаю с Асавахтоком идти к белому капитану Гельберу и сказать ему, что мы будем готовы через два восхода солнца после встречи с ним. Так?

— Так, вождь Котлеан.

— Всем остальным воинам повелеваю готовиться к бою. Готовьте себя, луки, копыя и топоры. А о выходе на крепость будет известно каждому позже. Так!

В кабинете Баранова отворилась дверь, и в комнату вошёл отец Никодим. Он был в чёрной рясе и камилавке.

Увидев священника, Баранов вышел из-за стола и подошёл под благословение.

— Господь благословит, — проговорил отец Никодим, осеняя крестным знаменем правителя.

— С чем пожаловал, отец Никодим? Уж очень редкий ты гость в моём доме.

— Да и ты, Александр Андреевич, не часто молиться в наш дом ходишь.

— Всё как-то недосуг, отец Никодим. С утра и до вечера иной день в заботах. Хозяйство, ты сам знаешь, больно велико.

— Знамо велико, дак ведь всё делается по воле Божией и молитва ко Господу будет всегда человеку в помощь.

— Молюсь я, отец Никодим, молюсь ежедень дома, — кивнул на иконы в углу кабинета Баранов.

— Дома молиться хорошо. Но когда ты, Александр Андреич, в храме чаще бывать будешь, то и народ, видя это, потянется в церковь тоже чаще и больше.

— Упрёк твой отец Никодим я принимаю. Возразить тут нечего.

— Я не упрекаю и не осуждаю. Я просто размышляю. И вот ещё о чем душа моя болит, — священник остановился и пристально глянул на Баранова.

— Слушаю тебя, отец Никодим. Давай выкладывай свою заботу.

— Нет у нас тут, Александр Андреич, настоящего Божьего храма. Ютимся, прости Господи, в сарае, который и церковью-то назвать трудно. А ведь обещал ты церковь построить, да сколько уже лет слову твоему минуло.

— А я и в сей день, отец Никодим, ничего тебе сделать не могу. Молитесь пока там, где есть.

— Молиться можно и под кустом, а вот службу Господу служить и требы творить надо воистину в Божьем храме. Да и народу молящегося больше стало. Все мы там не умещаемся... Одним словом — храм нужен. Надо строить...

— Разве я не построил церковь на Кадыяке? Разве не помогаю притчу хлебом и деньгами?

— Всё так Александр Андреич, да я не о том речь-то веду. Что было на Кадьяке, то там и осталось. Ныне мы тут основались и, видно, надолго. Мы много венчаем, алеутов и туземцев крестим во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Погоди, отец Никодим, придёт очередь и для храма. Всему свой срок. Да и людей у меня сейчас нет.

— Как нет? Слышал, что ты вчера многих поселыщиков в холодную посадил.

— Тех, кто поднял бунт, умыслив меня, Кускова Ивана Александровича и многих иных начальников перебить и на судне бежать отсюда в тёплые страны.

— Да, страшнее бунта с убийством ничего нет... И что с ними будет, Александр Андреич?

— Проведём сыск и накажем каждого по вине смотря... Вот придёт судно из Охотска и отправлю их туда. Там и судить будут.

— А, может, привести их к покаянию Раскаявшийся грешник Господу угоден. Да отправить их на дальний руд для исправления.

— Нет, отец Никодим. С бунтовщиками должно разговаривать иным языком, дабы другим не повадно было подобное дело творить.

— Но ведь жизнь поселыщиков и впрямь тут весьма тяжела. Работа каторжная, а живут впроголодь. Если же судить их будут в Охотске или в Иркутске, то на суде откроются истины ко вреду и срамлению компании.

— А вот об этом, отец Никодим, позволь мне самому размышлять и поступать так, как мне сие дело видится...

Разговор явно не складывался и отец Никодим поднялся с кресла, на котором сидел.

— Конечно, конечно Александр Андреич... Но скажу прямо: сожалею, что не получился у нас разговор. Жаль... Мы ведь одно дело делаем... Но я всё-равно буду молиться за тебя, Александр Андреич... Господь милостив.

Отец Никодим вышел из кабинета Баранова, так и не дождавшись от правителя никаких слов.

На морском берегу у поселения индейцев-колошей лежит на берегу лодка-байдара. Рядом с ней несколько долблёнок поменьше. От поселения к лодкам идут несколько индейцев, среди которых и Иван Лихачёв. Опережая всех, он почти бежит к лодкам и бросает в большую байдару свои сумы и штуцер. Затем пытается сам столкнуть лодку на воду.

— Не спеши, Иван, успеем, — говорит ему Нанкок.

— Домой страсть как охота, Никола. Ты меня разве не понимаешь?

— Понимаю, как не понимаю. Сам, когда далеко на охоте бываю, домой к своим жёнам спешу... Будешь и ты дома. Теперь уже скоро.

Нанкок что-то сказал по-своему другим индейцам. Те подошли к байдаре, столкнули её на воду, а потом и свои лодки.

Так они и отошли от берега: большая байдара с Иваном и Нанкоком, а за нею три маленьких байдарки.

Иван глянул в сторону жилья индейцев, которые его приютили и выходили, и увидел у самой кромки леса, под высокой раскидистой сосной невысокую женщину. Иван узнал Панниояк. Она стояла и смотрела на уплывающие лодки, пока стали неразличимы лица машущих вёслами людей.

«Альбатрос» Гельбера стоит на якоре в небольшой бухточке, недалеко от берега. К нему приближаются две лодки индейцев. На судне их давно заметили.

— Что надо? — крикнули с борта судна.

— Капитана нада! — тоже крикнул в ответ Сайгинах. — Мы от вождя Котлеана.

— Будет вам капитан, — ответил через какое-то время матрос и с борта судна спустили к воде верёвочный трап.

Сайгинах забрался по трапу на борт судна, где его встретил Гельбер.

— Капитан слушает тебя, говори, — сказал индейцу переводчик.

— Я от вождя Котлеана, — повторил Сайгинах. — Он передаёт капитану Гельберу, что будет готов атаковать крепость русских на Ситхе через два восхода солнца на третьем.

— Хорошо, — кивнул в ответ Гельбер. — Мы тоже будем готовы. Передай вождю Котлеану, что в ночь перед третьим восходом солнца мы подойдём ближе к острову. Мои люди ночью же будут ждать в лесу у крепости начала выступления ваших воинов и поддержат атаку.

— Я всё передам вождю Котлеану, — сказал Сайгинах и, поклонившись, спустился по трапу в свою лодку.

Алёна сидела на своём обычном месте у причала и, как всегда, глядела на морской простор. Она видела, но не обратила внимания на лодки индейцев, сначала показавшиеся из-за недалекого острова, а потом подошедшие к самому причалу. И только когда люди, из лодок, сошли на берег, Алёна увидела Ивана.

— Ваня! Ваня! — закричала Алёна и бросилась к Ивану.

— Алёна?! — в свою очередь удивлённо и радостно выдохнул Иван, — откуда ты взялась?

— Как откуда, Ваня? — Прижавшись лицом к ивановой груди, проговорила Алёна. — Как откуда? Я тебя ждала. Ежедень тут сижу... Дождалась... Слава Богу... Услышал Господь мои молитвы. Здравствуй, Ванечка!

— Здравствуй и ты, Алёнушка! Как ты тут? Здоровали? Дома как?

— Я, Ваня, слава Богу, здорова. Дома тоже все здоровы. Тятя, вот недавно с промысла пришёл. Только и боялась, чтобы с тобой, что не случилось. Ведь все сроки прошли... Али случилось чего? — с тревогой спросила Алёна.

— Жив и здоров, сама видишь, Аленушка. Чего было, о том после расскажу. Теперь недосуг. А что жив и здоров, так вот благодаря этому человеку — показал на одного из индейцев Иван. — Нанкоком его зовут, а по православному Николаем кличут. Это он меня спас, когда я в бесчувствии упал, выйдя из тайги. Спас, выходил и вот домой привёз...

— Спаси, Господи, — поклонилась Нанкоку Алёна.

В ответ Алёне поклонился, улыбаясь, и Нанкок.

— Жена твоя? — спросил он Ивана.

— Нет пока, — обнимая одной рукой Алёну, ответил Иван. — Но скоро будет. Вот повенчаемся, и будет. Так ли, Алёна?

— Ещё бы не так, Ваня. Хоть сегодня к отцу Никодиму пойдём и обвенчаемся.

— Ну, прямо уже сегодня, — рассмеялся Иван.

— А что? Зря, что ли ждала.

— Пойдём, пойдём, Алёнушка. Сегодня и поговорим с ним.

Завидев на причале индейцев, к ним подошли двое промышленных караульных с ружьями. Поздоровавшись с Иваном, кивнули на колошей.

— А этим тут на причале быть нельзя, — сказал один из караульщиков.

— А что так?

— Приказ правителя Баранова.

— Они меня привезли. Рассчитаться надо. Я их в гости зову.

— Ну и что. Привезли и пусть обратно едут. Беседуйте и расплачивайтесь, но только за воротами. В крепости им быть не можно. Говорю, что приказ самого Баранова.

— Прости, Нанкок. Слышал...

— Я знаю, Иван. Ваш правитель строгий, шибко строгий. Моя подождёт тебя за воротами. А где твой дом?

— Да тут, недалече, рядом с церковью.

Нанкок что-то сказал своим соплеменникам.

Те сели в лодки и поплыли вдоль берега к окраине крепости.

Сам же Нанкок, сопровождаемый караульными, пошёл к воротам, часто оглядываясь по сторонам и с интересом. Ему даже было видно, как Иван зашёл в свой дом с Алёной.

— Жди здесь, — сказал Нанкоку караульщик, выйдя вместе с ним за ворота, — или к своим иди. Вон их сколько.

Недалеко от деревянных стен крепости и вправду находилось множество колошей, прибывших для меновой торговли. Тут и там они, размахивая руками и жестикулируя, предлагают редким местным жителям сушёную, вяленую и свежую рыбу, шерсть диких коз, бобровые и лосиные шкуры.

Нанкок прошёлся вдоль крепостной стены, свернул за угол и там увидел ещё одни ворота. Но они были заперты. Когда Нанкок возвратился к главным воротам, то Иван уже ждал его.

— Прими, Никола, мешок муки, два одеяла и табак: всё, что у меня есть пока. И спасибо тебе за всё, — поклонился Иван. — Приезжай ещё когда-нибудь. Ничего не пожалею.

— У тебя хороший баба есть, — с улыбкой сказал Нанкок. — Как не приехать, приеду. Скоро приеду.

Он крикнул своих спутников. Те подошли, взяли товар и двинулись к лодкам. Нанкок тоже пошёл за ними.

А Иван и Алёна, взявшись за руки, направились от крепостных ворот совсем в другую сторону, к причалу, где чуть в стороне от него у большого дикого камня на принесённом океанскими волнами дереве, ждала и дождалась своего суженного Алёна.

— Вот тут я и сидела каждый день и утром и вечером до темноты, ждала. Ждала и молилась Николаю Чудотворцу. А тебя всё нет и нет.

— Да, долго, Алёнушка, заставил я тебя ждать. Прости, но так уж вышло. Всегда, когда идёшь в неведомое, то и сам не знаешь, как дело выйдет. Уповаешь только на Господа... Вот и в этот раз...

— А что в этот раз? — быстро и с беспокойством спросила Алёна.

— Нас было трое рудознатцев. Искали мы глину и руду, какая попадётся. Взяли пробы в разных местах и уже шли обратной дорогой, как двоих моих напарников Митю и Егора туземцы стрелами убили... Я же поотстал немного: увидел куст малины и тебя вспомнил, как мы с тобой по малину ходили. Стал я ягоды есть, да тебя

вспоминать. Ребята же на берег речки вышли и меня кричали, а потом вдруг затихли... Когда подошёл, то туземцев и след простыл, а мужики порешены оба... Так что можно сказать это ты от меня смерть отвела. Не вспомни я тебя...

— Это всё Николай Чудотворец. Ему молилась... А потом?

— Потом я ребят похоронил там же на берегу. Сумы их взял и пошёл вдоль реки. Не знаю сколько времени я там пробирался, только вышел к жилью туземцев и там без всяких чувств упал и лежал, пока меня колоши не подобрала.

— Ты бы не ходил боле, Ваня... Такие страсти рассказываешь...

— Что ты, Алёнушка? Как не ходить. Ведь на государственной службе я.

— Пойдёшь ещё, а я вся опять изведусь, когда тебя долго не будет.

— А ты понимать должна и ... ждать, ежели любишь меня.

— Люблю, люблю, Ваня. Люб ты мне, потому и боюсь за тебя, потому и тяжело мне, когда тебя нет.

Иван обнял Алёнушку и глянул в её глаза.

— Тогда выходи замуж за меня.

— Хоть сейчас, Ваня. Сказала ведь тебе.

— Сейчас и пойдём.

— Куда?

— К отцу Никодиму. Пусть оставит день, когда мы с тобой под венец пойдём.

— Пошли, — согласно кивнула головой Алёна. — Пошли, Ваня. Но сперва к моему батюшке с матушкой. А то как же без ихнего благословения.

В мужском доме поселения колошей сидят несколько мужчин, среди которых и Нанкок со своими недавними спутниками. Во главе всего собрания старшин тойон Котлеан.

— Нанкок побывал в крепости, — сказал Котлеан. — Говори, Нанкок.

— В крепость нас не пускают. Мы попали туда через пристань, но меня караульные вывели за ворота. Говорят, что так приказал им правитель Баранов. В крепости я заметил ещё людей с ружьями.

— Может быть правитель Баранов прознал что-нибудь о предстоящем деле.

— Я так не думаю. Обычная осторожность: ведь многие из его людей сейчас на промысле. Да и наших стало больше на острове недалеко от стен и ворот. Они отплывают только к вечеру, когда закрываются ворота.

— Пусть и сейчас так делают. Пусть всё будет как раньше.

— Да, вождь Котлеан, — согласился Нанкок.

— Много ли их людей у ворот?

— Немного. Я заметил двоих. Но они к воротам никого не пускают и близко.

— Значит сразу мы из пушек ударим по воротам и после начнём штурм.

— Будет много шума раньше времени, вождь Котлеан. Открыть ворота можно по-другому и без шума.

— Как?

— У русских в крепости голод на женщин. Если привести караульным наших женщин, то они не устоят. И ворота наши станут без выстрелов. А пушки нужны для обстрела верхней крепости.

— Все ли согласны с Нанкоком? — обвёл взглядом Котлеан собравшихся старшин.

В знак согласия мужчины склонили головы.

— Сигналом к началу — открытые ворота. Наши люди были у Гельбера. Он сказал, что его люди нам помогут. Идите и готовьтесь. Да будет так! С нами Ворон!

На поляне, которую окружали хижины-кажимы поселения колошей, собрались воины. Лица их измазаны краской и, собравшись в круг, они танцуют боевой танец. Руководит всем ритуалом шаман в деревянной шапке в виде головы ворона. Он исполняет разные телодвижения под удары своего бубна в середине круга воинов. Воины посыпают головы птичьим пухом и перьями.

Правитель Баранов в сопровождении Кускова вышли в очередной обход крепости. В верхней её части недалеко от дома Баранова они подошли к караульной вышке, возле которой на столбе «глаголом» висел колокол.

— Что видно, Афанасий?

— А всё как на ладошке, ваше высокоблагородие!

— Ну и что же ты видишь? Не заметил ли чего необычного?

— Ничего такого, ваш-выс-бродь! Туземцы там за воротами до самого вечера бывают, а потом домой уходят. К воротам же и близко не подходят. Видно, что соблюдают уговор.

— Это хорошо... И всё же ты, Афанасий, туда особо поглядывай, да и товарищам своим тоже об этом накажи. Если и полезут туземцы, то только с этой стороны.

— Слушаюсь, ваш-выс-бродь!

— А ты, Иван Александрович, прикажи сегодня же из вон той батареи четыре пушки сюда поставить. Да чтобы заряжены были картечью.

— Слушаюсь, Александр Андреич. Всё сделаю немедленно.

— Кто у нас на промысле?

— Партия Тараканова на шхуне «Чириков», а с ним сотня алеутов.

— Когда придут?

— Не сегодня, так завтра обязательно. Все сроки прошли.

— Скорей бы, — озабоченно произнёс Баранов и они пошли к лестнице-трапу, ведущей в нижнюю часть крепости.

При заходе солнца воины-колоши садятся в лодки и по знаку вождя, Котлеана, отправляются в путь к острову Ситха.

Утром, в Ново-Архангельской крепости началась обычная жизнь. В церкви после утрени отец Никодим венчал новобрачных Ивана Лихачёва и Алёну. Одета в

праздничный сарафан невеста была особенно красива в сей торжественный момент.

Отец Никодим, поставив молодых перед аналоем, прошёл в алтарь через боковую дверь и, распахнув святые ворота, стал читать положенные по этому случаю молитвы.

К воротам крепости, возле которых стоит караульный, приближается группа индейцев, среди которых две женщины. Караульный, ещё издали заметив их, и, сняв с плеча ружьё, замахал рукой, выйдя в узкие пешеходные двери.

— Стой! Стой! Нельзя вам сюда! Поворачивай! — кричал он приближающимся индейцам.

Индейцы остановились, но один из них, а это был Нанкок, подошёл к караульному.

— Подожди, не кричи... Мы плохо не хотим... Тебе баба нада? — сказал Нанкок.

— Какая ещё баба? — не сразу понял часовой.

Нанкок наклонился и что-то сказал караульному на ухо. Тот, поняв о чём идёт речь, заулыбался и, в нерешительности, замаялся.

— Так, это... Нельзя мне... На службе я...

— А ты позови кого-нибудь постоять за себя. Смотри, — Нанкок подал знак рукой.

Индейцы расступились и вперёд вышла миловидная колошенка. Она подошла к Нанкоку.

— Бери её... А мне табака нада... Табака давай.

— Так напарник-то в караулке спит, — расстроено молвит караульный, глядя голодными глазами на молодую колошенку. — Разве, что... Эй, Тимка! — позвал он проходившего мимо парня.

— Чего надо, Данила? — подошёл к часовому тот.

— Тут такое дело, Тимка... Ну, это ... ты постой тут, а я сейчас в караулку схожу и скоро приду. Ты только их в ворота не пускай.

— Знаю, — сказал Тимка, — не впервой.

Караульный передал ружьё Тимке, а кисет с табаком Нанкоку и, взяв женщину за руку, поспешил в караульную избу.

— Это дело зело хорошее, — смеясь сказал Тимка и крикнул вдогонку Даниле: — Оставь и мне немножечко!

— Ты тоже бабу хочешь? — спросил Нанкок Тимку.

— А кто не хочет?

— Смотри, — сказал Нанкок и опять индейцы расступились, выпуская вперёд ещё одну свою молодку. — Бери...

— Я бы взял, да заплатить нечем, табаку нет, — с сожалением проговорил Тимка.

— Можно и не табаку, — сказал Нанкок. — Мука есть? Одеяло есть?

— Есть-то, есть, да только дома, — загорелся и Тимка рядом с молоденькой колошенкой. — Подождать надо. Сейчас Данилка придёт.

— А чего ждать. Беги домой, а мы подождём.

— Только вон там, подальше от ворот ждите, а сюда, за ворота ни ногой, а то и вам и нам худо будет. А я сейчас сбегая домой... тут рядом.

Тимка приставил ружьё к воротной стене и побежал по улице.

Нанкок со своими людьми быстро вытащили засов и распахнули ворота, что послужило сигналом для всех калашских воинов к началу штурма.

Толпа индейцев с криками и гиканьем бросилась к воротам русской крепости.

Караульные на вышке в верхней части сразу увидели бегущих к воротам индейцев и услышали их воинственные крики. Тут же раздались удары сполошного колокола, взвился на шесте красный тревожный флаг и первый выстрел из пушки встретил картечью первых, добравшихся до крепостных ворот туземцев.

Услышав выстрел пушки и крики, из домов, барачков и землянок выбегали жители крепости. Захлопали калитки, закричали дети и женщины, пытаясь преодолеть расстояние до лестницы-трапа, по сторонам которой были вырыты шанцы, и их уже занимали вооружённые промышленные люди.

Возле домов, защищая женщин и детей, мужчины стреляли из ружей в сторону ворот, в которые лезли колоши, тоже стреляя из луков и ружей, порой поражая убежавших и сами падали от ружейных пуль.

В церкви отец Никодим водил Ивана и Алёну с венцами на головах вокруг аналая, а хор на клиросе пел: «Возложил еси на главах венцы», когда донеслись и сюда выстрелы пушек и ружейная пальба.

Отец Никодим невольно закончил венчание, молодые сняли с голов венцы и вместе с дружками и родными выбежали на улицу, где перед их глазами предстало невиданное зрелище бегущих и орущих в панике людей.

Отец невесты Сысой Слободчиков сообразил первым о том, что происходит.

— Иван! Береги Алёну! Я в окопы! — крикнул он и бросился в сторону шанцев.

— У меня штуцер дома. А ты, Алена, беги к мужикам нашим. Я скоро.

— Нет, Ваня, я с тобой. Я одна не пойду. Только с тобой.

Дом Ивана был рядом с церковью и они поспешили туда.

Неожиданно у самого дома они столкнулись с Нанкоком.

— Нанкок? — изумлённо воскликнул Иван. — Ты чего здесь?

— Я говорил тебе, Иван, что скоро приду. Вот и пришёл. Ты мне бабу должен. Давай её мне, — проговорил быстро Нанкок и схватил Алёну за руку.

— Отойди, гад! — сразу всё поняв, крикнул Иван и замахнулся на Нанкока, но получил сильный удар сзади от одного из людей Нанкока и упал в бесчувствии.

— Ваня! Ванечка! — кричала и плакала, схваченная индейцами Алёна.

— Жив твой Ваня. Я убивать его не буду. А ты пойдёшь со мной!

— Нет! — крикнула Алёна. — Уйди, образина! Ваня-а-а!..

Алёне связывают руки, затыкают рот тряпкой и Наннок её куда-то ведёт.

Уходя, он глазами и кивком головы показывает одному из индейцев на лежащего Ивана. Тот замахивает руку с ножом, но падает, сражённый чьей-то пулей.

А, между тем, картечь и ружейные пули защитников крепости немного остудили горячую кровь, нападавших колошей, чьими телами была устлана площадь у главных ворот русского форта и они остановились в своём продвижении вперёд.

К тому же от причала из пушек по временному лагерю индейцев открыли огонь, стоявшие там суда, а от них в лодках устремились множество людей на помощь защитникам.

Да и пушки Гельбера и его матросы мало помогли Котлеану.

Видя, что быстрого и неожиданного набега и захвата крепости не получилось, Котлеан дал команду на отход к лодкам.

Наннок вместе со всеми отступающими соплеменниками торопился к берегу. Отход прикрывали колоши с ружьями и луками.

Наннок в одиночку тащил на плече связанную Алёну, когда недалеко от ворот возле горящего барака натолкнулся на отходивших матросов Гельбера.

— Кого несёшь, приятель? — спросил по-английски один из матросов.

— Жена моя будет. Хороший русский баб, — сказал Наннок, хотя ничего не понял.

Матрос, приподняв белокурую голову Алёны, глянул ей в лицо.

— О! Она прекрасна, ребята! Хороший подарок нашему капитану!

— Да и нам достанется! — согласился другой матрос.

— Мы берём у тебя эту девку, приятель, — сказал Нанкоку первый и стал снимать Алёну с плеча Нанкока.

Тот поняв, что хотят от него матросы, возмутился ухватился за девушку и стал что-то кричать, не отпуская Алёну.

Но один из матросов, приставив к телу Нанкока пистолет, выстрелил и индеец свалился на землю за-мертво.

Матросы Гельбера выбежали из крепости и направились к своим лодкам, неся на руках Алёну. Положив свою ношу в широкую байдару, люди Гельбера сели за вёсла и поплыли к стоявшему вдалеке на якоре их кораблю «Альбатросу».

Остатки индейцев-колошей, преследуемые русскими, бежали к лодкам и тут же отплывали от берега.

«Альбатрос», приняв на борт своих матросов и Алёну, снялся с якоря и стал удаляться в океан.

Часть вторая

КАЛИФОРНИЯ

Под жарким калифорнийским солнцем млеют, кажется даже стены глинобитных домов испанской миссии на океанском берегу.

Прохладнее бывает только в тени или когда с океана дует свежий ветер.

В миссии малолюдно и тихо. И в этой тишине как-то странно и необычно звучит гитара, струны которой перебирает, сидя в тени караульного домика у самых ворот крепости, испанский солдат.

На караульной вышке слушает гитарные переборы ещё один солдат. Видно, что воспоминания о далёкой родине трогают его душу и он, прислонившись к столбу, на котором висит сигнальный колокол, мечтательно глядит в сторону недалекого леса... Солдат оживает только тогда, когда видит выходящую из того леса толпу индейцев, сопровождаемую несколькими солдатами. Это

возвращаются в миссию с плантации, работающие на испанцев, местные жители.

— Антонио! — кричит с вышки солдат, играющему на гитаре сослуживцу.

Тот, не прекращая перебирать гитарные струны, поворачивает на голос с вышки голову и вопросительно смотрит на караульного.

— Антонио! — вновь кричит солдат. — Лейтенант Лопес с работы идёт. Обедать ведёт диких. Отворяй ворота!

Смолкает музыка. Антонио уносит в караулку гитару и выходит оттуда, неся в руках китель и ружьё. Всё это надевает он на себя и идёт открывать ворота, к которым уже приближается молчаливая толпа индейцев с солдатами, со стороны похожая на стадо с пастухами.

Индейцы входят в ворота крепости усталые и какие-то равнодушные. Не видно ни одного улыбающегося лица.

Первые из индейцев пошли было к одной из хижин, у которой возле котлов сидели женщины-индианки, но лейтенант Лопес, замыкавший процессию верхом на лошади, громко крикнул:

— На молитву!

Лейтенант был явно не в духе. Вся толпа, всё ещё сопровождаемая солдатами, повернула к стоящей неподалёку на небольшой площади церкви, где их ждал священник миссии падре Педро.

В тёмной сутане, перепоясанной светлым пояском, он дождался, когда все индейцы опустили перед ним на колени и, воздев руки к небу, начал читать молитву.

И опять индейцы смотрели равнодушно на всё происходящее. Ни один из них явно не знал испанского языка, на котором говорили отец Педро и для сидящих на коленях индейцев слова молитвы передавал их соплеменникам вакер — переводчик.

После недолгой молитвы по команде Лопеса и так же сопровождаемые солдатами, индейцы двинулись к одному из низеньких домов, возле которого стояли прямо на земле три больших котла. Дом оказался кухней. Индейцы выстроились в очередь перед одним из оконцев дома.

Повар-испанец, выставившись из окна, выдал каждому индейцу деревянную ложку и большую хлебную лепёшку.

Индейцы без толкотни и суеты стали садиться вокруг котлов и видно, что каждый из них знает своё место. Тот же испанец-повар в окне кухни ударил поварёшкой по дну медного таза, который он держал в руке и по этому сигналу индейцы приступили к обеду.

Сопровождавшие их солдаты сели за широкий и длинный стол под навесом у самой стены кухни. Пищу им стали подавать женщины-индеанки.

Лейтенант Лопес подошёл к столу вместе со всеми, но на своё обычное место не сел.

— Альварес, — обратился он к одному из своих подчинённых. — Смотри здесь за порядком, а я пойду к капитану Муньосу.

— Слушаюсь, господин лейтенант! — поднялся с места и вытянулся в стойке сержант.

Лопес зашагал к одному из домов возле церкви, в котором размещалась комендатура. Капитана Муньоса — начальника крепости — он нашёл в его рабочей комнате. Тот играл в шахматы со своим денщиком. Его китель висел на спинке стула.

— О! — заметив Лопеса, воскликнул капитан. — Лейтенант Лопес... Что так рано? Ведь время нашей встречи после рабочего дня. Что-нибудь случилось?

— Именно случилось, господин капитан, — мрачно ответил Лопес.

— Тогда другое дело, — сказал Муньос, сразу посерьёзнев.

Он встал из-за шахматной доски и махнул денщику рукой.

— Потом...

Денщик вышел, а капитан Муньос надел китель и произнёс:

— Так что же стряслось, лейтенант?

— Ещё один побег диких, господин капитан. С плантации убежало трое индейцев.

— Ещё трое, — нахмурился Муньос. — Это уже слишком, Лопес... Вы наказали виновных солдат?

— Если накажу, господин капитан, то останусь без солдат. Да и винить не в чем. Их не хватает, чтобы охранять всех индейцев. Мне ещё нужны солдаты.

— Так где же я их тебе возьму, Лопес? Только-только хватает на охрану крепости и работ за её стенами. Я даже не знаю, что будет, если вдруг, не дай Бог, дикие нападут на миссию. Такое случилось. Ведь ты знаешь, как они нас не любят?

— Конечно. Ещё бы не знать.

— Попробуйте искать убежавших.

— Это ничего не даст. Они убежали в горы. К тому же вокруг обитают десятки племён. Кто знает, куда дикие пошли... Надо пополнить рабочие казармы новыми индейцами. Необходимо поймать новых, господин капитан.

— Устроить охоту на индейцев?.. Ну, что же, Лопес, неплохая мысль. Я её поддерживаю. А чтобы не тратить много времени, мы нагрянем прямо в их поселение. Я знаю одно там прямо на берегу реки, у её впадения в океан.

— Да, если они всё ещё там.

— Я пошлю разведчиков, а ты, Лопес, вечером зайди сюда, ко мне и мы обсудим детали предстоящего дела.

— Слушаюсь, господин капитан, — вытянулся и козырнул, сразу повеселевший лейтенант.

После обеда толпа индейцев вновь пошла на выход из крепости через ворота, которые отворил Антонио. А, закрыв их, он опять принёс гитару, и у караульного домика вновь зазвучали переборы испанской гитары.

В океанском просторе под всеми парусами идет «Альбатрос». На мостике сам капитан Самуэль Гельбер. Он стоит рядом с рулевым матросом, зорко глядит вперёд и по сторонам, но видит только океанские волны, хотя солнце только что взошло там, где должна быть долгожданная земля. Но вот Гельбер отстраняет от штурвала рулевого.

— Позови штурмана, — приказывает Гельбер матросу.

Тот бегом соскальзывает вниз по трапу и вскоре на мостике появляется заспанный штурман.

— Привет, Гарри, — говорит Гельбер. — Где мы сейчас находимся? Сказать можешь?

— Сегодняшней ночью я делал счисления. Мы прошли сороковую широту.

— Отлично, Гарри. Значит, скоро придем в Сан-Франциско. Так?

— Так, капитан.

— Обязательно туда зайдём... Нам требуется отдых, а я давно не отдыхал по-человечески... Не так ли, Гарри?

— Точно так, капитан.

— Сделай сейчас ещё счисление, Гарри, и поверни судно на зюйд-ост. Мы должны видеть землю... А я пойду завтракать. Потом мне скажешь.

— Да, капитан, — ответил штурман.

Гельбер спускается с мостика и идёт к себе в каюту, где кок уже приготовил ему завтрак и стоит, ожидая приказаний. Гельбер наливает в кружку вина из большой тёмной бутылки и выпивает.

— Отлично, Билл, — похвалил он кока. — А теперь приведи сюда ту русскую девчонку. На... Ты знаешь где она...

И Гельбер бросил коку ключ.

— Слушаюсь, сэр, — сказал кок и пошёл на корму корабля.

Там он остановился у одной из дверей, на которой висел замок, и стал открывать его. Затем распахнул дверь и увидел, лежавшую на топчане, женщину. Услышав звуки, она поднялась и повернулась к вошедшему. Это была Алёна.

— Капитана, — коротко произнёс кок и кивком головы, повелел Алёне выйти из кладовки.

Алёна молча поправила сарафан, волосы и, даже не взглянув на кока, вышла за порог на палубу. Она пошла вдоль борта, сопровождаемая матросом и, похоже, знала дорогу.

...Гельбер сидел за столом с кружкой вина в руке, когда Алёна и кок вошли в каюту. Взмахом руки он приказал коку выйти и остался с Алёной один на один. Гельбер налил ещё в одну кружку вина.

— Выпей, Алёна, — предложил он девушке.

— Я вина сроду не пила.

— Тогда позавтракай со мной.

— Еды мне дают. Не обижаюсь — сыта.

— Что ты за человек — не пойму, — заговорил, встав из-за стола Гельбер. — Я когда-то служил в русской компании. Я нанимался со своим судном. Возил товары из Кантона в Россию. Бывал на Камчатке и в Охотске. У меня был помощником русский торговый человек. От него я узнал ваш язык и мало-мало стал говорить по-русски. И на Камчатке и в Охотске я знал русских женщин, славянок... Но ты какая-то не такая славянка. Уже много дней ты плывёшь на моём корабле, но всё также строга ко мне...

Гельбер приблизился к Алёне и, взяв её за руку, попытался обнять.

— Будь ко мне ласковее, Алёна...

Алёна отдернула руку, другой схватила со стола нож.

— Не подходи! — крикнула она. — Я с тобой не плыву! Ты меня силой везёшь!

— Ну, хорошо, — отошёл от Алёны Гельбер и вновь сел на своё место. — Я не брал тебя силой. Мои люди отбили тебя от дикарей. Разве лучше было бы тебе в шалаше какого-нибудь грязного туземца.

— Там дом рядом... И отец, и мать, и муж...

— А, может, их и в живых нет. Бой был жаркий.

— Кто-нибудь да жив, — уверенно сказала Алёна.

— Силой я мог бы тебя взять хоть сейчас, — продолжил Гельбер, — но я не хочу так. Если же ты доброй волей не пойдёшь, то отдам тебя матросам. Всю команду через тебя пропущу, а потом продам где-нибудь на островах черномазым. Белая рабыня — это для них что-то, да ещё славянка... Ну, а если добровольно, то отдам тебя в хорошую семью где-нибудь в Сан-Франциско, Сан-Диего или Сан-Пауло.

— Лучше умереть, — прошептала Алёна.

— А ты подумай что лучше. Даю тебе ещё два дня. Мы скоро будем у берегов Калифорнии. Иди и думай, Алёна... Эй, Билл! — крикнул Гельбер. — Уведи её!

Опять зашёл кок и, открыв двери каюты, пропустил впереди себя Алёну.

Они ушли, а Гельбер вновь налил себе в кружку вина.

«Альбатрос» шёл, разрезая форштевнем морские волны под всеми парусами.

В индейском поселении, в речной долине, окруженной невысокими холмами разбросано множество тростниковых хижин индейского племени, возле которых занимаются своими домашними делами женщины. Почти возле каждой из хижин горит костер.

Лишь у входа одной и самой большой хижины он погашен. Внутри же ее собрались все старейшины племени. Они сидят на земле, устланной звериными шкурами и все внимание их обращено на небольшое возвышение, где на ложе, так же устланном шкурами, лежал человек. Это был старый вождь племени макома.

Он повернул к собравшимся свое исхудавшее морщинистое лицо с глазами, полными печали.

— Вы пришли, чтобы услышать от меня... Я, ваш вождь Вайнака, ухожу к нашим богам, — говорил медленно вождь. — Скоро священная птица прилетит за мной... Я делал все, чтобы люди моего племени жили хорошо и чтобы их было больше... Но одно беспокоит меня...

Вождь замолчал и все сидевшие перед ним мужчины племени замерли в напряженном ожидании.

— Мои сыновья погибли, защищая наше племя от врагов, — продолжал Вайнака. — Теперь умираю я и у меня нет наследника... Говорю вам: как только я уйду к богам, то вы посетите священную пещеру и пусть шаман Вывак вместе с вами попросит у бога океана нового вождя. Если он не забыл нас, то поможет... Потом выберите достойного... кого укажет...

Вождь, не договорив, повернул голову и закрыл глаза.

— Пойдем, — закивали головами старейшины.

— Пойдем.

— Пойдем.

Шаман Вывак, стоявший с бубном в руках, в знак согласия склонил голову.

А над Ново-Архангельском моросил дождь. Ветер с моря катил на берег высокие волны, которые разбивались о прибрежные скалы и вееры белых брызг взлетали в хмурое небо.

Правитель Аляски и всей Русской Америки Баранов находился в своем кабинете и явно кого-то ждал. Он то склонялся над столом, где лежала какая-то карта, то подходил к окну, то поглядывал на дверь.

Наконец в коридоре послышались шаги, двери распахнулись и на пороге появился первый помощник Баранова Иван Александрович Кусков.

— Звал, Александр Андреевич? — от порога спросил он.

— Звал, голубчик, звал и очень даже жду тебя.

— Уж не случилось ли чего?

— Пока еще не случилось, но вот-вот может случиться.

— И что же? — уже с некоторым беспокойством спросил Кусков.

— Так ведь скоро зима случится, Иван Александрович.

— Эко! — Воскликнул, засмеявшись, Кусков. — Зима всякий год после осени приходит.

— Всякий, да по-разному... Не дай Бог будет бескормица. Я сей день ходил по складам и скажу тебе, что мы не так уж и богаты. Овощи ныне вымокли и не удались. Картофель тоже. Рыбы маловато, а менять у туземцев не на что. Боюсь, как бы не повторилась та зима, когда ракушками и воронами питались.

— Может, рыбы еще сумеем заготовить?

— Рыбы ныне мало. Да и соль на исходе. Но, главное, мало хлеба... Из Охотска судно ко времени не пришло и теперь вряд ли будет. Из Петербурга если и вышел корабль, то по всему земному кругу скоро ли до нас доберется... Вот я и подумал, Иван Александрович, что спасти нас может, как уже бывало, только Калифорния.

— Ну, что же, можно и туда сходить. Не в первый раз.

— Ныне этого будет мало Иван Александрович... Пришла пора основать там на калифорнийском берегу нашу новую оседлость.

— Сие нам еще камергер Резанов Николай Петрович советовал.

— Да, советовал. Но всему свой срок... Сколько у нас тут на американской земле оседлостей? Не забыл?

— Четырнадцать на сей день.

— Стало быть, в Калифорнии будет пятнадцатая. Ново-Архангельск — северная столица Русской Америки, а там в Новом Альбионе будет южная столица наших владений. Согласен ли?

— Еще бы...

— Ну тогда тебе, Иван Александрович, и свершать дело сие.

— Мне? — удивился Кусков. — Да мало ли под твоей рукой мореходов и строителей ходит, Александр Андреич.

— Не в навыках мореходных дело. Ты мой помощник уже многие годы и я видел тебя в делах наших. Да к тому же в звании ты состоишь коммерции советника и со всеми в той земле людьми имеешь право переговоры вести. Ну, а что касательно строительства крепостей и редутов, так ты мне ничего и не говори.

— А мне и сказать нечего. В твоих словах вся правда и я лишь благодарен тебе за доверие в делах наших.

— Сколько раз ты в Калифорнию хаживал?

— Пять раз ходил. В последний раз нынешней весной.

— Знаю, знаю... Помню даже, сколько ты бобровых шкур тогда привез — тысяча сто шестьдесят. Так?

— Так... Добыли мы тех бобров в заливе у Сан-Франциско, испанской миссии.

— Ты и берега тамошние начертал на карту... Вот и давай-ка над ней покумекаем. — И Баранов пригласил Кускова к большому столу, на котором лежал чертеж.

— Я мыслю так, — снова заговорил Баранов. — Пойдешь в Калифорнию на шхуне «Чириков» под коман-

дою Бенземана Христофора Мартыныча. Сей мореход надежный. Возьми с собой еще Сысоя Слободчикова да Тимофея Тараканова. Они не раз к тем берегам хаживали и дело знают. Так?

— Так, — согласился Кусков.

— Далее, — наклонился над картой Баранов. — Чтобы не дразнить испанцев, следует тебе поискать место для поселения где-нибудь вот здесь, севернее форта Сан-Франциско у залива Бодего.

Баранов ткнул пальцем в карту.

— А мы его, Александр Андреевич, залив этот, уже назвали заливом Румянцева и на одном мыске, вот тут, доску железную закопали с надписью «Земля российского владения». Я давно те места присмотрел. И реку вот эту, что выше залива в океан впадает, назвали мы рекой Славянкой. Так что течет по земле калифорнийской русская река.

— А вы не поспешили?

— Нет, Александр Андреич. Севернее Сан-Франциско и до самого, считай, устья реки Колумбии совсем нет испанских поселений и ничьих иных.

— А ты напрасно так думаешь. Не забывай, что земли те тамошних племен индейских. И тебе с ними придется дело иметь.

— А я уже имел... Приходилось.

— Ну и что они? Можно с ними договориться?

— Те туземцы от здешних колошей весьма отличны, но договориться с ними можно. Вот испанцев они не любят за жестокости их и обман. А к нам были дружелюбны.

— Да и вы уж будьте с ними поласковее. Дела с ними вершите полюбовно. Ничего у них без платы не брать, а кто сие сделает, то наказывать. Землю у них тоже надлежит купить и договор составить. Не обижать сих детей природы, а жить с ними в дружбе.

— Мы так всегда делали и впредь будем. Все согласно русским обычаям и по вере нашей православной... Обидно только, что поздно взялись за сие предприятие в Калифорнии. Жаль, что Резанов доехать до Петербурга не смог, а то бы все это побережье уже давно стало под рукой России.

— И я думал о том, Иван Александрович, и даже писал в столицу, да что поделаешь... На то не наша воля. Приказа из Петербурга не было. Боятся там скандала с Мадридом.

— Но ведь и теперь может быть скандал.

— Беру на себя сей страх и риск. Да у нас просто другого выхода нет, как договариваться с испанцами самим.

— Да, видно, в Петербурге теперь не до нас. Там ныне Европа в огне полыхает, — согласился Кусков.

— А что касательно Резанова, то и я весьма был огорчен его кончиной в Красноярске... Он бы смог даже у самого государя порадеть за нас... Да, вот, кстати, тебе будет еще одно поручение.

— Слушаю, Александр Андреич.

— Знают ли комендант форта Сан-Франциско и дочь его, кажется, Кончита, что жених ее Резанов окончил дни свои в Красноярске?

— И с отцом ее доном Аргуэльо и с братом Льюисом, который ныне вместо отца комендантом, и с ней самой я разговор имел. Но она не верит и все еще ждет своего суженого. Ходит встречать всякое судно, приходящее в гавань и даже подолгу сидит на берегу. А ведь уже пять лет минуло, как Николай Петрович уехал хлопотать разрешения на брак с нею у государя нашего.

— Я напишу письмо ее отцу. Вот и будет у тебя повод посетить испанскую миссию и переговоры начать... Ну да ладно, давай о главном... На судно возьми с собой сколь надо мастеровых людей: плотников, кузнецов и прочих, кого пожелаешь. Да инструменту поболее... Пилы, топоры, полосовое железо, гвозди.

— Я так понял, Александр Андреич, что мы там садимся надолго. Так что, выходит, мне и жену мою, Екатерину Прохоровну надобно с собой брать?

— Бери непременно. Она помогать тебе будет в твоих сношениях с туземцами, да и другие дела найдутся. Вот, хотя бы, учить детей туземных языку нашему и грамоте.

— Да и то надо думать: как же я без нее-то. Никак без супруги нельзя.

— Еще возьми с полсотни алеутов с байдарками. О главном промысле бобров забывать не след. Да и на стройке они помогут.

— Зверя там нынче мало. Испанцы бобров повыбивали. Они же и промыслу препятствия чинят.

— А ты об этом и не думай. Найдешь место для нашей оседлости и пусть люди твои лес валят и крепость строят. Ты же сам поедешь на переговоры с испанцами о закупке товаров для нас. Закупишь пшеницы, ячменя, бобов, кукурузы, сала, солонины, сушеного мяса, соли и прочего всего, на что дам тебе полную роспись и деньги. Все это погрузишь в Сан-Франциско на «Чирикова» и отправишь Бенземана сюда. Сие предприятие, всех людей и судно вручаю под твое начало, Иван Александрович.

— Сочту за честь великую сию миссию исполнить, ваше превосходительство. Не посраим земли русской.

— Иного ответа я от тебя и не ждал, Иван Александрович. Начинай. С Богом!

С борта пиратского «Альбатроса» уже виден далекий и желанный берег, но капитан Гельбер что-то хмуро посматривает в его сторону, стоя у штурвала вместе с рулевым матросом и штурманом.

— Сколько мы еще будем идти вдоль берега, капитан?! — крикнул Гельберу на мостик один из его офицеров. — Не пора ли нам пристать?

— Еще не время, Джонни! Завтра утром мы будем в Сан-Франциско! Не так ли, Гарри?

— Точно так, капитан, — кивает в знак согласия штурман. — Да и небо вон там что-то начинает хмуриться. Так что лучше держаться подальше от берега. Там камней и мелей достаточно.

— Так держать, Гарри, — приказал Гельбер. — Я буду у себя в каюте.

— Слушаюсь, сэр, — ответил штурман и встал ближе к рулевому матросу.

Гельбер спустился с мостика и пошел в свою каюту, у дверей которой стоял Билл.

— Приведи девку, — находу бросил Гельбер.

Билл бегом бросился исполнять приказание и вскоре в каюте появилась Алена.

— Ну, какой же будет твой ответ, Альена? Ты подумала? — спросил Гельбер.

— Я сказала — лучше умереть...

— Зачем же умирать, — усмехнулся Гельбер. — Такая красавица должна жить... Только какая у тебя будет жизнь... Надо...

Но договорить Гельбер не успел. В каюту ворвался Билл, рывком распахнув дверь.

— Капитан! — крикнул он. — Гарри зовет тебя на мостик! Кричит, что срочно!

Гельбер, не говоря ни слова, выскочил из каюты на палубу...

...Буря налетела внезапно. Сильный ветер трепал и рвал паруса, опасно наклоняя судно к высоко поднимающимся волнам, которые то и дело перекатывались по палубе, грозя забрать и судно и находящихся на нем людей в свои тяжелые объятия.

Скрипели снасти, гудел ветер, хлопали паруса и в этом реве морской бури еле слышны были голоса людей, что-то кричавших друг другу.

Капитан Гельбер тоже кричал, отдавая команды, а потом сам схватил топор и стал рубить главную мачту. Но было уже поздно. Высокие волны и бешеный ветер стремительно гнали «Альбатрос» к берегу, перед которым виднелись скалы.

Алена, тоже выскочившая из каюты и ухватившаяся за какой-то канат, часто крестилась и губы ее шептали молитву.

Посреди индейской священной пещеры на высоком выступе берега океана, куда вход не каждому доступен, ярко горит костер, освещая ее мрачные стены.

На земляном полу пещеры, устланном тростниковыми циновками, сидят и сосредоточенно взирают на огонь ритуального костра старейшины племени макома.

Вокруг костра то медленно, то быстро перебирая босыми ногами по циновкам, двигается шаман, что-то бормоча

и уха. Его черные волосы и лицо лоснятся от пота, а в широко открытых и почти безумных глазах, отражается пламень костра. Шаман ходит долго, размахивая руками, делая различные телодвижения и ритмично ударяет по бубну, который держит в левой руке.

Вывак ходит до тех пор, пока костер не начинает гаснуть, а в пещере не становится темно. Тогда он падает сперва на колени, а потом опрокидывается навзничь и опять продолжает что-то бормотать при этом.

Вдруг в открытый вход в пещеру врывается сильный ветер и со стороны океана слышится гул внезапно налетевшего урагана.

— Бог океана услышал нас! — воскликнул один из старейшин.

— Услышал!

— Услышал!

— Он услышал и поможет нам!

А тем временем шаман незаметно что-то бросает в костер из своей ладони. Тот мгновенно вспыхивает с новой силой. Шаман вскакивает и его пляска вокруг костра под удары бубна продолжается до тех пор, пока он в изнеможении снова не ложится и затихает у вновь потухшего костра, с тлеющими углями.

Когда буря стихла, индейцы во главе с шаманом стали выходить из пещеры. Они прошли на песчаный береговой склон и двинулись к самой воде, чтобы омыться ею, очевидно, продолжая ритуал.

Зайдя в воду, они ладонями ловили набегавшие волны и умывались, воздевая руки к небу. Но вдруг они словно застыли, то ли в испуге, то ли в изумлении: прямо на них из воды, словно из глубины океана выходила женщина.

Мокрые светлые волосы закрывали ее лицо и спадали на плечи. Вид женщины, выходящей из океанской воды, был так необычен и неожиданен, что индейцы стали потихоньку пятиться с мелководья на берег. Женщина тоже, увидев необычного вида людей, остановилась, посмотрела почему-то назад, а потом решительно двинулась к берегу. Это была Алена.

Когда она вышла из воды на песок, то все, стоявшие перед ней индейцы пали на колени и до самой земли склонили головы.

Не понимая, что происходит, Алена, сама обессилев, опустилась на песок и повалилась навзничь.

Индейцы вскочили, подбежали к Алене и что-то лопоча на своем языке, подняли ее на руки и быстро пошли, почти побежали по берегу в сторону своего селения.

В церкви Ново-Архангельска служба уже заканчивалась и прихожане стали подходить ко кресту. Среди них отец Никодим давно заметил правителя Баранова, а когда тот подошел для лобзания креста, изрек:

— Рад видеть тебя, Александр Андреич, в храме сем не только по праздникам.

— Благодарствую и спаси, Господи, тебя, отец Никодим. Пришел я не только помолиться, но и поговорить с тобой по делу весьма важному.

— Поговорим... Отчего не поговорить. Вот сейчас службу закончу, тогда и побеседуем, Александр Андреевич.

Баранов отошел в сторону и дождался, когда последний из молящихся поцеловал крест, а когда отец Никодим подошел к нему, то заговорил первым.

— Прости, отец Никодим, за тот разговор. Признаю, что был тогда неправ. Так что каюсь я, батюшка, прости.

— Господь простит, Александр Андреевич, а я на тебя зла не держу, но жалеть жалею. Уж больно служба у тебя трудна. Одно только не забывай: Господу нашему нести свой крест и страшные муки принимать было во сто крат тяжелее.

— Я понимаю, батюшка. Потому и службу несую, не жалуясь. Ради ее, службы нашей, пришел я и теперь к тебе, отец Никодим.

— Ну что же... Давай присядем да и поговорим, Александр Андреевич, коли так. — И отец Никодим показал Баранову на лавку у стены храма под иконами. — Слушаю тебя.

— Надумал я, отче, послать в южные широты, в Калифорнию судно. Но с миссией необычной... Чтобы основать

там оседлость нашу и оттуда снабжать Ново-Архангельск всем нам необходимым продуктовым товаром: зерном, мясом, маслом, овощами.

— Разговоры идут о сем не первый год и, слава Богу, что, наконец-то, решено сие делать, — сказал батюшка.

— Благослови на сие предприятие, отец Никодим.

— На богоугодное дело благословение Божие даю, Александр Андреич.

— Но это еще не все, отче.

— Что же еще?

— Поскольку плавание не рядовое, а ради строительства там нашей крепости, то в первую очередь надобно будет построить в ней храм православный. Дабы крестить в нашу веру тамошних людей и своих окормлять и укреплять в вере. Ибо уж больно далеко от матушки — России наши люди будут.

— Что верно, то верно. Знаю, что в испанских миссиях храмы католические есть. И почему бы в той земле не быть храму православному.

— Вот я и пришел просить тебя, отец Никодим, отправиться в Калифорнию с Иваном Александровичем Кусковым. Его я назначил старшим в сей экспедиции. Ну, а тебе нести туда слово Божие.

— Мне? — удивился отец Никодим.

— Именно. Ежели в том краю подвизаются католики при каждой миссии, то почему бы и православному батюшке не нести свет веры православной. Правда, нелегко сие будет.

— Правда твоя, Александр Андреич. Сказать тут боле нечего. А ради Отечества и веры православной тяготы нести сочту за благо. Только вот кто здесь меня заменит?

— А я уже послал сказать с партией наших людей на остров Кадьяк тамошнему отцу Евлогию, чтобы вместо тебя прислал нового батюшку.

— Тогда пиши в свой реестр меня вместе с матушкой и дьяконом Василием.

— Благодарствую, батюшка, — поднялся с лавки Баранов и сложил руки под благословение. — Благослови, отец Никодим.

— Господь благословит, — перекрестив Баранова, произнес отец Никодим и они трижды облобызались.

Сысой Слободчиков зашел в рудоплавильный сарай, где у ярко горящего горна среди мастеровых людей увидел он Ивана Лихачева. У мехов стоял еще один мастеровой, нагнетая воздух в горн, где находилась большая чугунная миса, наполненная какой-то уже раскаленной породой. Сысой отозвал Ивана в сторону.

— Ну, зятек, собирайся.

— Куда, батя? — удивился Иван. — У меня сейчас дел полно. Недосуг мне.

— А я не про сейчас и говорю... Кусков собирает людей для нового похода в Калифорнию...

— А мне-то зачем, туда, батя? Работы у меня и тут полно. Вон, смотри, сколь новых проб приволокли. Даже, кажись, медь нашли. Скоро опять пойдем.

— Ты меня дослушай... Поход на сей раз необычен. Идем в новый Альбион, дабы основать там нашу новую оседлость. Горы и там есть. Дела тебе, рудознатцу, хватит.

— Тогда другое дело, — оживился Иван. — А, может, и Алену найдем?

— Может и найдем... Я эту сволочь Гельбера по всему океану искать буду, но найду. Найду и покараю... Ну, так что, писать тебя в команду?

— Пиши, батя. Я готов с тобой в любой день.

Алена лежала на подстилке из звериных шкур в большом шалаше. Ей было тепло и уютно после пережитого в океане. Она лишь приоткрыла глаза, когда в шалаш вошла женщина с плетеной чашей в руках. Видно, она принесла еду.

Лицо женщины не было похожим на лица тех людей, которые принесли Алену сюда. Оно было несколько бледнее, с чуть раскосыми глазами.

— Где я? — спросила Алена женщину, когда та поставила чашу с едой у изголовья.

— О, заговорила! — довольно сказала женщина и села рядом с Аленой на корточки.

— Ты глаголешь по-нашему? Откуда нашу речь знаешь?

— Я сразу догадалась, что ты русская. Вот откуда только — не знаю.

— С острова Ситхи.

— А я с Кадьяка. Отец мой из русских, зверолов, а мать алеутка.

— А как тут очутилась?

— Взяли меня на Кадьяке морские разбойники. Похитили обманом, а тут продали испанцам, да я сбежала... Давно то было...

— Так где же я? — повторила свой вопрос Алена.

— Ты у здешних индейцев племени макома. Они добрые люди и ты ничего не бойся. Они и меня приютили. За свою считают. А про тебя говорят, что ты из моря к ним вышла. Так?

— Меня тоже пираты на Ситхе взяли и тоже продать хотели, да буря налетела внезапно, корабль разбило, а меня на какой-то доске к прибрежным камням принесло... Но почему они, индейцы, когда я на берег к ним вышла, вдруг предо мной на землю пали?

— Недавно умер вождь племени. Вот перед выбором нового старейшины и пошли молиться своему морскому богу в священную пещеру на берегу. А после моления и увидели тебя, когда ты из моря выходила. Ты для них, говорят, послана богом. Вот и пали на колени. И принесли тебя в хижину вождя. Видишь — ружье его и лук со стрелами.

— А теперь что будет?

— Ничего плохого. Вот поправишься и придут к тебе старейшины и будут говорить с тобой. А о чем — мне неизвестно.

— Но я не больна.

— Все равно тебе надо набраться сил. Мне велено тебя кормить, поить и выхаживать. Звать-то тебя как?

— Алена.

— А меня Манефой крестили на Кадьяке. Здесь же кличут Шака.

— Но ведь я тоже с той стороны пришла, что и ты.

— Им сие неведомо. Для них ты явилась после долгих молитв богу океана.

— Но ведь я — русская, славянка. Я — белая.

— Да, ты белая. ...Старики-индейцы говорят, что когда-то давно тут на берегу реки появились однажды белые люди. Откуда они пришли — никто не знает. Может их судно разбило в бурю. ... Долго ли они тут жили, мне неведомо, только оставили по себе у этого племени добрую память. Потом пришельцы куда-то делись. Индейцы же макома с той поры почитают белых людей почти что за богов, а место, где они жили, зовется издавна Долиной Белых Людей... Так, может, и они тоже были русскими, славянами.

Женщина встала и пошла к выходу.

— А ты поешь, однако, Алена. Отдыхай и ничего не бойся... Пойду воды согрею и опять к тебе приду.

— Погоди... А ты никогда не пыталась отсюда уйти? — спросила Алена.

— Куда же? Опять к испанцам?

— Нет... Домой, на Кадьяк. Говорят, что в здешние порты побережья многие суда заходят и бывают те, что в нашу сторону идут...

— Нет, не пыталась. Мне и здесь хорошо... А ты, ужель, обратно домой собралась?

— Я только об этом и думаю.

На главной мачте шхуны «Чириков» ветер колышет флаг Российско-Американской компании. Почти все готово к отплытию. Судно с причалом Ново-Архангельска связывали лишь два швартовых каната, да пока еще неубранный трап, у которого стояли, прощаясь, Баранов и Кусков.

— Уж и не знаю, свидемся ли мы, Иван Александрович, еще когда-нибудь, — говорил Баранов, — но не хотелось бы мне прощаться с тобой навсегда.

— Все в руках Божиих, Александр Адреевич. Но я думаю, что еще свидимся.

— Дай-то Бог... Но как там ни будет, а за службу тебе благодарствую. Верю, что ты и там в Калифорнии достойно послужишь Отечеству.

— Служить на пользу Отечеству — есть ли выше награда, Александр Андреевич. Что для тебя, что для меня. Тем и живем, тому и рады бываем. Иной жизни для себя и не мыслю.

— Спаси тебя, Господи, Иван Александрович... Не забудь только обратно «Чирикова», закупив продукты, послать. Или, может, какая оказия будет. В Сан-Франциско многие суда заходят, вдруг какое и в наши края направится...

— Я ничего не забыл, Ваше превосходительство, Александр Андреевич.

— Да будет... Какое я тебе превосходительство... Прощай, брат мой, Иван Александрович. С Богом... Храни всех вас Господь... А мы тут ждать будем вестей и молиться за вас.

Баранов с Кусковым обнялись и трижды облобызались.

Кусков легко вбежал по трапу на борт судна. Трап тут же убрали матросы, а капитан Бенземан дал команду убрать и швартовы и поднять паруса. Команду исполнили быстро и вскоре «Чириков» отошел от причала, а свежий ветер наполнил паруса всех его трех мачт.

И на борту шхуны и на берегу люди махали друг другу руками, платками, шапками.

Баранов снял с головы картуз и махал им вслед уходящему кораблю. Глаза его были влажными от слез.

Индийское поселение на пологом берегу реки. Чуть подалее от берега невысокие холмы, покрытые зелёной травой, кустарником и небольшими рошицами.

К одному из холмов приближается отряд испанских всадников во главе с капитаном Муньосом. У каждого всадника к седлу приторочена верёвка-лассо.

У подножья холма отряд спешивается, а капитан Муньос и лейтенант Лопес поднимаются к его вершине и, скрывшись в траве, начинают наблюдать через подзорную трубу за индийским селением.

Они видят множество тростниковых хижин, возле которых горят костры, где женщины-индеанки готовят

пищу. Ловлей рыбы в реке заняты мужчины, а малые ребятишки играют и наблюдают за работой взрослых: обычный мирный день индейского племени.

— Лейтенант, — говорит Муньос, — ты берёшь часть людей и атакуешь слева по берегу. Выйдешь вон за тем холмом. А я со своими людьми встану вон там в ложбине. Думаю, что испугавшись тебя, дикари бросятся бежать именно туда. А мы их там и встретим. Ты согласен?

— Согласен, капитан.

— Тогда приступим к делу, лейтенант Лопес.

Офицеры спустились с холма, сели на коней и испанские солдаты, разделившись на две части, поехали в разные стороны.

Алена лежала в своей хижине, когда услышала возбужденные голоса, а затем и крики обитателей индейского поселения. Она встала и, откинув тростниковый полог, закрывающий вход в хижину, выглянула наружу.

Алена увидела бегающих меж своих хижин-домов индейцев. А со стороны дальнего холма, который находился почти у самого берега реки, вскачь неслись какие-то всадники, размахивая сверкающими на солнце саблями. Иные крутили над головой арканы.

Алена сразу догадалась, что это были испанские солдаты. Она схватила ружье и выскочила из хижины. Немногие из мужчин племени, находившиеся в это время в своих хижинах, тоже выскочили с луками и стали, защищаясь, пускать стрелы в солдат. Те же, кто не был вооружен или находился далеко от деревни, побежали вдоль берега реки.

Алена увидела, как один из всадников рубанул индейца-лучника и замахнулся на другого, но опустить саблю на его голову не успел. Алена выстрелила навскидку и всадник свалился с лошади.

Перезаряжать ружье Алене было некогда да и нечем. Она кинулась обратно в хижину и, выскочив оттуда с луком и стрелами в руках, вновь увидела как метались люди, а солдаты на лошадях гонялись за мужчинами племени. В воздухе то и дело мелькали арканы, повергая

на землю очередную жертву. Недавняя тишина будто взорвалась от топота конских ног, от криков солдат и плача детей.

Своими стрелами Алена уложила еще двоих испанских всадников. Остальные, подхватив на седла павших товарищей и связанных индейцев, помчались дальше, чтобы продолжить свою дикую охоту.

Алена огляделась и за своей спиной увидела многих стариков и женщин с детьми, которых она так неожиданно для себя сейчас защитила.

Отряд испанцев возвращался в свою крепость после набега на индейское поселение.

Молча и понуро шли пленники-индейцы, связанные одной веревкой и в окружении всадников.

Лейтенант Лопес, ехавший с капитаном Муньосом впереди отряда, явно был доволен сегодняшним походом.

— Хорошо сходили, господин капитан, — сказал Лопес, оглядев солдат и пленников позади себя.

— Улов хорош, не скрою... Но слишком дорогой ценой он достался нам, лейтенант. Мы потеряли троих наших солдат.

— И все это сделала какая-то белая женщина! — воскликнул Лопес. — Откуда она там взялась!?

— Может быть тебе это показалось, лейтенант?

— Нет! Это видели все мои люди. На ней было платье и ... белые-белые волосы по плечам. Такого нельзя придумать... А, может быть, возвратиться, господин капитан? И я приведу ее в крепость!

— Не смейте и думать об этом, лейтенант. Я не хочу терять людей ради какой-то девки. Пусть даже и белой среди черномазых. А узнаем о ней через индейцев. Придет срок и она будет наша, как наше все это, — развел широко руками Муньос.

Впереди показались крепостные строения. Отряд невольно прибавил шагу.

Пленники-индейцы уже почти бежали, окруженные всадниками.

Индейцы, собравшиеся вокруг Алены после набега испанцев, что-то говорили ей на своем языке, но Алена ничего понять не могла, пока к ней не подошла Манефа.

— Они просят тебя спасти их и защитить.

— Как это я могу сделать?

— А это уже тебе решать. Старейшины все скажут.

И тут из толпы индейцев вышел шаман. Он поднял вверх руку и этим жестом прекратил гомон соплеменников. Потом обратился к Алене.

— Старейшины ждут тебя в хижине вождя, — и показал рукой на вход.

Алена и не заметила, что в хижину, где она недавно лежала, зашли старейшины племени и сели напротив чуть возвышающегося ложа, куда пригласил шаман присесть Алену.

— Люди племени макома, — заговорил шаман в полной тишине, — хотят, чтобы ты, белая женщина, стала их вождем.

— Да, да, да, — закивали головами старики.

Манефа, стоя рядом, переводила разговор.

— Я женщина, — сказала Алена. — Разве может женщина быть вождем племени? Разве нет у вас достойных мужчин?

— Ты послана нам богом моря... Мы молили его дать нам вождя. Мужчин осталось у нас мало, а из тех, кто есть, мы пока не можем выбирать. Ты же храбро дралась с нашими врагами-испанцами и повергла на землю троих врагов. Мы это видели и приветствуем тебя. Ты сможешь защитить нас. И потому мы просим тебя: будь нашим вождем.

Алена думала недолго. Она обвела взглядом сидевших перед нею индейцев, на стоявшую рядом Шаку-Манефу, которая всем своим видом, а особенно глазами просила Алену дать согласие и та наклонила голову.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна. Я буду с вами пока бог моря не позовет меня... Но защищать людей макома должны все мужчины.

— Да, да, да, — опять закивали головами старейшины.

— И вы тоже будете помогать мне.

— Да, да, да...

Шаман Вывак снял висевшие на стене хижины бусы из речных раковин и надел их на шею Алене, а затем на ее голову надел и головную повязку, изукрашенную птичьими перьями. Двое из старейшин накинули на плечи Алены накидку из пестрых же птичьих перьев.

— Отныне ты наш вождь! У нас есть вождь! — сказал шаман старейшинам и повернулся к Алене. — А как звали тебя в прошлой жизни?

— Алена.

— Теперь ты будешь Шаста. Так звали долину реки белые люди, жившие там во времена наших предков.

— Так, так, так, — сказали старейшины и склонили головы.

— Скажи, вождь Шаста, — неожиданно изрек один из них. — Что нам сейчас делать?

— Испанцы могут вернуться, — немного подумав, заговорила Алена. — А посему нам надо увести людей макома в безопасное место... Именно сейчас. Но куда? Вы лучше меня знаете. Может быть за реку?

— Нет, — сказал шаман. — Туда нельзя. На том берегу земля чолбонов, наших врагов.

— Тогда перекочуем в ту самую Долину Белых Людей. Далеко ли она?

— Там, — показали старейшины. — По берегу реки выше, полдня пути.

— Вот и пойдем туда немедленно, — вставая, сказала Алена. — Только не берегом, а лесом, чтобы следов меньше оставить...

Выйдя из хижины, Алена и старейшины оказались опять окруженными индейцами племени.

Но вдруг раздался звук барабана: это шаман подал знак соплеменникам. И тотчас же наступила тишина и все индейцы опустили на землю там, где застал их звук барабана.

Шаман поднял руку и заговорил.

— Что он говорит? — спросила Алена Манефу.

— Он говорит, что боги дали им нового вождя и что этот вождь — ты. Что зовут тебя Шаста и ты будешь заботиться о людях макома и защищать их.

Закончив речь, шаман вновь ударил в бубен и все индейцы от мала до велика легли вдруг на землю перед Аленой лицами вниз.

— Вождь Шаста, — заключил шаман, — повелевает всем собираться для перехода на другое место, в Долину Белых Людей.

Индейцы встали с земли и заторопились к своим хижинам-шалашам, а несколько мужчин подвели к Алене красивого гнедого коня под седлом. Конь был, очевидно, только что пойман.

Алена подошла к лошади, похлопала рукой по ее гладкой и лоснящейся шее и, вставив ногу в стремя, легко села в седло, будто это делала всегда. Алена огляделась и с этой, пусть и небольшой высоты, увидела происходящее немножечко по-другому.

— Таких коней должен иметь каждый воин племени макома, — громко сказала Алена.

Манефа перевела ее слова и мужчины со старейшинами согласно закивали головами.

Шхуна «Чириков» шла под парусами мимо видневшихся вдали американских берегов. Часть пассажиров шхуны, среди которых Кусков, Слободчиков, Тараканов, да Иван Лихачев с приятелем и помощником своим Федором Корюкиным сидели на баке судна и неспешно вели разговор.

— Узнаю знакомые берега острова Ванкувера, — сказал Кусков, всматриваясь в очертания далекой земли. — Где-то тут и устье реки Колумбии. Ты, Сысой Иваныч, здесь по всему побережью доски железные закапывал, столбил землю российского владения.

— Было дело, — ответил Слободчиков. — Да что с того? Надо было не доски, а оседлости ставить, городки наши русские... Так ведь и указу из Петербурга не было. Боялись там, видно, отношения с Европой порушить... А зря...

— Да, долго мы, братцы, раскачиваемся, — подал голос Тараканов. — Еще при Петре Великом надо было сюда на юг американской земли спускаться. Тогда бы все побережье сие до самой Калифорнии наше было.

— И Калифорния была бы наша. Да что там Калифорния! — воскликнул Слободчиков. — Мы могли еще южнее до самой тридцатой широты тутошную землю застолбить и с туземцами договориться.

— Ну, что касательно туземцев, то Тимофей Осипыч лучше всех нас знает, — сказал Кусков и кивнул в сторону Тараканова. — Рассказал бы вот молодым о своих злоключениях в сих местах... Интересно и поучительно им будет.

— Да разве им неведомо?

— Нет, — сказал Федор, сидевший рядом с Таракановым. — Ничего неведомо.

— Да и какой тут интерес, — заотнекивался было Тараканов. — Скоро уже пять годков тому будет, как пошли мы также вот в Калифорнию места разведывать, да промышлять в заливе у Сан-Франциско на Фелонских камнях морских бобров. Шли мы на «Святом Николае», той самой шхуне, что купил, вот Сысой, у американцев и ходил на ней на Гавайские острова.

— Было дело, — кивнул Сысой, — хаживали и туда.

— Ну вот, а тут у острова Ванкувера попали мы в шторм. Шхуну разбило о камни и на берег выбросило.. Еле живы остались... Собрал я людей и двинулись мы по берегу на полдень. Знал, что там должна быть гавань Гаврде-Грей. Туда все корабли заходят. Да не повезло нам... У самой, считай, крепости напоролась мы на индейцев, а у нас и оружия нет... Так вот и попали в плен к ним.

— А потом?

— А потом от индейцев сбежали, но нас опять поймали... Потом я бежал уже один. Добрался все-таки до гавани и там встретил американского капитана и моего старинного знакомца Ричарда Брауна. Он со своими людьми и вызволил всех остальных... Правда, не всех... Несколько ребят так и остались лежать в земле вон на том берегу.

— А тутошные дикие отличаются от наших? — опять спросил Федор.

— Еще как! Они же цветом темны. У них кожа черна, что твое голенище. И одеты во все, в чем мать родила.

— Голые?

— Я и говорю.

— И бабы ихние тоже?

— Ну да, а как же. Только маленькая повязка вот тут, — показывает Тараканов на пояс. — Что-то вроде небольшого фартука. Чтобы, это...ну ты понимаешь... А ты, Федор, сам-то женат?

— Нет еще.

— Ну, так считай, что тебе повезло. Мы там тебе и бабу найдем... Среди туземок очень даже ладные есть. Будто точеные... Эх...

— Оно конечно без сарафана дак.

Кусков, зная, о чем сейчас будут говорить мужики, отошел от них и направился к люку кают-компания. Затем спустился по крутому трапу и отворил двери.

В кают-компания сидела за столом и что-то писала гусиным пером на листе бумаги его супруга Екатерина Прохоровна. Напротив ее в кресле сидел отец Никодим, а рядом с ним матушка Вера с книгою в руках.

— Вот размышляем с отцом Никодимом и матушкой Верой, — заговорила Екатерина Прохоровна, увидев в дверях мужа, — о том, как будем с местными калифорнийцами разговоры вести.

— Трудность в общении в том состоять будет, что там великое множество туземных племен пребывает. Только на побережьи у залива Бодеги, куда мы ныне идем, их более десятка. И каждое племя говорит на своем наречии.

— А как же словник составлять будем?

— Те места давно оседлали испанцы и во многих племенах есть свои вакеры — переводчики. С ними в первую очередь и будем общаться. Да и у меня среди тамошних туземцев свои знакомцы имеются.

— Давно я тебя, Иван Александрович, спросить хочу вот о чем, — вступил в разговор отец Никодим. — Не

обратиться ли мне будет к тамошнему священнику. Ведь они давно крестят здешний народ.

— Не думаю, что это понадобится, отец Никодим. Испанские священники — сплошь иезуиты. Они обращают индейцев в свою веру силой. Я бывал в Сан-Франциско и знаю, что они и службу ведут на своем испанском языке.

— Они не знают языка индейцев? — удивился отец Никодим. — Но как же те поймут слово Божие?

— Никак, конечно. Но испанцам сие и не надобно. Для них местные туземцы что-то вроде зверей диких, коих необходимо отстреливать. Они и убивают их за малейшее неповиновение. В этом их главное отличие от нас: мы за умножение здешнего народа, а они за истребление...

— А как же тогда заповеди Божии, кои зиждутся на любви к Богу и на любви к ближнему? Ведь сказано: кто ближнего своего не любит, тот и Бога не любит.

— Видно испанцы не считают здешний народ за своих ближних. Но есть, конечно, и среди индейцев союзные испанцам. Они, испанцы, стравливают племена меж собой и тем истребляют индейцев их же руками.

— А как же мы с ними жить-то будем? — сказала Екатерина Прохоровна.

— Мы с ними жить не будем. Мы идем в сей край послужить с пользой компании нашей и с пользою же для местных коренных американцев. А все дела наши будут освещены истинной верой нашей православной. Так ведь, отец Никодим?

— Только так, Иван Александрович. Господь милостив и он нас не оставит, если все будем делать с любовью.

— Именно с любовью! — воскликнула вдруг матушка Вера. — Надо же такому случиться, что вот сейчас я читаю послание апостола Павла коринфянам... Вот... Слушайте: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто... Любовь

никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится»... Нам надобно всегда о том помнить.

— Иначе и быть не может, матушка Вера. Ведь мы люди православные.

Вороной конь широко скакал по гладкой безлесной равнине мимо невысоких холмов. Алена, сидевшая в седле, была явно довольна этой скачкой. Глаза ее азартно блестели, а белые волосы развевались на свежем, бьющем в лицо ветру.

Вот она повернула коня к подножью одного из холмов и конь, почти не напрягаясь, вынес ее на вершину.

Алена заворожено смотрела на открывшуюся перед ней красоту: на ряд холмов, поросших высокой травой и редким кустарником, на спокойную внизу реку, текущую меж пологих берегов, на недалний лес, возле которого было устроено поселение племени макома.

Постояв еще немного и налюбовавшись открывшимися перед ней видами, Алена спустилась с холма и уже спокойно направила коня обратно в сторону поселения.

Манефа сидела возле нового жилища, сделанного из прутьев и тростника. Она вскочила на ноги только тогда, когда увидела скачущую на коне Алену.

А та, подъехав, легко спрыгнула с коня и бросила повод подскочившему мальчику-индейцу

— Держи, Вук, — сказала Алена. — Да своди его на водопой.

Маленький индеец радостно и благородно глянул сперва на Манефу, а потом на Алену. Взяв повод он подошел к Алене и та помогла ему забраться в седло.

— А ты, — обернулась она к Манефе, — собери, сей же час ко мне старейшин. Совет держать с ними буду.

И Алена скрылась за пологом своей хижины.

Старейшины сидели в хижине, как обычно, на земле, усталенной звериными шкурами. Все внимали голосу Алены.

— Я собрала вас, чтобы вместе решить, как жить дальше.

— Так, так, так, — закивали головами старейшины.

— В племени макома мало мужчин. А без них жить трудно... Некому ловить рыбу, некому охотиться, некому защищать от врагов детей и женщин.

— Многие мужчины нашего племени похищены испанцами и живут в их крепости, — сказал один из старейшин.

— Они работают на плантациях испанцев и никогда не вернуться сюда, — заговорил другой.

— Тогда мы сами должны вернуть их, — твердо сказала Алена.

— Но как это сделать?

— У испанцев ружья и пушки.

— У их крепости высокие стены, — заговорили старейшины.

— Но нам не нужна крепость, — вновь твердо произнесла Алена. — Нам нужны наши мужчины. Разве испанцы не выводят их из крепости на работу?

— Выводят. Каждое утро. Потом их приводят на обед. Потом опять работают до вечера. Так говорят те, кто там работал.

— Вот по дороге бы их у испанцев и отбить, — предложила Алена.

— Но их охраняют солдаты с ружьями.

— Много?

— Немного. И с ними всегда офицер на лошади.

— Мы нападём внезапно, неожиданно. В этом будет наша сила против их ружей.

— Но потом они придут и отомстят нам за своих убитых товарищей.

— А мы их убивать не будем. Никого. Мы их свяжем, заберем у них ружья и наших мужчин.

— А других? Там не только наши.

— А другие пусть идут на все четыре стороны. Они будут свободны. Согласны ли вы?

— Согласны, — сказали старейшины.

— Тогда мне нужны десять воинов, — Алена растопырила пальцы обеих рук, — из тех, что есть у нас ныне. И мы сегодня же выйдем в путь. Да позовите мне тех, кто там в крепости работал. Так?

— Так!

— Так!

— Так! — согласно закивали головами старики.

Мартовским теплым утром шхуна «Чириков» вошла в залив Бодега и ее якорь шумно плюхнулся с борта в воду.

Иван Кусков поднялся на капитанский мостик к Бенземану.

— Ну, что ж, Христофор Мартынович, с Божьей помощью пришли.

— Пришли, Иван Александрович. Слава Богу. Далее твоя забота — что делать и как быть.

— Сделаем, как Бог даст. Не впервой сюда пришли. А что неведомо, то учиться будем и узнавать на ходу... Сей же час, Христофор Мартынович, собери на палубе своих людей, я своих позову. Имею сказать слово перед тем, как людям нашим ступить ногою на землю сию.

— Будет сделано, Иван Александрович.

— Вот и ладно, вот и добро.

...Вскоре на палубе собралась вся команда «Чирикова» и все промышленные люди Кускова. Иван Александрович, стоя под капитанским мостиком, оглядел всех и начал свое слово.

— Братцы мои! Вот и пришли мы с Божьей помощью вновь к сим калифорнийским берегам. Но на сей раз пришли сюда надолго, дабы укрепиться на этой земле и устроить крепостцу во благо компании нашей и Отечества... В инструкции, данной мне правителем нашим, коллежским советником и кавалером Александром Андреевичем Барановым, где предписано основать здесь нашу русскую оседлость есть и слова, кои касаются и каждого из вас. Они об обращении нашем с тутоземными жителями. — Кусков развернул бумажный лист. — Слушайте:

«...Но строго воспретить и взыскивать малейшие противу тутоземных обитателей дерзости и обиды, а стараться всячески, как вам самим, так и всем подчиненным снискать дружбу и любовь и не страхом преимущества в огнестрельных орудиях состоящего, какого не имеют народы, но разными благословенными от человеколюбия производимыми приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками... Воспретя, однако же, строго ни малейшей бездельной никому даром не брать от них вещи, даже из кормовых припасов ни куска, а платить за все потоплику, какие им приятны будут товарами и безделушками...» Братцы! Скоро мы сойдем на берег. У всех будет оружие, но не стреляйте ни птицы, ни зверя. Стрелять можно только тогда, когда жизни вашей угрожает опасность. Так будет, пока не начнем строить крепость... Об остальном скажут на берегу начальники ваши... О том, куда идти и что делать. А теперь помолимся, православные.

Кусков кивнул отцу Никодиму и тот, поставив посреди палубы походный аналой и возложив на него Евангелие с крестом, начал читать молитву.

— Благословен Бог наш — произнес он первые слова.

По одному ему известной тропинке идет по лесу индеец-дозорщик. Сзади осторожно ступая, следуют остальные, среди которых Алена и Манефа-Шака.

Вот дозорщик остановился, прислушиваясь, потом махнул рукой и все вновь продолжили движение.

Выйдя из леса на открытое место, поросшее невысоким кустарником, передвигаться стали, пригибаясь к земле и, наконец, вышли к дороге, что вела от плантации к испанской крепости.

Дозорщик убежал вперед, а все остальные спрятались в кустах вдоль дороги.

Вскоре разведчик прибежал и жестами показал, что индейцы под охраной солдат возвращаются с плантации...

...Как всегда молча, толпа индейцев шла по пыльной дороге. Впереди ее шагали два солдата с ружьями, поза-

ди толпы тоже шли двое вооруженных солдат. Замыкал шествие лейтенант Лопес, восседая на лошади. Было тихо. И только шуршание песка под ногами людей, да топот конских копыт нарушали эту тишину.

Внезапно раздался чей-то громкий возглас. Из кустов, росших вдоль дороги выскочили с громкими криками индейцы. Они повалили на землю солдат, стащили с лошади офицера, отобрали у всех оружие и, связав сзади руки, поставили в ряд вдоль дороги. Из индейцев остались только люди макома. Остальные разбежались.

К Алене подошел один из ее воинов.

— Их надо убить, — сказал он, показывая на пленных испанцев.

— Нет. Отпустим их с миром. Пусть идут к себе домой и всем скажут, что макома — мирные люди. И, что макома — вольные люди. Если же испанцам нужны работники, то пусть приходят и берут к себе тех, кто пойдет к ним доброй волей. Если же и впредь будут наших людей брать силой, то и мы ответим тем же.

Когда вакер-переводчик с Шакой пересказали испанцам слова Алены, лейтенант Лопес невольно воскликнул:

— Кто ты, женщина?!

— Вождь племени макома, а зовут Шаста.

К Алене подвели трофейного коня. Она легко забросила свое тело в седло и поехала прочь от дороги. За нею поспешили ее воины.

— Что значит Шаста? — спросил Лопес вакера, начиная заново путь по дороге в крепость.

— Река, где живут макома, зовется Славянкой, — начал тот.

— Это я знаю, — раздраженно перебил Лопес.

— А Шаста — так зовется гора там у них, далеко отсюда. По-славянски, по-русски означает Счастье... Гора Счастья.

— Значит и эта женщина — предводительница макома тоже из русских...Славянка.

— Так, сеньор лейтенант. Славянка. Я понял это по ее речи.

— И откуда она тут взялась?

Шлюпки ткнулись носами в мель у берега. Из них выскочили люди, еще недавно находившиеся на палубе шхуны «Чириков» во главе с Иваном Кусковым.

Он первым стал подниматься на высокий берег бухты. За ним потянулись и все остальные, среди которых Иван Лихачев и Федор.

Поднявшись на самый верх откоса, обернулись и, увидев океанский простор, спокойную бухту внизу, долго молчали.

— Красота, — сказал, наконец, стоявший рядом с Кусковым Слободчиков.

— А бухточка тихая. Никакой шторм не страшен, — добавил Тараканов.

— Нам в первую голову не о том думать надобно, — произнес Кусков.

— О чем же?

— О самом подходящем для оседлости месте.

— Так и мы о том.

— Тут берег больно полог. Надо бы покруче.

— Для чего?

— А чтобы с моря крепость наша неприступна была для всякого неприятеля... Но, главное, гляньте — леса тут близко и в помине нет. Нам же понадобятся сотни дерев...

— Да, тут до леса не одна верста, — согласился Слободчиков.

— А еще, други мои, — продолжал Кусков. — Место сие близко от испанцев. Они же не особо согласны на наше соседство.

— Здесь же земли ничейные.

— Испанцы так не считают. И уже жаловались в свой Мадрид на нас, а оттуда в Петербург бумага пошла.

— Пусть жалуются. Пока бумаги ходят — мы крепость возведем.

— Со здешними испанцами попробуем договориться полюбовно, — сказал Кусков.

— Не в первый, чай, раз говорить с ними будешь, Иван Александрович?

— Посему и надежда есть. Начнем о выгоде торговли с нами, а там и все остальное уладим... Но все сие в будущем, Сысой Иваныч. А теперь надо место для оседлости нашей найти.

— И куда же пойдем искать?

— Сделаем так, други мои, — немного подумав, вновь заговорил Кусков. — Ты, Тимофей Осипыч, со своими ребятами-алеутами пройдишь и проплыви вдоль берега сего залива подалее на предмет добычи бобров тутошних. Разведай — где они обитают.

— Будет сделано, Иван Александрович, — кивнул Тараканов.

— На обратном пути наберите в бочонки пресной воды где-нибудь в ручье, тут их много, и к вечеру возвращайтесь на шхуну. Нас не ждите.

— А вы?

— А мы все пойдем на байдарах вдоль берега на норд, покуда погода позволит. Морем ли, сушей ли доберемся до устья реки Славянки. Там у меня приятель обитает — один из тамошних вождей. Поговорить с ним надобно. Добро?

— Добро, — сказал Тараканов.

— Добро, — повторил Слободчиков.

— Ну, тогда за дело, братцы, — заключил Кусков и первым пошёл с берега к воде.

По пути Иван Лихачёв насобирав камней и, остановившись, стал рассматривать их и разбивать небольшим молотком. Кусков это заметил.

— Понимаю твоё нетерпение, Иван. Вот обоснуемся, и отпущу тебя в горы. Чую я, что тут много добра всякого.

— Поскорей бы.

Капитан Муньос играл в шахматы со своим денщиком и был в хорошем расположении духа.

— Ты сам-то откуда, Родриго?

— Так откуда же и вы, сеньор капитан.

— Разве? Я из Кастилии.

— А-а-а, — догадался Родриго. — А я из Валенсии.

— Что там у вас едят по праздникам?

— Поэлью, сеньор капитан.

— Что это такое? Ну-ка, расскажи.

— На сковородку кладут отварной рис, куски цыплёнка, свинины. Потом заправляют всё чесноком, луком, травами, поливают маслом жарят. Вот и всё. Просто, но очень вкусно.

— А у нас в Кастилии, Родриго, на праздник готовят пучеро. Знаешь такое блюдо?

— Нет, сеньор капитан.

— Это наперчённое мясо в горшочках, Родриго. А там ещё горох, картофель, сало... И вот стоит перед тобой этот самый горшочек, источающий невообразимый аромат, а рядом с ним бутылочка хереса или малаги. И нет лучших в жизни минут... Так ведь, Родриго?!

— Так, сеньор капитан.

— А какой сегодня день?

— Не знаю, сеньор.

— День святого Иосифа, Родриго. Как только сейчас доиграем, то пойдёшь и приведёшь ко мне старшего повара. Понял?

— Понял, сеньор капитан...

Но разговор их прервал один из офицеров, распахнувший двери в кабинет коменданта, даже не постучавшись.

— Сеньор капитан! Лейтенант Лопес... вернулся.

— Ну и что? Он и должен сейчас вернуться.

— Да, сеньор капитан... Но у него и у солдат руки связаны!

— Что?! — воскликнул Муньос и мигом выскочил на крыльцо комендантского дома.

Увиденное им зрелище заставило капитана нахмуриться, и молча наблюдать, как Лопесу и его солдатам караульные развязывают руки. Затем Лопес подошёл к капитану.

— Что произошло, лейтенант?

— На нас напали индейцы. Из засады...

— Индейцы?

— Да... Во главе с той белой девкой из племени макома, куда мы ходили на охоту.

- Макома?
- Да, сеньор. И, похоже, что она их предводитель.
- Белая девка — вождь индейцев? Такого что-то не припомню.
- Но это так, сеньор. Они освободили всех работников, забрали оружие и мою лошадь.
- И никого из вас не убили?
- Нет, сеньор. Эта девка запретила.
- Странное поведение. Обычно они убивают наших столько, сколько отправили из них на тот свет мы. А в прошлый раз мы убили несколько диких.
- У нас потери были тоже.
- Да, но это ничего не объясняет.
- Надо что-то делать, сеньор капитан. Дайте мне людей, и я пойду опять к индейцам. Клянусь взять их вместе с той бабой.
- Нет, Лопес... У меня людей нет.
- Но что-то надо делать, сеньор.
- Для работы на полях соберём всех, кто есть в крепости. Мы с тобой завтра же едем в миссию Сан-Франциско. Попросим у них солдат. И вот тогда-то и нагрянем опять к дикарям... Что скажешь, лейтенант?
- Да, сеньор капитан. Как прикажете. Я готов.

Кусков и его спутники шагали по густой траве, пробираясь через заросли кустарника, но не приближаясь к недалежней кромке большого соснового леса.

Когда в очередной раз Кусков остановился, чтобы оглядеться, Сысой Слободчиков с сомнением сказал:

— А, может, не тут ищем, Иван Александрович?

— Нет, Сысой. Именно тут. Ведь я бывал в этих местах и не мог теперь ошибиться. Индейцы кайнама обитают здесь. У них в поселении шест высокий стоит с пучком перьев на вершине.

Все двинулись дальше и шли до тех пор, пока Иван Лихачев, шедший чуть в стороне, вдруг не закричал:

— Дым!.. Вижу дым!

И он показал рукой на кустарник у самой кромки леса. До него было еще далеко, но если присмотреться,

то и вправду можно было заметить легкий дымок, поднимающийся над кустами. Все ускорили шаг но, подойдя к индейской деревне, они увидели без всякого порядка несколько стоявших меж кустов хижин из ивовых прутьев, покрытых травой и листьями.

Но людей в деревне не было, хотя почти перед каждой хижинкой тлел небольшой костерок.

Кусков увидел перед одним жилищем воткнутый в землю высокий шест, к вершине которого был привязан пучек из птичьих перьев.

— Вот он — знак вождя. Стало быть, Валенилла где-то здесь.

— А чего народу нет? — задал кто-то наивный вопрос.

— Испугались нас, вот и убежали, — ответил Кусков.

— Пойдем поищем, да покричим.

— Еще дальше убегут.

— Чего нас боятся-то?

— Индейцы нас давно заметили и приняли, верно, за испанцев, которых они боятся и ненавидят люто.

— За что?

— Те жестоко с ними обращаются.

— А как же нам теперь их найти?

— Сделаем так, — сказал Кусков, поразмыслив. — Оставим тут у шеста несколько подарков — вещиц, а сами уйдем.

Индейцы же непременно сюда придут, когда нас не будет, и убедятся, что мы не враги их и не испанцы. Мы такое раньше делали.

Кусков достал из сумы холщевый плат, расстелил его у шеста и положил на него несколько вещиц: такую же холщевую рубаху, нож, бусы на нитке. Кто-то добавил чугунок, топоры, вырезанные из дерева ложки. Вдобавок ко всему Кусков снял и положил на холстину свою фуражку.

Затем он и его люди ушли в сторону от деревни, но так, что было видно и шест и хижины рядом с ними.

А через некоторое время к шесту с перьями, осторожно ступая и оглядываясь подошел один из индейцев, затем другой и они о чем-то стали говорить, показывая на подарки, но не беря их в руки. Затем один из них

пустился бегом в густой лес и вернулся к хижинам с довольно высоким индейцем, за которым шла целая толпа соплеменников.

Высокий здоровяк был так же темнокож, как и все его собратия и из одежды на нем, как и у всех, была лишь набедренная повязка. Но все же он отличался от других своим белым бисерным ожерельем, свисающим с шеи на грудь и налобной лентой из мелких птичьих перьев. Его черные смоляные волосы были забраны почти на самом темени в большой, перевязанный лентой пучок с деревянной заколкой.

Индеец подошел к шесту, с интересом потрогал подарки, а когда увидел фуражку, то и вовсе обрадовался. Потом примерил рубаху и радостно воскликнул:

— Хойбо! Апихойбо Иван!

Он что-то сказал одному из братьев и тот стремглав побежал в ту сторону, куда скрылись неожиданные гости.

А Кусков и его люди сидели под кустами, когда бежавший по их следам индеец натолкнулся на них. Но он даже не испугался, а, подойдя к Кускову, громко сказал:

— Апихойбо Иван. Вождь Валенилла ждет тебя и твоих людей.

— Я так и знал, — догадался Кусков. — И не ошибся, слава Богу. Веди нас к Валенилле... Пошли, братцы.

Все двинулись обратно к деревне и Федор, все время с любопытством наблюдающий за происходящим, спросил Кускова:

— А что это он тебя, Иван Александрович, таким словом-то назвал?

— Хойбо на их языке означает — начальник, а апихойбо — большой начальник. Сей человек — переводчик вождя, по-ихнему — вакер, — кивнул Кусков на быстро идущего впереди индейца.

Вождь Валенилла встретил Ивана Кускова с радушием и улыбкой.

— Апихойбо Иван! — раскинул он для объятия руки. — Вот я и дождался тебя.

— Да, брат Валенилла, и я рад встрече с тобой. Вот и вновь я здесь на твоей земле, как и обещал.

— Приветствую брата Ивана и приглашаю его и его людей в мою хижину.

— погоди, Валенилла. Сперва скажи, сделал ли ты дело, о котором я просил тебя? Подыскал ли ты место для нашей оседлости?

— Я хотел рассказать о том в хижине, но если ты торопишься, то говорю: я все сделал и выбрал место для твоего поселения.

— Тогда, брат Валенилла, прямо сейчас туда и пойдем. Там и поговорим.

— Пойдем, апихойбо, — с готовностью согласился Валенилла.

Во время этого разговора Федор заметил девушку-индейку. Она тоже заметила взгляд Федора и, смутившись, спряталась за спинами людей.

— Ну что, брат Федор, не присмотрел еще невесту? — кивнул в сторону туземцев Иван Лихачев.

— Да будет тебе... Сразу уж и невесту.

— Ну не сразу, понятно. Погулять можно. Зато смотри, какой выбор девок-то.

— Вижу. Да только они не такие, как у нас. Непривычно как-то, голые ведь совсем.

— Стерпится-слюбится. А что голые, так и ты разде- ньяся.

— Да будет тебе, махнул рукой на Ивана Федор.

А тем временем вождь Валенилла что-то крикнул своим людям. К нему подбежали несколько индейцев и все двинулись вдоль кромки леса к океанскому берегу.

Когда же лес кончился, то открылся перед ними океанский простор. Кусков, его люди, Валенилла с индейцами остановились на высоком берегу, полого спускающемся к океанским волнам.

Кусков огляделся. Позади него была огромная плоская равнина, а совсем рядом стоял густой лес, подступающий местами почти к самому берегу.

— Вот, апихойбо Иван, — сказал Валенилла, — самое лучшее место на земле моего племени для твоего поселения.

— Спасибо тебе, брат Валенилла. Лучшего и желать не надо... Что скажешь ты, Сысой Иваныч?

— Да чего говорить-то. Место доброе, надежное. Вот одно только смущает меня.

— Что же?

— Так я ведь тут по Ново-Архангельску все равняю. А там причал прямо у крепости. Здесь же и малой байдаре пристать некуда, а не то, что большому кораблю.

— Я тоже о том подумал, — подал голос Иван Лихачев. — Здесь судов в году много проходит. Куда приставать будут? А ежели сами замыслим суда строить? Тут для верфи и места нет.

— Да, я согласен с вами, други мои. По первому взгляду хуже места для морской крепости и придумать трудно. Но мы и не будем строить таковую. Нам нужна оседлость на сей земле благодатной. А места для причала и верфи мы найдем на побережье... Но давайте глянем на преимущество сего места... Далеко от испанцев, — начал перечислять Кусков, — на высоком берегу, неприступном с моря, много удобной земли под пашню, а, главное, рядом целые леса американской сосны — чаги. Видите... Строй — не хочу.

— Вон там за холмами, — добавил Валенилла, которому вакер переводил всю беседу русских, — река есть.

— Вот и славно! Стало быть, вода пресная рядом во всякое время дня. Это ли не радость. Но главное даже не в этих преимуществах сего места против других.

— В чем же?

— А в том, что крепостцу нашу возводить мы будем на земле друга нашего — вождя племени кайнама Валениллы.

И Кусков благодарно обнял индейца. Потом, считая шаги, прошел вдоль берегового откоса и поставил вешку, а от нее прошелся в сторону леса и так, ставя вешки на поворотах он замкнул большую, почти квадратную площадь.

— Пятьдесят саженой вдоль берега и сорок в глубину. Думаю, что хватит. На углах, где стоят вешки — будут башни, а между ними стены из бревен. А за пределами стен земля для огородов, пашни, и построек... Я так мыслю, Валенилла.

— Апихойбо Иван. Я рад, что место тебе понравилось. Бери эту землю и владей.

— Нет, брат Валенилла, за просто так мы эту землю у тебя не возьмем. Это противно вере нашей православной и нашим русским правилам. Мы ее у тебя, брат, купим. Хоть за деньги, хоть за товары, как пожелаешь. Так мы делаем всегда и везде от имени компании нашей.

— Делай что хочешь, апихойбо Иван, только защити людей моего племени от испанцев.

— Об этом не беспокойся. Как только начнем строиться, то путь им сюда будет заказан... Ну, а чтобы разговор наш не был пустословным, я приглашаю тебя, брат Валенилла, к нам на шхуну, дабы скрепить наш договор о сей земле под русскую крепость.

Валенилла в знак согласия наклонил голову.

Байдары подходили к борту шхуны «Чириков». На передней сам Кусков, Слободчиков, Лихачев, Валенилла с переводчиком. На голове вождя головной убор из перьев какой-то диковинной птицы. На себя Валенилла надел еще холщевую рубаху, подаренную ему Кусковым.

Увидев капитана Бенземана, Кусков приветливо замахал рукой.

— Принимай гостей, Христофор Мартынович!

— Гостям всегда рады, — ответил с борта капитан и приказал спустить трап.

Вскоре все были на борту шхуны и Кусков представил гостей Бенземану.

— Наш друг вождь Валенилла — хозяин сих мест на океанском берегу.

— Милости просим, — пригласил Бенземан вождя, здороваясь с ним за руку.

Валенилла с любопытством окинул взглядом шхуну и показал на мачту, где на ветру развевался бело — синий

флаг Российско-Американской компании с двуглавым орлом.

— Караше, — выговорил Валенилла и что-то сказал своему вакеру.

— Вождь говорит, что ему нравится флаг и он хотел бы иметь такой же у себя.

— Скажи своему вождю, что у него будет такой флаг уже сегодня, — сказал Кусков.

— Караше, — улыбнулся довольный Валенилла.

В кают-компании Валениллу и его спутников усадили за стол и Кусков, держа в руках лист бумаги, заговорил.

— Мы приветствуем на борту русского корабля вождя Валениллу. И пригласили его сюда, чтобы закрепить тот устный договор, который есть между нами о продаже земли под русскую оседлость. Прошу ознакомиться.

Кусков зачитал документ вакеру и тот перевел его вождю. Валенилла кивнул согласно.

— Я согласен и рад тому, что у моего племени будут такие соседи. А земли берите столько, сколько вам надо... Да хоть всю Калифорнию я бы отдал вам, русским. Лишь бы защитили нас от пришельцев с востока.

— Взять под Россию всю Калифорнию не в нашей власти. Это дело Петербурга и Мадрида. Хотя я сам и не против русской Калифорнии. Но на защиту ты можешь рассчитывать. И твои соседи тоже.

— Больше мне ничего и не надо. Никакой платы. Живите.

— Нет, брат Валенилла, мы даром у тебя землю не возьмем. Это не в нашем обычае. Заплатим товарами, как и прописано... А пока вот тебе задаток в испанских пиастрах.

И Кусков положил перед вождем увесистый кожаный мешочек с перевязью.

— Караше, — кивнул Валенилла.

— А теперь, — взял Кусков гусиное перо и макнул его в чернильницу. — Скрепим сей договор. Первым подпишу я — коммерции советник Кусков.

Иван Александрович подписал бумагу и подвинул Валенилле. Тот также опустил перо в чернильницу, помазал большой палец правой руки чернилами и прижал его к бумаге рядом с подписью Кускова.

— Вождь Валенилла руку приложил, — сказал Кусков, выводя эти слова на бумажном листе. — И я жму эту руку. Ну вот, други мои, мы и свершили доброе дело. Теперь тут на калифорнийском берегу есть земля российского владения. Помолимся, отец Никодим.

Все повернулись к иконам и отец Никодим прочитал, подобающее к этому случаю завершения дела, молитвы. Валенилла выслушал их стоя.

— А теперь дело за тобой, Христофор Мартынович, — обратился Кусков к Бенземану. — Считай нас своими гостями.

— За нами дело не станет, — ответил капитан Бенземан.

Он сказал что-то стоявшим рядом матросам и на столе появилась сперва чистая льняная скатерть, потом бутылки с вином и закуска. Когда было разлито по стаканам вино, Кусков заговорил первым.

— Мы положили сегодня начало великому делу. Пусть наш друг вождь Валенилла знает, что мы пришли сюда с добром и миром.

— Я это знаю давно, — кивнул вождь.

— И мы не только будем защищать людей твоего племени, но и помогать всем, чем сможем. Будем учить детей ваших грамоте и разным ремеслам. Можешь передать это и другим вождям.

— Я пойду к ним и все скажу. Думаю, что соседние вожди Аматтин и Гемлеле поддержат меня. А ваши люди пусть по нашей земле ходят свободно. Хоть по одному, хоть по два.

— А как воины твои и соседей узнают, что мы не испанцы.

— Испанцы передвигаются по нашей земле только отрядами и только с оружием.

— Так выпьем же, друзья мои, за вождя Валениллу и за дружбу и согласие между нами.

Валенилла выпил вместе со всеми, а потом заговорил, обращаясь к Кускову.

— Апихойбо Иван. Я и люди моего племени рады, что на нашей земле будет стоять русская крепость и русские люди будут жить рядом с нами. Мы не только уступаем вам землю, но и поможем строить вашу крепость.

— Спасибо, брат Валенилла. Об этом я даже и думать не мог.

— А сейчас, апихойбо Иван, я хочу в знак нашей дружбы подарить тебе свой головной убор вождя.

Валенилла снял с головы убор из ярких птичьих перьев и надел его на голову Кускова. Под возгласы одобрения Кусков пожал Валенилле руку и обнял его.

— Спасибо, брат Валенилла.

Иван Лихачев с Федором стояли у бортовых перил шхуны, когда из люка кают-компания стали выходить на палубу Кусков, Слободчиков, Тараканов и гости-индейцы.

У трапа Кусков вновь обнялся с вождем индейцев и те спустились в баркас. Слободчиков, увидев Ивана, подошел к нему.

— Ну что, Ваня, о чем в мыслях витаешь?

— Да все о том же... Об Алене все мысли мои. Может, думаю, она где-то на этом берегу.

— Ну нет. Тут даже и пиратам-то приставать к здешним берегам незачем.

— А мы в Сан-Франциско к испанцам пойдем? Может, Гельбер туда заходил?

— Про то, куда пойдем ведает только Иван Александрович. Его спросить надо. Погоди маленько.

Но Кускова ждать не пришлось. Проводив Валениллу и помахав рукой уплывающему баркасу с индейцами, он сам подошел к Слободчикову.

— А ведь хорош мужик этот Валенилла! А, Сысой?

— Хорош, Иван Александрович, что и говорить. Доброе дело сделано.

— Только начато, Сысой, только начато. Но начало — половина дела. И как бы хорошо оно у нас ни было сегодня, а к испанцам все же нам идти надо.

— Куда пойдем?

— В Монтерей к ихнему губернатору Калифорнии я, конечно, не пойду, а вот в Сан-Франциско к тамошнему коменданту пойдем обязательно. Там к нам благоволят со времен Николая Петровича Резанова, который первым сюда дорожку проторил. И с нынешним комендантом доном Аргуэльо думаю договориться полюбовно. Об этом есть наказ правителя Баранова.

— И когда же пойдем?

— Так завтра поутру и снимаемся с якоря, как Бог нам погоду даст. Готовьтесь. А я пойду к Христофору Мартынычу.

Капитан Муньос и лейтенант Лопес, сопровождаемые небольшим отрядом солдат-всадников подъехали к дому коменданта Сан-Франциско и, спешившись, поднялись на крыльцо.

Комендант Дон Луис Аргуэльо сидел за столом, когда Муньос и Лопес вошли в его кабинет.

— О, капитан Муньос! — несколько удивленно воскликнул дон Луис, вставая из-за стола и идя навстречу офицерам. — Никак не ожидал вас видеть, но видеть рад. Что заставило вас проделать столь долгий путь?

— Дело, не требующее отлагательств привело нас к вам, дон Луис. Надо поговорить.

— Располагайтесь, — пригласил гостей комендант. — И рассказывайте о вашем деле.

— Вокруг моей крепости Сан-Хосе, дон Луис, подняли голову индейцы.

— Да, среди множества племен вокруг наших крепостей есть и очень воинственные. Мне это известно. И что же они сделали?

— Отряд индейцев макома напал на охрану, которая вела работных индейцев с плантации в крепость. Индейцы разбежались.

— А охрана?

— Солдат и лейтенанта, — кивнул Муньос на спутника, — нападавшие связали по рукам и отпустили в крепость.

— Легко отделались, сеньор. Индейцы обычно убивают. К сожалению, от таких нападений не застрахован никто на всем побережье.

— Согласен, дон Луис. То, что дикари оставили в живых охрану — есть и для меня некая загадка. Но ее можно отгадать, если объяснить другую.

— И какую же?

— Вождь племени макома — белая женщина.

— Белая женщина?! — воскликнул дон Луис. — Вы не ошиблись, капитан?

— Нет, сеньор, — подтвердил Лопес. — Именно так — белая женщина верховодит племенем макома. Я сам тому свидетель.

— Откуда же она взялась?

— Никто не знает о том, потому-то все и выглядит неправдоподобно. Скажите, не заходили ли к вам в Сан-Франциско русские корабли?

— В последний раз были что-то около года назад. Но причем здесь русские, капитан?

— Та белая женщина — славянка. Ее речь ни на испанскую, ни на английскую не походит. Она говорит как славянка. Вот я думаю, что она с какого-нибудь русского судна.

— У русских в прошлые годы были случаи побегов с кораблей, но те беглецы были мужчины. Но, чтобы женщина... Нет, такого не припомню.

— Да, она славянка, — сказал Лопес. — Я видел ее дважды и слышал ее речь.

— Что и говорить — все это странно. Очень странно. Однако, что вы решили предпринять, капитан Муньос.

— У нас почти не стало индейцев, чтобы работать на полях. Да к тому же есть опасность, что макома и другие племена, соединившись, могут напасть на Сан-Хосе, как бывало уже. Вот я и приехал просить у вас помощи. Мне нужны солдаты для охоты на дикарей и защиты моей крепости. Мы с лейтенантом Лопесом...

Но договорить капитану Муньосу не пришлось. Дверь в кабинет распахнулась и на пороге появился офицер.

— Сеньор капитан! К нам идет иностранный корабль.

— Под чьим флагом иностранец?

— Похоже, что под русским, сеньор комендант.

— Вот как! А мы только что говорили о русских. Легки же они на помине. Но кто бы они не были, встретить надо достойно. Как только судно встанет на якорь — сходите к ним на шлюпке и узнайте кто они и что им у нас надо.

— Слушаюсь, сеньор!

И офицер, хлопнув дверью, побежал прочь от дома коменданта к пристани.

Как только шхуна «Чириков» встала на якорь с ее борта раздались семь пушечных салютных выстрелов.

Кусков и Бенземан, стоя на капитанском мостике, пристально глядели в сторону испанского форта Сан-Франциско в ожидании ответных выстрелов. Ждать пришлось довольно долго.

— Странно, однако, Иван Александрович, что они молчат... Что бы это значило? — глядя в подзорную трубу, сказал Бенземан.

— Да, такого тут не бывало прежде, — подтвердил Кусков.

Наконец со стороны испанской крепости раздались пушечные выстрелы. Но их было всего пять.

— Они должны ответить тоже семью, а я насчитал всего пять, — снова удивился Бенземан. — Отчего так?

— Не ведаю и сам, Христофор Мартынович... Но, главное, мы пришли сюда и скоро все выясним.

— Слева по борту вижу шлюпку! — крикнул капитану матрос-сигнальщик. — Идет к нам!

Но капитан ее и сам заметил и передал подзорную трубу Кускову. Тот коротко в нее глянул.

— Офицер от коменданта. Пойду встречу, — сказал Кусков и стал спускаться с капитанского мостика.

Скоро шлюпка подошла почти к самому борту «Чирикова» и офицер, встав во весь рост, громко прокричал по-испански:

— Кто вы и зачем пришли!

— Русская шхуна «Чириков»! — так же по-испански прокричал в ответ Кусков. — Российско-американской компании. И я — коммерции советник Иван Кусков! Передайте вашему коменданту дону Аргуэльо, что я хочу с ним встретиться!

— Ждите! — крикнул офицер и шлюпка, развернувшись, стала удаляться к форту.

Посыльного офицера Луис Аргуэльо вместе с Муньосом и Лопесом встретили на крыльце коменданского дома.

— Русские пришли, сеньор комендант. Судно «Чириков» Российско-американской компании во главе с коммерции советником Кусковым. Он просит встречи с вами, сеньор.

— А-а-а, старый знакомый русский мореход... А почему мы ответили на их салют только пятью выстрелами? — спросил комендант офицера.

— Так у нас же мало пороха, господин комендант. Только на боевые заряды и остались.

— Вот ведь какая неловкость. Все это походит на неуважение к гостям и на нарушение правил. Придется извиняться. Ну, да русские поймут нас. Передайте Кускову, что комендант Сан-Франциско ждет его.

— Слушаюсь, сеньор, — ответил офицер и вновь бросился к причалу.

— А чего этим русским здесь надо, дон Луис?

— Они ходят по всему океану, капитан. Промышляют по побережью от Аляски до Санта-Барбары и Сан-Диего морских бобров, торгуют.

— Но Мадрид запретил нам торговать с иностранцами.

— Да, я знаю. Но? Не странно ли, капитан, что из Мадрида виднее, как нам тут жить? Где взять того же пороха для пушек и ружей, как не купить его?

— Надо подождать наше судно, сеньор.

— Когда оно придет — неизвестно. Заботы же наши повседневны и жить надо сейчас, капитан... Впрочем, я не думаю, что русские пришли именно торговать с нами. Им, наверное, нужна пресная вода и продукты. Да мало ли...

— А не хотят ли русские здесь у нас поселиться?

— Пока такого желания они не высказывали. Не будем гадать, сеньоры. Скоро Кусков будет здесь и я все узнаю, хотя в их заходе сюда я не вижу ничего необычного. Они бывают здесь каждый год... А с вами, сеньоры, мы еще продолжим разговор.

Обе шлюпки, испанская и с «Чирикова», ткнулись в берег у причала. Иван Кусков, сойдя на землю вместе с Сысоем Слободчиковым, дождался посыльного офицера и они вместе пошли по дороге к воротам глинобитной стены испанской миссии.

Кусков и Слободчиков бывали здесь не раз и по узкой улочке форта с низкими и глинобитными же домами шли без всякого любопытства.

В крепости, как всегда, былолюдно. От индейцев, играющих прямо на земле в «чет-нечет» и от прохожих испанцев, с любопытством вззирающих на необычных для них иностранцев.

На крыльце комендантского дома дон Луис стоял один и, увидев подходящих к дому гостей, сошел по ступеням навстречу.

— Рад вас видеть, сеньоры, — улыбаясь заговорил дон Луис, здороваясь с гостями. — Попутным ли ветром в наши края?

— Попутным, дон Луис, попутным. Целый месяц из нашей северной зимы шли мы сюда в ваше лето. И как, думаю, не зайти к старому знакомцу.

— Я рад, что не забываете меня, сеньор Кусков. Я тоже вспоминаю ваши прошлые визиты, сеньоры... А что, ныне вы опять пришли промышлять бобров в наших водах?

— Это само собой, дон Луис, скрывать не стану. Тем компания наша и живет. Только нынче есть у меня и еще одна забота.

— И в чем она?

— А вот об этом хотел бы поговорить с вами наедине. Так что приглашайте в дом, дон Луис.

— О, да, сеньоры, конечно, извините... Прошу вас.

И Луис Аргуэльо широко раскинул руки, приглашая гостей пройти в дом.

А там, когда гости уселись в кресла, за накрытый к дружескому обеду стол, Аргуэльо вновь заговорил первым.

— Сеньоры! Я думаю, что этот скромный обед не помешает нашему деловому разговору?

— Ни в коей мере, — сказал Кусков. — Даже поможет нам понять друг друга. Так что мы премного вам благодарны.

— Но сперва, сеньоры, позвольте мне извиниться за то, что в ответ на ваш приветственный салют мы ответили лишь пятью выстрелами.

— А что случилось, дон Луис?

— Все весьма и весьма просто: на холостые заряды нет пороха.

— Все действительно просто. Я сегодня же пришлю вам бочонок пороха в дар, дон Луис.

— Буду вам признателен, сеньор.

— А вот второй бочонок вы у нас можете купить. Или за пиастры или за товар. Как того пожелаете.

— Я согласен на все, сеньор Кусков, и благодарю вас. Предлагаю выпить за нашу встречу, сеньоры, — сказал дон Луис, поднимая бокал с вином и, выпив, продолжил. — Так что же вы мне хотели сказать, кроме того, что пришли ныне охотиться на бобров?

— Да, сеньор Аргуэльо. Мы пришли не только за этим. А точнее — промысел бобров для нас нынче не главное дело в этих краях.

— Я заинтригован, сеньор Кусков. И что же главное?

— Основать здесь нашу русскую оседлость, дон Луис.

— Русская крепость в Калифорнии?

— Да, дон Луис. Именно такой наказ имею от компании нашей и правителя русских владений в Америке Баранова.

— И где же вы намерены заложить русский форт? Здесь вся земля принадлежит испанской короне.

— Сперва присмотрел я место доброе на берегу залива Бодега.

— Это рядом с нами и земля по побережью там вся наша.

— Не вся, дон Луис. Севернее Бодеги, а по-нашему — залива Румянцева, лежит ничейная земля. А, вернее, принадлежит она племенам тамошних природных жителей.

— Все равно, сеньор Кусков, вам для решения сего дела надлежит обратиться к губернатору Верхней Калифорнии.

— Нет, в Монтерей я не намерен ехать, дон Луис. Землю же под оседлость я сговорил у индейцев для продажи нам еще в прошлом году. Зачем же мне ваш губернатор? А вот с вами, дон Луис, я уверен, мы будем разговаривать и договариваться, жить в мире и дружбе.

— Вы, сеньор Кусков, знаете мое доброе отношение к России и к вам — русским людям. Но здесь у нас не все так настроены. Найдутся такие, кто будут мешать вам. Поэтому мой вам совет: поселитесь подальше от Бодеги, дабы не раздражать недовольных.

— Оседлость наша, дон Луис, будет более чем в сотне миль от Сан-Франциско. Так что соседство не назовешь близким.

— Все равно найдутся те, кто донесут в Мадрид.

— Вот уж воистину: до Бога высоко, до царя далеко. По последним известиям народ ваш испанский сражается ныне с войсками французского тирана Наполеона Буонапарта.

— Да, Испания воюет с французскими захватчиками.

— Нынче вся Европа в огне. Так что ни Мадриду, ни Петербургу теперь не до нас. А мы ждать более не можем. У нас на Аляске зима опять была голодной и холодной. Живя тут, дон Луис, даже вообразить трудно наши лишения там на Аляске и на островах Алеутских. От недостатка пищи люди истощены, больны... Есть и погибшие от голода. Одна надежда наша на сию благодатную землю Калифорнии и на вас, дон Луис!

— На меня? Но что я могу для вас сделать кроме того, что не препятствовать строить ваш форт?

— Мы благодарны вам за это, дон Луис, но я сейчас о другом... Наши беды ныне точно такие же, как и в тот

год, когда к вам пришел на «Юноне» наш русский генерал и камергер Николай Петрович Резанов.

— Я хорошо помню тот визит.

— Тогда Резанов купил здесь четыре тысячи пудов зерна, сто пудов соли, пятьсот сала. Он заполнил трюмы «Юноны» бобами, сушеным мясом, солониной. И наши люди на Аляске были спасены от голодной смерти и болезней. Все это благодаря тогдашнему коменданту Сан-Франциско и отцу вашему дону Жозе Аргуэльо.

— Да, я хорошо все помню. Сеньор Резанов был дружен с нашей семьей и обручен с моей сестрой Кончитой. Он поехал в Россию за разрешением на брак к вашему императору и папе римскому. Кстати, подтвердилось ли известие о его смерти на пути в Петербург где-то, кажется, в Сибири?

— Да, дон Луис. И у нас об этом все знают. В прошлый раз я об этом говорил.

— Кончита не верит до сих пор в смерть своего возлюбленного сеньора Резанова, и все еще ждет его.

— Она здесь, в Сан-Франциско?

— Нет. С отцом и матерью она живет теперь в Монтерее и все ждет и ждет своего избранника.

— Я имею наказ передать письмо правителя Баранова к вашему батюшке. Там подтверждается кончина камергера Резанова ровно пять лет тому в марте восьмьсот седьмого года по дороге из Иркутска в Красноярск, где и лежит его прах.

— Кончита все равно не поверит. Я знаю, что отец сделал запрос в Мадрид и далее в Петербург только ради сестры. Мы же все уверены в случившемся. ...И в память наших добрых отношений я готов помочь вам. Скажите, сеньор Кусков, что вам необходимо?

— Судно «Чириков», на котором мы пришли сюда, я скоро отправлю в обратный путь и мне необходимо заполнить его трюмы продуктами. Я хотел бы купить у вас зерно, бобы, сушеное мясо, сало, соль. Короче говоря, все, что вы можете продать нам.

— Это в моей власти, сеньор.

— Расчет произведем немедля по загрузке. Пиастрами и частью нашими товарами: кожами, тканями,

топорами, гвоздями и прочими иными товарами, как вы пожелаете.

— Я согласен, сеньор. Тем более, что мы ни с кем не торгуем и запасы продуктов у нас в достатке.

— Тогда по рукам, дон Луис!

— По рукам, сеньор Кусков!

Луис Аргуэльо и Кусков поднялись с кресел и протянули друг другу руки, а потом и бокалы.

Сысой Слободчиков тоже поднялся и обратился к Кускову.

— Про Алену-то не забудь спросить, Иван Александрович.

— Да-да... Не заходил ли к вам, дон Луис, сюда в Сан-Франциско на судне «Альбатрос» Самуэль Гельбер? Он из пиратствующих.

— Имя этого морского разбойника мне известно, но у нас его не было. А где вы его видели?

— Он приходил к берегам Аляски и возмущал тамошних индейцев против нас. Они даже пытались штурмовать Ново-Архангельск на Ситке, но мы отбились. Гельбер бежал и ушел от наших берегов, но захватил с собой дочь вот этого человека, моего друга и помощника Сысыя Ивановича Слободчикова. Вот мы и справляемся по всему побережью: может заходил пират, да продал девушку кому-то в служанки?

— Нет, такого у нас не было. Это точно. Но я буду спрашивать, сеньор Сысой. В Монтерее, например.

— Благодарствую, сеньор Луис, — поблагодарил Слободчиков.

— Странно только, что сегодня во второй раз приходится говорить о русской девушке.

— Кто же еще вам говорил?

— Наши офицеры из форта Сан-Хосе рассказывали мне сегодня о девушке-славянке. Она — вождь одного из индейских племен.

— Девушка, да еще славянка — вождь индейцев? Час от часу не легче. Может ли быть такое? А как звать ее?

— Шаста.

— У славян нет такого имени. Да и как Алена могла оказаться здесь?

— Не может и быть сего, — согласился Слободчиков.

— Я обещаю все узнать подробнее и при следующей встрече расскажу вам, сеньоры.

— Ну, что же, дон Луис. Позвольте нам откланяться с благодарностью за гостеприимство и добрую беседу.

— Я рад был встрече с вами, сеньоры...

— И мы рады и довольны, дон Луис, сей встречей.

— Буду ждать новой, сеньор Кусков.

— Как только разгрузимся на выбранном месте, то кто-то из нас вновь придет к вам за продуктами, о чем договорились.

— Буду ждать, сеньоры.

Луис Аргуэльо вышел проводить гостей на крыльцо комендантского дома и тепло распрощался с ними. Кусков и Слободчиков в сопровождении офицера миссии пошли к пристани.

Недалеко от причала путь им преградили два испанских офицера, держащих в поводу верховых лошадей. Это были капитан Муньос и лейтенант Лопес.

— Вы с русского корабля, сеньоры? — спросил старший из офицеров.

— Да, сеньор. С кем имею честь говорить?

— Капитан Муньос, сеньор. Уж не собираетесь ли вы, русские здесь поселиться надолго?

— Похоже на то, сеньор капитан.

— И где же?

— В сотне миль отсюда, сеньор капитан.

— Но ведь на сотню миль кругом здесь наша земля! — воскликнул Муньос.

— А мы поселимся на сто первой, сеньор.

— А мы вас прогоним!

— Ну, что же, сеньоры, — усмехнувшись, но твердо сказал Кусков. — Приходите, прогоните.

И не сказав больше ни слова, он и Слободчиков направились к шлюпке, где их ожидали матросы с «Чирикова».

И Лопес и Муньос с нескрываемой неприязнью смотрели вслед уходящим от них русским мореходам.

— Добывать зверя никому не запрещено по всему побережью. Это так, — произнес Муньос. — Но поселение чужаков на нашей земле — это уже слишком. Им надо помешать. Что-то надо придумать, лейтенант Лопес.

— Я знаю, что надо делать, сеньор капитан. И мы это сделаем...

Офицеры вскочили в седла и поехали к воротам миссии Сан-Франциско.

В деревне племени макома шла обычная жизнь: женщины у костров перед своими шалашами готовили пищу, мужчины с плетеными корзинами отправились в соседний лес. А молодые воины на окраине деревни тренировались в стрельбе из лука по камышовым мишеням. На одну из мишеней были надеты испанская фуражка и куртка.

Среди воинов была и Алена, которая вместе со всеми стреляла по мишеням. И при всяком попадании, особенно в мишень в испанской форме, ликованию воинов не было предела.

Алена стреляла метко и после одного из удачных выстрелов, когда воины бурно выражали восторг, к ней подошел один из них.

— Вождь Шаства, мы готовы идти на испанскую крепость.

— Еще рано, Помо. Еще не все воины умеют скакать на конях, не все метко стреляют. Еще я хочу, чтобы у каждого мужчины макома был боевой конь. Только тогда мы будем готовы воевать испанскую крепость и освободить наших людей.

— Но где мы возьмем коней?

— Как где? Разве не пасут их испанцы возле своего поселения? Там и возьмем.

— Мы готовы! Веди нас, вождь Шаства!

— Всеу свое время, Помо. Я скажу, когда пойдем в поход.

Воин отошел и Манефа спросила Алену:

— Ты и вправду решила идти на испанский форт?

— Этого хотят наши воины. Но идти туда сейчас — значит погубить мужчин. Чтобы воевать с солдатами на равных одной храбрости мало. Надо иметь коней и ружья. О том и все помыслы мои ныне...

— Тяжко тебе будет, Алена.

— Знаю, да разве о себе в сей час мне думать надо. О людях пекусь. Они ведь, как дети. Верят мне и надеются на меня. Я ныне их защита.

— Неужто о доме не вспоминаешь?

— Вспоминаю, врать не буду... Были бы крылья — улетила бы. Мне же Ванечку моего видеть охота, да тятю с матушкой. Как же не думать-то? Да только что зря душу бередить до времени.

— По тебе и не скажешь, что ты тоскуешь.

— А я ночью помолюсь, да пореву — мне легче и станет. Днем же забот хватает.

— Неужто тут и будешь до конца дней своих?

— Знамо, нет. Вот будут люди макома в безопасности жить, тогда и о себе подумать можно. А они выберут себе нового вождя.

— А как же ты домой добираться станешь?

— Мне тятя мой сказывал, что ходил не раз в эти места и даже в Сан-Франциско захаживал... Вот и мне бы туда добраться, а там судна нашего дожидаться. Наши каждый год туда заходят. Тятя говорил. Пойдешь со мной, Манефа?

— Чего и спрашиваешь. Да хоть сейчас.

— Пока время не пришло. А чтобы пришло, то нам молиться надо больше. Господь милостив.

Индийский мальчик Вук собирал в лесу жёлуди, когда услышал вдруг какие-то крики. Вук осторожно стал пробираться через лесные заросли на звуки и вдруг увидел, как испанцы, офицер и солдат, склонившись над лежащим человеком-индейцем, снимали скальп.

Вук спрятался за большим деревом и видел, как офицер положил скальп в суму у седла своей лошади. Второй

перекинул бездыханное тело индейца через холку своего коня и они пошли из леса, где на опушке их ждали еще трое конных солдат. Немного о чем-то поговорив, весь отряд двинулся в сторону далекого индейского поселения, соседнего с макама.

Вук стремглав побежал в свою деревню.

Алена обучала молодого индейца верховой езде, держа в руках длинную бечеву, привязанную к уздечке. Конь бегал по кругу, а индеец старался удержаться на неоседланной лошади. Алена что-то кричала подростку, была увлечена действием и не заметила как к ней подбежал Вук и быстро стал говорить. К ним подошла стоявшая рядом Манефа.

— Солдаты убили сейчас в лесу человека племени калечи и повезли его в их поселение. Они сняли с него скальп. Вук все видел.

— Ясно. Испанцы хотят поссорить нас с соседями. Едем! — решительно крикнула Алена.

Она громко свистнула и тут же к ней подбежали воины и первой подвели боевого коня.

Поселение племени калечи. Люди племени во главе с вождем стоят перед отрядом солдат под командой лейтенанта Лопеса.

Между индейцами и солдатами лежит тело убитого индейца с обезображенной головой. Лопес через вакера говорит с индейцами.

— На ваши земли пришли недавно новые люди с севера. Они уже захватили земли индейцев там и скоро придут сюда, а вас убьют. Эти люди захватчики — русские, славяне... Вот этого человека вашего племени мы наши вон там у самого леса. Его убили русские охотники. Мы видели, как они умчались на своих конях в сторону океанского берега. Они сделали это черное дело, чтобы запугать вас, калечи! Я призываю вас помочь прогнать русских с этой земли. Объединитесь с другими племенами и мы все вместе прогоним русских! Смерть пришельцам!

— Смерть! Смерть! Смерть! — закричали воины калечи.

А в это время послышался дальний топот лошадиных копыт и все увидели, что к поселению скачет отряд всадников-индейцев. Впереди всех скакала Алена. Маленький Вук восседал на одном седле с Аленой.

Подскакав к собравшимся калечи, Алена и ее люди резко остановились. На лицах испанцев было видно явное недоумение. Люди же калечи смотрели на Алену и ее воинов с почтением.

— Что говорит этот человек? — обратилась Алена к вождю калечи.

— Он говорит, что нашего калечи убили белые люди — русские.

— Откуда здесь взялись русские?

— Они пришли с севера и хотят поселиться здесь, а нас всех убить.

— Зачем же им убивать ваших людей?

— Он говорит, чтобы запугать нас, а потом захватить наши земли.

— Русские не убивают невинных людей. Они христиане и убивать не могут по законам и заповедям своей веры, — говорила Алена больше для испанцев, чем для вождя калечи. — Этот человек лжет!

— Где у тебя доказательства!? — крикнул Лопес.

Алена спрыгнула с коня и сняла с седла Вука.

— Скажи, Вук, кто убил мужчину калечи?

— Этот и этот, — показал мальчик на Лопеса и его подручного — Я все видел. Они сняли скальп.

— Что ты врешь, мерзавец! — опять закричал Лопес.

Индейцы калечи окружили испанцев.

— Он не врет — сказала Алена и, подойдя к лошади офицера, полоснула острым ножом по низу седельной сумы, из которой шлепнулся на землю окровавленный скальп.

Индейцы схватили лейтенанта Лопеса и его солдат.

— Я прошу вождя калечи пощадить невинных и отпустить их. Пусть идут и скажут своим людям, что мы мирные люди и убиваем только тех, кто причиняет нам зло.

Вождь что-то крикнул воинам и в кустарник повели только Лопеса и его подручного. Оттуда вскоре раздались дикие крики.

Алена подвела офицерского коня к Вуку.

— Теперь это твой боевой конь, Вук. Бери, ты его заслужил.

Счастливый Вук забрался в седло, все еще не веря в происходящее. И на лице его была благодарная улыбка, обращенная Алене.

Вождь калечи тоже благодарно поклонился Алене:

— Вождь Шаста, ты поступила как истинный друг и сосед. Я и мои люди благодарим тебя.

— Враги наши должны знать: кто с мечем к нам придет, тот и погибнет от меча. Так!

Когда возвращались обратно в свое поселение, Алена была задумчива.

— Что бы это все значило, Маня?

— О чем ты?

— Что это за русские пришли сюда?

— Откуда мне знать.

— Надо узнать. Может с Ситхи пришли, может, с Кадьяка твоего? Может, мой Ванечка с ними? А тятю моего так они наверняка знают...

— Может так, а, может, и не так. Мало ли наших по всему побережью.

— Все равно... Кто бы они ни были, но это все равно наши и я к ним поеду. Сердцем чую, что про своих узнаю.

Место для закладки железной доски с надписью литыми буквицами «Земля российского владения» выбрали почти посредине будущей крепости на чистом и ровном месте. Готова и неглубокая яма для доски у подножья четырехгранного столбика со шлемовидным верхом.

Толпа промышленных людей окружила место закладки. Здесь и Кусков, и Слободчиков, и отец Никодим, и Иван Лихачев с Федором. Здесь и индейцы со своим вождем Валениллой.

Отец Никодим, подойдя к Кускову, что-то сказал ему. Тот кивнул и батюшка начал подобающий к этому случаю молебен. Хор промышленных вторил словам священника и вот настал момент, когда он, взяв в правую руку кропило и, окунув его в сосуд со святой водой, окропил крестообразно закладную доску.

— Освящается доска сия, означающая, что отныне земля сия есть земля российского владения. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков Аминь.

Отец Никодим окропил на все четыре стороны стоявших вокруг и молящихся людей.

— Как вознесся на небо Господь наш, так и мы вознесем молитвы свои ко Господу, дабы сошла на место сие благодать Божия отныне и до века, — сказал отец Никодим и вновь поторил: — Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кусков со Слободчиковым подняли и положили доску в яму, закрыли дерном и Иван Александрович обратился к окружающим его людям.

— Други мои! Запомните сей день! Тысяча восемьсот двенадцатого года, мая в пятнадцатый день заложена и освящена доска наша, а вместе с нею положили мы сегодня начало пятнадцатой русской оседлости на американском матером берегу под тридцать восьмым градусом северной широты и сто двадцать третьим градусом восточной долготы. Отныне здесь на благодатной земле Калифорнии стоять будем мы — русские люди. С Богом, братцы!

И стройка русской крепости на калифорнийском берегу океана началась.

Застучали в недалеком лесу топоры и первые стволы красной сосны-чаги упали на землю. Лошадей не было и бревна таскали волоком, подкладывая под них круглые колья-катыши. На таске бревен работали все вместе: русские, алеуты, индейцы.

Мужики из промышленных, оставив на время ружья, взялись за лопаты и кирки. Они вгрызались в землю, го-

товя глубокую канаву под частокол будущей крепостной стены.

И вот уже первые заостренные сверху бревна частокола встали ровным рядом друг к другу, возвышаясь над землей на целых две сажени.

— Ну что, Сысой Иваныч, поздравляю тебя с началом крепостной стены, — сказал Кусков, похлопывая по бревну, только что вставшему в частокол. — У любой крепости стена — главное для обороны дело. А что бы ты, Сысой Иваныч, мог еще предложить для этой самой обороны?

Кусков развернул перед Слободчиковым чертеж крепости на плотной бумаге.

— Вот здесь намечены по углам башни. В них надо сделать стрельницы пошире. Чтобы ствол пушечный прошел.

— Добро. А как нам укрепить ворота? Не поставить ли воротные башни? Ведь всякий штурм крепостной начинают с ворот. А?

— Башни у ворот ставить не следует, но вот пушки у ворот по обе стороны — это будет не лишнее.

— Пожалуй, пожалуй, Сысой Иванович, пушки надо поставить.

— Я не знаю, будут ли они в кого-нибудь стрелять, но ставить надо. Пусть все знают, что они у нас есть.

— Мне и самому не хотелось, чтобы пушки наши стреляли. Разве что по случаю салюта. Но... береженого Бог бережет. Испанцы вот в гости обещались. Не дай Бог вооружить им свои племена против нас, как бывало на Ситхе.

— А что внутри за стенами у тебя намечено строить в первую голову?

— Вот здесь храм срубим. Я отцу Никодиму обещал. Потом колодец выроем, поставим складские сараи. Сами же пока и в палатках проживем... Тебе же, Сысой Иванович, с Христофором Бенземаном надлежит завтра поутру отплыть на «Чирикове» опять в Сан-Франциско к дону Луису Аргуэльо. Загрузитесь там продуктами, как с ним уговорено.

— А деньги?

— Деньги и бумаги у Бенземана. Все запиши как заведено. Ну, да не тебя учить делу сему. Потом придете сюда и отправим «Чирикова» в Ново-Архангельск. Вот праздник там будет! Александр Андреич ждет, поди... Так что поспеши.

Тут троекратно ударили в железное било, висевшее на перекладине «глаголем», возвещая о начале обеденного часа.

Все работные люди потянулись к сбитым из досок столам и скамьям возле поварни. За столы уселись все вместе, как и работали.

Женщины-индеанки подавали каждому в деревянных мисах еду, разносили хлеб и лепешки.

Одна из девушек поставила блюда с едой перед Иваном Лихачевым и Федором, пришедшими с топорами из леса. Иван узнал ее — девушку из племени вождя Валениллы, которая еще в первую встречу обратила внимание на Федора. И Иван толкнул друга локтем.

— Смотри, Федя, а ведь это зазнобушка твоя. Помнишь?

— Какая еще зазнобушка? — будто не понял Федор, увлеченный едой.

— Та самая, что на тебя тогда еще глаз положила. И сейчас глядит.

— Ну и пусть глядит.

— Так ведь полюбила, может, а ты на нее и не смотришь даже. Поговори с ней, да на свиданку сегодня сходи. Они тут недалеко обитают.

— Чего говорить-то. Я ни одного слова по-ихнему не знаю.

— Ты чего, Федюх? Тут никаких слов и не надо. Смотри, она и одета-то во все голое.

— Да ладно тебе.

— Ладно мне будет, когда ты с ней близко сойдешься. Когда уснешь на её груди.

— А ты сам-то чего сидишь?

— Пока Алену не найду, то ни на кого и смотреть не буду. А найду, так и тем более.

После трапезы, когда многие уже вышли из-за стола, Федор все же заговорил с девушкой-индеанкой.

— Тебя как зовут-то? — спросил он.

Она пожалала плечами и замотала головой, улыбаясь при этом.

— Ну, вот, я — Федор, Федя, Фе-дя, — ткнул он себя в грудь пальцем. — А ты?

И он хотел ткнуть в ее обнаженную грудь, да спохватился.

— Фенья, Фень-я, — проговорила девушка, все так же улыбаясь..

— Да не Феня, а Федя! Феней-то я тебя звать буду... А я Фе-дя, поняла?

— Фе-дья, — повторила индеанка и закивала головой. — Федья... мой...

— Ничего себе, — засмеялся Федор, — сразу же и твой?.. Эх, ну будь по-твоему, зазноба моя... Твой я, Феня, твой...

Алена была в своей хижине, когда к ней зашла Манефа.

— К тебе прибежал гонец от вождя кайнама Валениллы.

— Что ему надобно?

— Сам говорить будет.

Алена вышла наружу и вопросительно глянула на стоявшего у входа индейца.

— Вождь кайнама Валенилла зовет вождя макома Шасту и ее людей помогать белым людям строить их деревню.

— А кто эти белые люди? Откуда они пришли?

— Они приплыли с севера.

— А где будет их деревня?

— На земле кайнама. На берегу океана у трех холмов, меж которых течет наша река. Там у леса стоят их хижины.

— Ступай и передай вождю Валенилле, что мы придем помогать завтра.

Индеец поклонился и побежал прочь.

— Чует мое сердце, Маня, что там наши...Чует.

— Дай-то Бог.

— Будем собираться. Зови в мою хижину стариков. Совет держать буду.

Но Алена не успела зайти в свою хижину. К ней подбежали несколько мужчин и заговорили сразу все, перебивая друг друга. Голоса их были тревожны и, говоря, они показывали руками куда-то в сторону далеких холмов.

— Что они говорят?

— Они говорят, что вон там на дальнем холме появился дым. В той стороне наш дозор. Ты сама установила. Дозорщики шлют сигнал, что на нас идут испанцы.

Алена вгляделась и сама увидела струйку дыма, идущую вверх от вершины холма.

— Да... Это сигнал опасности. К нам идут солдаты, — подтвердила Алена и тут же распорядилась: — Уходим немедленно!

— Куда!

— Уходим на реку кайнама, в ту сторону, откуда прибежал гонец от Валениллы! К русским! Все конные воины ко мне! Все другие с женщинами, детьми и стариками быстро в путь к океанскому берегу! Скажи Вываку, что он поведет людей. Да побыстрее! А мы с воинами будем всех прикрывать и идти следом.

Поселение макома пришло в движение. Забрав детей, стариков и все самое необходимое для жизни, мужчины и женщины толпой поспешили прочь от обжитых хижин. Возглавил шествие шаман Вывак.

Оставшиеся воины, коих набралось с десятков, на конях с луками и копьями собрались вокруг Алены.

— Мы будем двигаться за нашими людьми в отдалении и уведем солдат в сторону, если в том нужда будет. Или примем бой! — сказала Алена. — Все готовы!

— Готовы! Веди нас, вождь Шаста!

— Так! — крикнула Алена и тронула своего вороного коня вслед убегающим людям племени.

После рабочего дня в палаточном лагере русских было тихо. Люди отдыхали. А вот во временных шалашах индейцев, что поставлены невдалеке от русских палаток,

было, напротив,людно и шумно. Слышалось оттуда даже хоровое пенье...

...Возле одного из шалашей собралась толпа индейцев, наблюдая, как два их соплеменника играли в гадательную игру.

Игроки сидели на корточках, а между ними была расстелена козья шкура, на которой лежала кучка тонких строганных палочек. Один из игроков брал в руку маленький камушек, прятал за спиной, перекладывая из ладони в ладонь, а потом обе руки вытягивал перед соперником. Тот должен был отгадать в какой руке лежит камушек. Если угадывал, то брал несколько палочек из кучи, если нет, то палочки доставались сопернику. Так и играли до тех пор, пока все палочки не кончались или не переходили к одному из игроков. Проигравший все палочки мог ставить на кон любую из своих вещей и продолжить игру.

Болельщики каждого из игроков бурными возгласами приветствовали отгадки и хором пели песни во все время, пока шла игра.

В толпе зрителей стоял и Федор, внимательно наблюдающий за игрой рядом со своей индеанкой Феней.

И вот, когда очередной проигравший встал с корточек, Федор вдруг сел на его место. Индейцы восторженно загалдели и игра, сопровождаемая хором поющих зрителей, началась вновь.

Сперва игра шла с переменным успехом, но потом Федор стал то и дело проигрывать.

Сначала он проиграл все палочки и, решив отыгаться, положил на кон свой картуз. Но проиграл и его. Потом по очереди он лишился кафтана, рубахи, сапог и, наконец, штанов. Оставшись в одних подштанниках, думал недолго.

— Эх, едрена-Матрена, была-не-была! —махнул Федор рукой. — Давай!

И он опять проиграл.

А счастливый индеец вскочил и заплясал на месте, но недолго. Он опять сел на корточки и пригласил на игру очередного соперника.

Федора же увели в тростниковый шалаш, откуда он вышел без своих холщевых подштанников, но в набедренной повязке из кроличьих шкурок и какой-то травы. К нему подошла Феня.

— Федья мой.

— Вот теперь я и вправду твой... Только как я домой-то пойду? А, Фень? Не поверят ведь... Пойдем-ка разукрась меня. И буду я совсем твой, — и Федор жестами показал девушке, что надо ему делать.

Индеанка подвела Федора к одному из шалашей, возле которого горел костер и где тоже в гадательную игру азартно играли женщины.

Феня что-то сказала стоявшим вокруг подругам и те сразу же принялись за дело. Они натерли ноги и все тело Федора какой-то темной глиной, намазали ею лицо и лоб и разукрасили разноцветными красками, а волосы собрали на темени в пучек, воткнув в него деревянную заклочку. И стал Федор совсем как индеец.

В таком виде он и пошел в свой палаточный городок.

Иван Лихачев занимался в своей палатке сортировкой и описанием образцов, найденных им на берегу океана камней. Он раскладывал их по полочкам небольшого стеллажа и что-то записывал в толстую книгу. Увлеченный своим занятием, Иван не заметил, как в палатку кто-то вошел, а когда он поднял от книги голову, то увидел стоявшего у входа индейца.

— Чего тебе, брат? — спросил Иван.

— Федья, Федья — проговорил индеец.

— Федора? Федю ищешь? Нету его тут, — замотал головой и замахал руками Иван.

— Федья, Федья, — снова повторил индеец.

Иван встал и подошел к незваному гостю.

— Нету Федеи... Не-ту, — терпеливо стал объяснять он. — Ушел он к вам в деревню. Туда, туда... К зазнобе своей.

Иван жестами показывал, куда ушел Федор.

— Федя — я, я — Федя, — стоял на своем индеец. — А ты Ваня... Ты че, Иван, разуй глаза-то!

Только тут Иван догадался кто стоял перед ним и схватил стоявший у стеллажа батожок.

— Ну, Федька, погоди!

Но Федька ждать не стал. Он стремглав выбежал из палатки и бросился в свою казарму, откуда вскоре послышался громкий хохот ее обитателей.

Отряд испанских солдат с капитаном Муньосом ворвался в деревню индейцев макома, но обнаружил лишь пустые тростниковые хижины. Куда ушли индейцы — долго не могли понять испанцы, объезжая поселение, пока, наконец, кто-то из солдат не крикнул капитану:

— Сеньор капитан, они ушли в эту сторону! Здесь конские следы!

— Вперед! — скомандовал Муньос.

И отряд поскакал дальше.

Индейцы племени макома все дальше и дальше убегали от преследовавших их испанских солдат. Оборачиваясь назад, они видели, что воины их племени на конях во главе с вождем едут следом и готовы их защитить, если понадобится. Но никто из соплеменников все равно не сбавлял быстрого шага, почти бега.

И вот уже показались вдали палатки русского лагеря и островерхие индейские хижины в стороне от них.. Уставшие люди макома побежали еще быстрее.

Алена подала рукой команду своим воинам спрятаться на склонах двух лесистых холмов. Воины спешили и, прячась за деревьями, изготовились к бою с испанцами.

И вот уже первые стрелы летят в сторону солдат. Те резко останавливаются и видят впереди лагерь русских.

Испанцы делают несколько выстрелов в сторону засевших за деревьями индейцев, но уже не решаются дальше преследовать их.

В поселении русских тоже заметили бегущих индейцев и в лагере частыми ударами зазвучало сполошное било. По этому тревожному сигналу все схватили ружья

и собрались у недавно поставленного частокола крепостной стены.

— Без моего приказа не стрелять! — громко крикнул Кусков, наблюдавший за происходящим в подзорную трубу. — Это индейцы убегают от испанских солдат. Приготовьтесь принять индейцев и отразить солдат!

Вскоре первые из бегущих индейцев добегают до палаток русского лагеря и в изнеможении падают на землю. Их поднимают и ведут к палаткам, дают пить воды.

Алена и ее воины дождались, когда испанцы развернули коней и поехали прочь. Воины макома спустились с холмов и поскакали к русским палаткам. Впереди всех на вороном коне неслась к лагерю Алена.

Иван Лихачев стоял у частокола, держа в руках штуцер. И когда прибежали первые индейцы, и когда прискакали конные, впереди которых неслась белокурая женщина, что было поразительно видеть.

Ее волосы развевались по ветру и она так была похожа на его Алену, что Иван бросился к ней и схватил за узду вороного коня. Тот резко встал, задрал голову и Алена едва не вылетла из седла, а, спрыгнув на землю, широко открытыми глазами глядела на Ивана, ничего не понимая. Так они оба и стояли несколько мгновений, замерев от нежданности.

Первым очнулся Иван.

— Алена!

— Ванечка, — прошептала Алена и упала без чувств на руки Ивана.

Он подхватил ее и понес в свою палатку.

Очнувшись, Алена увидела перед собой Кускова и своего Ванечку. У самого входа на корточках сидела ее верная Манефа.

— А тятя мой тут?

— Твой отец здесь с нами, Алена, — сказал Кусков. — Только сейчас он в Сан-Франциско. Грузит шхуну продуктами для Ново-Архангельска. Скоро придет сюда.

— Значит я и тятеньку увижу! Не верится в такое.

— Да и нам тоже не верилось, когда испанцы толковали нам о какой-то женщине-славянке и вожде индейцев. И кто бы из нас подумать мог, что это ты — наша Алена?

— А где про меня говорили испанцы?

— В Сан-Франциско, куда ходили мы недавно с визитом. Так что о тебе мы наслышаны. Только понять не могли: кто это такая калифорнийская славянка, что страх наводит на испанцев.

— Они изверги. Индейцев за людей не считают. Убивают... А они такие же люди, как и мы...

— Все так, — остановил Кусков Алену, — но довольно об этом. Сказывай-ка лучше, как ты тут очутилась?

Алена ненадолго задумалась.

— Меня увез пират Гельбер на своем судне.

— Мы это знаем.

— Он грозил продать меня где-то в порту на побережье... Но недалеко отсюда мы попали в страшную бурю. Судно разбилось, а я очнулась на прибрежных камнях. Вышла на берег и, прямо чудо какое-то, увидела индейцев. Они унесли меня в свою деревню и просили быть их предводительницей.

— Просили?

— Да... Незадолго перед тем у них умер старый вождь и они просили у своего бога океана нового вождя. И тут явилась пред ними я, да еще прямо из волн морских. К тому же всех белых людей в этом племени макома исстари почитают за богов.

— Но ты же и слова по-ихнему не знала, — сказал Иван.

— А мне, вон, Манефа помогала, — показала Алена на сидевшую у входа подругу. — Помощница моя во всем. Она сама с Кадьяка и тоже была пиратами увезена в эти края и продана, но сбежала и пристала к племени индейцев.

— Больше я тебя, Алена, от себя никуда не отпущу, — твердо произнес Иван.

— Нет, Ванечка, а как же люди мои? Кто им поможет? Кто их защитит?

— Ныне они под нашей защитой, Алена, — сказал Кусков. — И так будет всегда, пока мы здесь. Пусть знают.

— Все равно я их так сразу оставить не могу. Надо вот новые хижины построить. Мы ведь убежали все побросав.

— Поможем, Алена. Селитесь рядом с нами. Пусть твои индейцы страха не имеют. И провизией поможем.

— А мы ведь тоже собрались вам помочь крепость строить. Гонец ко мне был от вождя Валениллы. Так что и мы вам поможем, чем сможем.

— Но уходить-то тебе когда-никогда все равно придется.

— Я знаю, Ваня, и каждый день думаю об этом. А как это сделать — ума не приложу.

— Придумаем что-нибудь.

— Придумаем, придумаем, — согласился Кусков.

— А сейчас... ты прости меня, Ваня, но мне надо к людям моим. Поглядеть что и как. Я потом приду к тебе.

— Надо так надо. Теперь ждать легче.

— Маня, собери старейшин наших, — сказала Алена и они с Манефой вышли из палатки.

На стройке русской крепостилюдно и шумно: стучат топоры, кричат люди, визжат пилы, слышится «Эй, взяли!» на таске бревен и на подъеме их на срубы. Только теперь бревна таскают еще и на лошадях, которых отдала строителям Алена.

Подводится под крышу храм, возле которого хлопочет отец Никодим.

К нему робко подошел Федор.

— Батюшка, дозвошь слово молвить.

— Кто же тебе запрещает, брат Федор? Говори, с чем пришел.

— Так это... жениться я, батюшка надумал.

— Ну, что же. Дело сие богоугодное, приходи с невестой как храм построим.

— Так не крещёная она, невеста-то. Из местных. Вот она... С собой привёл. Феней зовут.

Из-за спины Федора выглянула, а затем вышла индианка почти что в чем мать родила: только одна повязка вокруг бедер.

— А-а, — заулыбался отец Никодим. — Как же я сразу не догадался. Конечно, конечно, сперва окреститься ей надобно, потом придется, да и под венец. А она-то согласна ли?

— Согласна, согласна. Мы уже и у вождя ихнего были. Всё по согласию.

— Тогда завтра и приходите. Окрещу. А храм достроим и обвенчаю. Согласна ли? — спросил отец Никодим девушку.

Та заулыбалась и закивала головой.

— Федья мой, Федья мой.

— Да твой я, твой... Куда теперь денешься.

Алена и Иван сидели, обнявшись, в палатке, у входа которой снаружи устроилась прямо на земле Манефа.

— Я так тебя ждала, Ванечка, так ждала... И молилась.

— А я сам тебя искал повсюду и все надеялся найти, Аленушка. И тоже молился.

— Вот Господь и услышал наши молитвы. Ведь это просто чудо — так нам повстречаться. Такое бывает только по велению Божию.

— Все так, Аленушка. Теперь надо думать, как тебе со мной остаться.

— А я уже придумала, Ваня.

— Придумала? А ну, рассказывай!

— Иван Александрыч Кусков говорил, что скоро придет сюда новое наше судно и тятенька мой с ним пойдет на Гавайские острова. Оттуда же и в Ново-Архангельск.

— Ну и что?

— Как что? Я скажу своим старикам, что отец мой меня к себе зовет и опять уйду в океанские волны. Это для них понятно будет.

— А для нас?

— Ты меня где-нибудь за скалой на баркасе ждешь и на судно доставишь. Хорошо я придумала?

— Куда как добро. А потом как мы вместе с тобой будем?

— Так мы на острова те с тятенькой сходим, потом в Ново-Архангельск маменьку повидать. И опять сюда с тобой, Ваня, отправимся... Здесь мне больно уж понравилось.

— Мне тоже место сие на душу легло... А ну, если увидят тебя потом твои индейцы?

— Тогда у меня будет другая жизнь, Ванечка. И у них тоже с новым вождем. Да и далеко они будут и время пройдет. Но, главное, и сейчас и потом они под защитой нашей. Лучшего я им я ничего и дать не могу.

— А Манефа?

— Она тут в крепости жить будет. Может, замуж выйдет, может домой на Кадьяк захочет отправится — дело ее. Она свободна.

— Какая ты у меня ладная да рассудительная.

— Потому что люблю тебя, Ванечка. И не хочу больше с тобой расставаться.

— И я тоже, Аленушка.

Двухсаженные стены из заостренных бревен, плотно прижатых друг к другу, башни с пушками, широкие ворота и тоже с пушками по обе их стороны, дом правителя, казармы, церковь с колоколенкой — все это и есть русская крепость на берегу океана, где за пределами крепостной стены разбиты еще и огороды, да вспахано поле.

В крепости множество людей: русские, алеуты, индейцы, обитающие рядом с русской оседлостью. Все веселы и довольны и все в ожидании главного события сгodayшнего утра — открытия нового форта, у которого пока нет и названия.

В доме Кускова собрались его ближние люди: Сысой Слободчиков, Тимофей Тараканов, Иван Лихачев с Аленой, отец Никодим с матушкой Верой и сам Иван Александрович с супругой Екатериной Прохоровной.

— Ну что, други мои, — заговорил Кусков, — начнем, благословясь...Благослови, отец Никодим.

— Господь благословит, — ответил батюшка и крестным знаменем осенил Кускова..

Тот взял свой картуз, положил в него свернутые в трубочки бумажки, перемешал их рукой и вытряхнул на небольшой столик перед иконой Спасителя.

— На одной бумажке написано мною — «Славянск», — сказал при этом Кусков. — На другой — «Росс»... А теперь — помоги, Господи...

Кусков перекрестился и взял одну из бумажных трубочек, затем развернул и произнес:

— Росс! Слава тебе, Господи! Крепость наша отныне называется Росс! Форт Росс!

На крыльце дома правителя появился Кусков и вместе с бывшими с ним людьми прошествовал к середине крепостной площади, где стояла врытая в землю высокая мачта.

Народ окружил Ивана Кускова. А тот что-то сказал отцу Никодиму. Батюшка прочитал молитву, потом окропил святой водой русский флаг, закрепленный на шнуре мачты. Затем Иван Александрович обратился к стоявшим вокруг него людям.

— По воле Спасителя крепость наша отныне зовется Россом! Крепость Росс! Форт Росс! Наша русская оседлость на американском берегу. Запомним, други мои, и потомкам передадим, что сегодня в тридцатый день августа восемьсот двенадцатого года мы подняли здесь русский флаг для пользы Отечества нашего и всех племен и народов, землю сию населяющих. С Богом, братцы!

Кусков подошел к мачте, потянул за шнур и флаг с двуглавым орлом стал медленно подниматься вверх. Тут же ухнули пушки, салютуя флагу, зазвенел колокол на колоколенке церкви Святой Троицы. Люди стреляли из ружей, кричали «Ура» и обнимались.

Когда флаг утвердился на мачте, Кусков вновь поднял руку, прося тишины.

— А теперь я, коммерции советник Кусков, имею честь по воле его императорского величества наградить друзей и соседей наших, вождей здешних племен медалью

«Союзные России»... Первому я возлагаю медаль нашему другу вождю Валенилле!

Под бурное ликование собравшихся Кусков возложил круглую медаль с лентой на грудь своего старого приятеля.

— Награждаю союзников наших — вождей Амматина и Гемлеле!

И опять под громкие возгласы Кусков надел вождям ленты с медалями.

— Отныне вы и ваши племена — союзные России и да будет дружба вечной между нами!

За длинным, сколоченным из красноватых досок сосны-чаги обеденным столом уместились почти все. А кому там показалось тесно, расположились обедать прямо на траве.

Выкаченной по такому случаю бочки с вином хватило всем и веселье за столом было всеобщим.

Русские песни сменялись индейским хоровым песнопением и танцами. И летела широко над фортом Росс и над всем этим простором песня-гимн российских мореходов:

*Ум российский промысла затеял,
Людей вольных по морям рассеял,
Места познавати,
Выгоды искати,
Отечеству в пользу,
В монаршую честь.
Бог всеильный нам здесь помогает,
Славу россов всюду подкрепляет,
Только обзрели,
Вскоре обселили
Полосу важну
Земли матерой.*

Кусков и отец Никодим подошли к одной из поющих компаний промышленных.

- Ну что, братцы! Свершили великое дело!
- Свершили, Иван Алексанрович!
- Свершили, ваш-благородие!

- С Божьей помощью! Так!
- Теперь обживать сей край будем!
- Будем, братцы, будем! И любопытно мне то, кто будет обживать... Вот ты откуда родом? — обратился Кусков к одному из стоявших мужиков с густой бородой.
- Вологодские мы, ваш-бродь. Из Устюга Великого.
- Устюжанин. Стало быть, земляк.
- Точно так.
- А ты?
- Из Иркутска.
- Тобольский я.
- Костромской, галичанин.
- Тоже почти земляк мой.
- Точно так, ваш-бродь.
- Из Курска. Рыльские мы..
- Ну вот, братцы, а все мы русские люди. Собрались почти со всей матушки-России. Теперь же мы с вами русские американцы. Пришли сюда надолго. Так что, как сказано в Писании: «Плодитесь и размножайтесь». Ищите себе невест, а батюшка наш отец Никодим благословит на это каждого из вас. Верно, отец Никодим?
- Вернее не бывает, Иван Александрович. Дело сие богоугодное и на пользу Отечеству.
- Будем стараться, Иван Александрович!
- Будем!
- Будем!

Алена с Манефой и Вуком пришли на берег океана. Они долго стояли, обдуваемые морским ветром. Потом Алена стала прощаться. Сперва она обняла Манефу, затем поцеловала маленького Вука и пошла по мелководью к прибрежным камням, а от них поплыла за скалы, где ждал ее баркас и Иван Лихачев с матросами. Взяв Алену, баркас поплыл к стоявшему недалеко судну.

Приняв всех на борт, корабль поднял паруса и поплыл в море.

Манефа и Вук стояли на берегу океана даже тогда, когда Алена скрылась за скалами в морских волнах. На

глазах Вука были слезы. Манефа обняла маленького индейца и они пошли прочь от океанского берега.

Кусков со своей супругой сидели на морском берегу у высокой сосны недалеко от крепостной стены.

Вдалеке по водному простору проплывал парусник. Это Сысой Слободчиков пошел на Сандвичевы острова, а оттуда и на Ситху.

Кусков помахал паруснику рукой, хотя с корабля его едва ли кто видел. Иван Александрович обнял жену за плечи.

— Вот так и будем мы с тобой, Катерина Прохоровна, отныне встречать да провожать корабли и... мечтать.

— А мечтать-то о чем же?

— О том, что когда окончится моя служба, то вот так же, на таком же паруснике поплывем и мы с тобой в Россию к отеческим берегам... Ко мне в Вологду, в Тотьму, на Сухону-реку. Только тем и живу... Но это будет потом, как Бог даст, а пока я еще здесь послужу любезному Отечеству нашему — Святой Руси.

*г. Вологда
2000 г.*

